

ВЕСТНИК ВОЕННОГО ПРАВА

№ 2 / 2018

В НОМЕРЕ:

- ИНТЕРВЬЮ
С ЗАМЕСТИТЕЛЕМ ГЕНЕРАЛЬНОГО
ПРОКУРОРА РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ – ГЛАВНЫМ ВОЕННЫМ
ПРОКУРОРОМ ГОСУДАРСТВЕННЫМ
СОВЕТНИКОМ ЮСТИЦИИ 2 КЛАССА
В.Г. ПЕТРОВЫМ
- ИНТЕРВЬЮ
С ДИРЕКТОРОМ ДЕПАРТАМЕНТА
ПРЕТЕНЗИОННОЙ И СУДЕБНО-
ПРАВОВОЙ РАБОТЫ МИНИСТЕРСТВА
ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМ
ГОСУДАРСТВЕННЫМ СОВЕТНИКОМ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 2 КЛАССА
Н.В. ЕЛИНОЙ
- ВОЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ:
НАМ ЕСТЬ ЧЕМ ГОРДИТЬСЯ!
- СЛУЖЕНИЕ ОТЧИЗНЕ,
НАУКЕ И ПРОСВЕЩЕНИЮ
(ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА
Х.М. АХМЕТШИНА)

генерал-полковник
Н.Ф. Кизюн,
доктор философских наук,
профессор,
председатель Совета ветеранов
Военного университета
Министерства обороны
Российской Федерации

**Дорогие ветераны!
Товарищи офицеры, курсанты!
Уважаемые коллеги!
Поздравляю Вас с Днём Победы!**

Великая Отечественная война закончилась 73 года назад, но память о ней не меркнет, она передаётся от поколения к поколению, оставаясь символом истинного патриотизма и духовного величия нашего народа.

Война стала целой эпохой для нашей страны – эпохой воинской доблести и отваги, тяжелейших испытаний и трагических потерь, светлых надежд и безграничной веры в Победу.

Мы всегда будем помнить тех, кто, не жалея себя на фронте и в тылу, нанёс сокрушительное поражение нацистской Германии, положил конец самой масштабной и кровопролитной войне в истории человечества.

Мы склоняем головы перед светлой памятью всех, кто не вернулся с войны, всех, кого уже нет с нами.

Отдельно мне бы хотелось поздравить с этим праздником представителей органов военной юстиции, которые достойно проявили себя на передовой. За годы Великой Отечественной войны из стен Военно-юридической академии, правопреемником славных традиций которой является юридический факультет Военного университета, ушли на фронт несколько тысяч человек. Многие не вернулись...

Нынешние защитники Отечества, держа равнение на доблестный подвиг своих предшественников-победителей, с честью выполняют поставленные перед ними боевые задачи. Новое поколение военных юристов продолжает укреплять законность и правопорядок в армии и на флоте.

Мы помним, что значит трагедия войны, и сделаем всё, всё чтобы никто и никогда не угрожал нашим детям, нашему дому, нашей земле!

С праздником!

ВЕСТНИК ВОЕННОГО ПРАВА

№2
2018

УЧРЕДИТЕЛЬ – ИЗДАТЕЛЬ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
КАЗЕННОЕ ВОЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

123001, г. Москва,
ул. Большая Садовая, д. 14

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций

Свидетельство
о регистрации средства
массовой информации
ПИ № ФС 77-62644
от 10 августа 2015 г.

Журнал включен в Перечень
рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой
степени доктора наук по юридическим
и военным наукам (Перечень ВАК)
31 января 2018 г. за № 2267 по группам
научных специальностей 12.00.00 –
Юриспруденция, 20.00.00 – Военные науки

Журнал включен
в Российский индекс
научного цитирования
(РИНЦ)

Выходит 4 раза в год
на русском языке

Распространяется
в Российской Федерации

Представляемые к изданию статьи
проходят обязательную экспертизу
в соответствии с требованиями
Инструкции о порядке подготовки
в Вооружённых Силах
Российской Федерации
материалов к открытому опубликованию

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель редакционного совета:

Мишуткин Игорь Викторович,
кандидат юридических наук, доцент,
начальник Военного университета
Министерства обороны Российской Федерации

Члены редакционного совета:

Безбабнов Олег Геннадьевич,
директор Правового департамента
(начальник юридической службы)
Министерства обороны Российской Федерации

Дерешко Богдан Юльевич,
кандидат юридических наук, доцент,
заместитель начальника Всероссийского
научно-исследовательского института
Министерства внутренних дел
Российской Федерации по научной работе

Елина Наталья Владимировна,
кандидат юридических наук,
директор Департамента претензионной
и судебно-правовой работы
Министерства обороны Российской Федерации

Марченков Валерий Иванович,
доктор педагогических наук, профессор,
главный научный сотрудник (научный руководитель)
Военного университета Министерства обороны
Российской Федерации

Солонин Дмитрий Олегович,
протоиерей, помощник начальника
Военного университета по работе
с верующими военнослужащими

Сорочкин Александр Сергеевич,
кандидат юридических наук, заместитель
Председателя Следственного комитета
Российской Федерации – руководитель Главного
военного следственного управления

Хомчик Владимир Владимирович,
кандидат юридических наук, заместитель
Председателя Верховного Суда
Российской Федерации – председатель Судебной
коллегии по делам военнослужащих

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Председатель:

Маликов Сергей Владимирович,
доктор юридических наук, профессор

Заместитель председателя:

Старцун Виктор Николаевич,
доктор юридических наук, профессор

Члены редакционной коллегии:

Ахметшин Хасан Мубаракович,
доктор юридических наук, профессор

Бараненков Вячеслав Вячеславович,
доктор юридических наук, профессор

Вехов Виталий Борисович,
доктор юридических наук, профессор

Винокуров Александр Юрьевич,
доктор юридических наук, доцент

Воронов Александр Федорович,
доктор юридических наук, профессор

Дамаскин Олег Валерьевич,
доктор юридических наук, профессор

Загорский Геннадий Ильич,
доктор юридических наук, профессор

Землин Александр Игоревич,
доктор юридических наук, профессор

Кардаш Игорь Леонидович,
доктор военных наук, профессор

Корякин Виктор Михайлович,
доктор юридических наук, доцент

Кудашкин Александр Васильевич,
доктор юридических наук, профессор

Лиховидов Константин Станиславович,
доктор юридических наук, доцент

Мазаник Александр Иванович,
доктор военных наук, профессор

Никитин Алексей Николаевич,
доктор юридических наук,
доктор исторических наук, профессор

Рыльская Марина Александровна,
доктор юридических наук, доцент

Толкаченко Анатолий Анатольевич,
доктор юридических наук, профессор

Топорков Анатолий Алексеевич,
доктор юридических наук, профессор

Туганов Юрий Николаевич,
доктор юридических наук, профессор

Холопова Елена Николаевна,
доктор юридических наук, профессор

Чернявский Александр Геннадьевич,
доктор юридических наук, профессор

Журнал ориентирован на публикацию результатов научных исследований по специальности 20.02.03 – «Военное право, военные проблемы международного права», а также иных научных работ, в которых рассматриваются вопросы правового обеспечения обороны и военной безопасности государства

- Ответственность за содержание публикаций несут авторы
- Мнение редакционной коллегии может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций
- Рукописи авторам не возвращаются
- Перепечатка материалов возможна только по согласованию с редакцией

Главный редактор:
Маликов С.В.

Заместитель главного редактора:
Старцун В.Н.

Научный редактор:
Дерешко Б.Ю.

Помощник главного редактора:
Балканов И.В.

Редактор:
Тюрина О.А.

Ответственный секретарь:
Сергиенко И.Н.

Перевод аннотаций
на английский язык:
Малютина А.Е.

Верстка:
Горшенин П.Ю.

Адрес редакции:
111033, г. Москва,
ул. Волочаевская, д. 3/4
E-mail: vestnik-vp@mail.ru
www.vestnik-vp.ru

Подписано в печать
апрель 2018
Формат 70х108 1/16.
Печать офсетная.
Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии
«ИСПО принт»
Москва, ул. Щипок, д. 28
Тел.: 8 (499) 235-54-52
E-mail: zakaz@ispo-print.ru
www.ispo-print.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

Интервью с заместителем Генерального прокурора Российской Федерации – Главным военным прокурором государственным Советником Юстиции 2 класса В.Г. Петровым	7
--	---

Интервью с директором Департамента Претензионной и судебно-правовой работы Министерства обороны Российской Федерации, действительным государственным Советником Российской Федерации 2 класса Н.В. Елиной	16
--	----

ТРАДИЦИИ

Военный университет: нам есть чем гордиться!	23
--	----

ВETERАН ВОЕННОГО ПРАВА

О.К. ЗАТЕЛЕПИН Служение отчизне, науке и просвещению (памяти профессора Х.М. Ахметшина)	26
---	----

ВОЕННОЕ СЛЕДСТВИЕ

А.С. СОРОЧКИН Сравнительно-правовой анализ деятельности военных следственных органов Российской Федерации и Канады	32
--	----

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Н.Д. БУТ, Л.Ю. АКИМОВ Актуальнее направления обеспечения энергетической безопасности России	42
---	----

ВОЕННАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ

М.А. РЫБАКОВА Основные принципы и разновидности взаимодействия Минобороны России с иными государственными органами в сфере нормотворческой деятельности	50
--	----

ВОЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

П.М. МОРХАТ

К вопросу о соответствии автономных интеллектуальных систем
вооружений принципам международного гуманитарного права 58

М.А. КУДИНОВ

Понятие «военное преступление» в международном праве 66

Трибуна соискателя

С.А. МИНТЯГОВ

Правовое регулирование деятельности военной полиции Вооружённых сил
Российской Федерации: изменения в законодательстве 75

МЕЖДУНАРОДНОЕ ВОЕННО-ПРАВОВОЕ ОБОЗРЕНИЕ

БАЛКАНОВ И.В., СТАРЦУН В.Н.

Ударная сила: как робототехника, кибер- и космическое оружие
меняют правила ведения войны 84

Законность применения беспилотных летательных аппаратов
для проведения атак 88

Мнение эксперта

Б.Ю. ДЕРЕШКО

Законопроект США о доступе к персональным данным
как инструмент информационной войны 91

Информация

Правила направления, рецензирования и опубликования научных статей
в журнале «Вестник военного права» (общие требования) 95

CONTENTS

EXECUTIVE OPINION

Interview with V.G. Petrov, Deputy Prosecutor General of the Russian Federation – Chief Military Prosecutor, State Counsellor of Justice 2nd Class	7
--	---

Interview with N.V. Elina, Director of the Court of Claims Department of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Full State Counsellor 2nd Class of the Russian Federation	16
---	----

TRADITIONS

Military University: we have a lot to be proud of!	23
--	----

VETERAN OF THE MILITARY LAW

ZATELEPIN O.K. Service to the fatherland, science and education (In memory of Professor H.M. Akhmetshin)	26
--	----

MILITARY INVESTIGATION

SOROCHKIN A.S. Comparative legal analysis of military investigation bodies' activities in the Russian Federation and Canada	32
---	----

ENERGY SECURITY

BUT N.D., AKIMOV L.Y. Present-day directions for ensuring energy security in Russia	42
--	----

MILITARY ADMINISTRATION

RYBAKOVA M.A. Basic principles and variety of interaction of the Defense Ministry of the Russian Federation with other state bodies in course of regulatory activities	50
---	----

MILITARY ASPECTS OF INTERNATIONAL LAW

MORKHAT P.M.

On the issue of the compliance of autonomous intellectual weapons systems to the principles of international humanitarian law 58

KUDINOV M.A.

The concept of “war crime” in international law 66

DEGREE SEEKER’S ROSTRUM

MINTYAGOV S.A.

Legal regulation of military police of the Armed Forces of the Russian Federation: changes in legislation 75

INTERNATIONAL MILITARY LAW REVIEW

BALKANOV I.V., STARTSUN V.N.

Legal status of drones under international law 84

Legitimacy of using unmanned aerial vehicles for attacking 88

EXPERT OPINION

DERESHKO B.Y.

US draft bill on access to personal data as a tool of information war 88

INFORMATION

Rules of sending, reviewing and publishing scientific articles in the “Vestnik Voennogo Prava” journal (The Journal of Military Law) (general requirements) 91

ИНТЕРВЬЮ С ЗАМЕСТИТЕЛЕМ ГЕНЕРАЛЬНОГО ПРОКУРОРА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ – ГЛАВНЫМ ВОЕННЫМ ПРОКУРОРОМ ГОСУДАРСТВЕННЫМ СОВЕТНИКОМ ЮСТИЦИИ 2 КЛАССА В.Г. ПЕТРОВЫМ

Аннотация. 28 июня 2017 года в ходе пленарного заседания Совет Федерации назначил прокурора Республики Бурятия Валерия Георгиевича Петрова на должность заместителя Генерального прокурора Российской Федерации – Главного

военного прокурора. Накануне, 27 июня 2017 года, члены Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству и Комитета Совета Федерации по обороне и безопасности единогласно рекомендовали кандидатуру Валерия Георгиевича Петрова для назначения на должность заместителя Генерального прокурора Российской Федерации – Главного военного прокурора.

Представитель журнала «Вестник военного права» Военного университета Министерства обороны Российской Федерации встретился с заместителем Генерального прокурора Российской Федерации – Главным военным прокурором государственным советником юстиции 2 класса Валерием Георгиевичем Петровым и попросил его рассказать о том, что в настоящее время представляют собой органы военной прокуратуры, какова их структура, задачи, которые они призваны решать и каковы их перспективные направления развития.

Ключевые слова: Главная военная прокуратура; органы военной прокуратуры; В.Г. Петров

– Валерий Георгиевич, Вы недавно назначены на должность, поэтому очень интересно узнать о Вашем жизненном пути. Расскажите немного о себе, о своих родителях.

– Родился в 1957 году в селе Нукуты Иркутской области в обычной советской семье. Отец – Георгий Иннокентьевич

– работал секретарем парткома совхоза «Аларский», председателем колхоза, затем директором совхоза «Памяти Ербанова», который был в числе передовых хозяйств Иркутской области. В последующем, уже в должности первого секретаря Нукутского райкома партии, немало сил отдал развитию родного Нукутского

района, был депутатом областного Совета народных депутатов нескольких созывов. Его заслуги отмечены многими государственными наградами, в том числе орденами Трудового Красного Знамени, Дружбы народов, Почета и двенадцатью медалями. Моя мама – Элеонора Матвеевна – заслуженный медицинский работник, благодаря её усилиям на свет появились сотни детишек.

– Какие качества родители прививали Вам с детства?

– Мои родители – достойные представители своего поколения, воспитывали меня, моих брата и сестру в духе патриотизма, привили чувство ответственности. Это и предопределило мой выбор профессии.

– А с чего начался Ваш профессиональный путь?

– После окончания юридического факультета Иркутского государственного университета имени А.А. Жданова в 1979 году, отработав несколько лет юрисконсультом производственного управления одного из сельхозпредприятий, в 1983 году поступил в органы прокуратуры на должность прокурора следственного отдела.

Прошел все ступени прокурорско-следственной работы, более десяти лет руководил прокуратурой Республики Бурятия и в июне этого года был назначен на должность заместителя Генерального прокурора Российской Федерации – Главного военного прокурора.

– Валерий Георгиевич, позвольте задать Вам несколько общих вопросов. Что представляют собой органы военной прокуратуры на сегодняшний день?

– В результате реформы, проведенной в соответствии с Федеральным законом от 4 июня 2014 года № 145-ФЗ, Генеральная прокуратура Российской Федерации впервые стала федеральным государственным органом, в котором законодательством предусмотрена военная служба, а офицеры военных прокуратур – военнослужащими органов военной прокуратуры.

Хочу особо подчеркнуть, что военная прокуратура – неотъемлемая часть единой централизованной системы органов прокуратуры Российской Федерации.

Структура и организация военной прокуратуры, её полномочия, вопросы комплектования, финансового и материально-технического обеспечения определены Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации».

– Что включает в себя система военной прокуратуры?

– Систему военной прокуратуры составляют Главная военная прокуратура, приравненные к прокуратурам субъектов Российской Федерации военные прокуратуры военных округов, флотов, Ракетных войск стратегического назначения, Московская городская военная прокуратура; военные прокуратуры объединений, соединений, гарнизонов и другие прокуратуры, приравненные к прокуратурам городов и районов.

Военные прокуроры осуществляют полномочия в Вооружённых Силах Российской Федерации, войсках и органах Росгвардии, Федеральной службе безопасности Российской Федерации, вооружённых формированиях МЧС России, Федеральной службе охраны, Службе внешней разведки Российской Федерации и других ведомствах, где предусмотрена военная служба.

– Какова штатная численность сотрудников органов Главной военной прокуратуры и военных прокуратур на местах?

– Более трех тысяч профессиональных сотрудников, офицеров, федеральных гражданских служащих, работников персонала в составе Главной военной прокуратуры, 10 военных прокуратур окружного и 154 гарнизонного звеньев осуществляют свою деятельность на всей территории Российской Федерации, а также в составе воинских формирований за её пределами, утверждая правовыми средствами законность и правопорядок, оказывая соответствующими формами и методами реальную помощь командованию в обеспечении боеготовности, а также обороноспособности государства.

Десять военных прокуратур осуществляют свою деятельность на территориях девяти иностранных государств: Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана,

Молдовы, Таджикистана, Южной Осетии, Абхазии и Сирии, где в соответствии с законом на них возложено исполнение функций прокуратуры в целом.

– Какова структура Главной военной прокуратуры?

– На сегодняшний день структуру Главной военной прокуратуры составляют: аппарат Главного военного прокурора, шесть управлений, два самостоятельных отдела, канцелярия и приемная. Помимо этого, имеется ряд вспомогательных подразделений, обеспечивающих деятельность органов военной прокуратуры.

– Валерий Георгиевич, какими качествами должен обладать кандидат на должность военного прокурора? Есть ли какие-то негласные критерии?

– Глубоко убежден, что работа с кадрами – это один из главных инструментов обеспечения эффективного функционирования любого государственного органа, поэтому данная работа должна проводиться на системной основе.

В органах военной прокуратуры названный принцип реализуется в полной мере на всех этапах – от подбора кандидатов для поступления на военную

службу и вплоть до её окончания. В частности, для обеспечения качественного кадрового состава военных прокуратур разработаны и применяются на практике Методические рекомендации о подборе кандидатов, поступающих на военную службу по контракту в органы военной прокуратуры и претендующих на замещение должностей военных прокуроров.

Безусловно, главной «кузницей» кадров для органов военной прокуратуры был и остается Военный университет.

– Какие формальные критерии существуют для отбора кандидатов? Кто может стать сотрудником военной прокуратуры?

– Офицерами военной прокуратуры могут стать граждане Российской Федерации, владеющие государственным языком Российской Федерации, получившие высшее юридическое образование по имеющей государственную аккредитацию образовательной программе (по направлениям подготовки «юриспруденция», «правовое обеспечение национальной безопасности» или «правоохранительная деятельность»), обладающие необходимыми профессиональными и моральными качествами, по состоянию здоровья годные

к военной службе и способные исполнять возлагаемые на них служебные обязанности, имеющие офицерское звание.

– Получается, что только лица, имеющие полное высшее юридическое образование, могут претендовать на должность в органах военной прокуратуры?

– Кандидаты подбираются из числа лиц, имеющих диплом специалиста или магистра, а те, кто продолжают обучение в магистратуре по программе «юриспруденция», рассматриваются к замещению должностей военных прокуроров при наличии базового высшего юридического образования, подтверждаемого присвоением квалификации «бакалавр», «бакалавр юриспруденции».

Граждане, претендующие на должность в органах военной прокуратуры, ранее не проходившие военную службу по контракту, должны быть в возрасте не более 40 лет, в иных случаях отбор осуществляется с учётом предельного возраста пребывания на военной службе.

– Кто и в каком порядке занимается подбором кандидатов?

– Первоначальный отбор кандидатов возложен на военных прокуроров

гарнизонного звена и предусматривает сбор, изучение документов на кандидата, беседу с ним, организацию стажировки в военной прокуратуре продолжительностью не менее месяца, медицинское освидетельствование, профессиональный психологический отбор и сдачу нормативов по физической подготовке.

Затем собранные материалы изучаются в военной прокуратуре окружного звена, претендент сдает квалификационный экзамен, и после этого его кандидатура рассматривается аттестационной комиссией.

Далее документы представляются в Главную военную прокуратуру для изучения, где окончательное решение по кандидатуре принимается мной как заместителем Генерального прокурора Российской Федерации – Главным военным прокурором.

– Все ли желающие проходят такой отбор?

– Разумеется, нет. Далеко не все в состоянии пройти такой суровый отбор. Кроме того, существует и ряд законодательных ограничений, которые определены положениями Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации».

– Валерий Георгиевич, раскройте секрет – благодаря чему удается обеспечивать и поддерживать высокий уровень квалификации кадров?

– Обеспечению высокого уровня квалификации кадров способствует система непрерывного обучения и повышения профессиональной подготовки прокурорских работников, включающая в себя индивидуальную и групповую юридическую подготовку, учебу по специальным планам, стажировку в базовых прокуратурах и структурных подразделениях военных прокуратур окружного звена и Главной военной прокуратуры.

На постоянной основе организовано обучение групп офицеров военной прокуратуры на курсах повышения квалификации в Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации и в ее филиалах – Санкт-Петербургском, Иркутском, Крымском и Казанском юридических институтах.

Кроме этого, прокурорские работники обучаются в рамках постоянно действующего семинара Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации и Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

– Валерий Георгиевич, согласны ли Вы с утверждением, что с развитием информационно-коммуникационных технологий граждане стали намного чаще обращаться в государственные органы с жалобами на нарушения закона?

– Безусловно, согласен. Обращения граждан, а за последние полтора года в органы военной прокуратуры их поступило почти 120 тысяч, являются одним из главных источников сведений о нарушениях законов, и каждое тщательно рассматривается.

Значительная часть обращений – около 10% – касается нарушений трудового законодательства, таких как невыплата заработной платы, несоблюдение порядка наложения взысканий, необоснованное снижение размеров дополнительных выплат и т. д.

По результатам прокурорского реагирования устранено свыше 66 тысяч нарушений закона в этой сфере, внесено более 3,5 тысячи представлений, направлено почти 8 тысяч исков в суд,

восстановлены права около 200 тысяч граждан.

– В этом контексте позвольте задать Вам следующий вопрос: налажено ли взаимодействие органов военной прокуратуры с представителями средств массовой информации? И если да, то каким образом?

– Информации о нарушениях законности, чрезвычайных происшествиях и иных нарушениях прав и свобод граждан, появляющейся в СМИ, уделяется особое внимание. По каждому такому факту обязательно проводятся проверочные мероприятия.

Результаты деятельности органов военной прокуратуры и значимые события регулярно освещаются в различных печатных и электронных СМИ.

– Валерий Георгиевич, расскажите, пожалуйста, о ситуации в войсках, связанной с наличием правонарушений. Какие выводы можно сделать на основании итогов прошлого года и истекшего периода этого (текущего) года?

– С удовлетворением могу отметить, что в настоящее время количество зарегистрированных преступлений в войсках последовательно сокращается.

Судите сами, в 2016 году по сравнению с 2015 годом число правонарушений уменьшилось на 7,6%, а по итогам девяти месяцев текущего года – еще более чем на 9%.

Что касается структуры преступности, то здесь продолжают доминировать общеуголовные составы – на сегодняшний день почти три четверти преступлений в войсках не связаны с воинскими правоотношениями.

Принятые органами военной прокуратуры совместно с другими правоохранительными структурами, контрольными органами и командованием дополнительные меры по противодействию наиболее распространенным правонарушениям дали положительные результаты.

Например, более чем на четверть – до 1,5 тысячи сократилось количество коррупционных правонарушений. При этом каждое пятое из них – мелкое взяточничество, как правило, заключающееся в предоставлении подчиненным за деньги

(до 10 тысяч рублей) льгот или послаблений по службе.

Если говорить о воинских преступлениях, то отмечается сокращение количества неуставных проявлений и «рукоприкладств». Это результат совместных усилий военных прокуроров и командования воинских частей. В структуре правонарушений по категориям военнослужащих снизилась криминальная активность офицеров и военнослужащих, проходящих военную службу по призыву.

– Нельзя не затронуть еще одну актуальную тему – противодействие коррупции. Какая работа ведется органами военной прокуратуры в этом направлении?

– На сегодняшний день противодействие коррупции остаётся в числе приоритетов, поскольку доля таких правонарушений в общей массе противоправных деяний превышает 20%, а военными прокурорами продолжают выявляться коррупционные схемы при исполнении государственных заказов.

При этом Минобороны свои обязательства исполняет, но бывают случаи, когда нечистые на руку дельцы пытаются нажиться на госконтрактах.

И надо отметить, что речь идет о весьма внушительных суммах. Возьмем хотя бы ремонт кораблей Черноморского

флота подрядной коммерческой организацией, когда были использованы контрафактные дизельные установки, – ущерб государству от их установки составил более 200 миллионов рублей. По данному факту возбуждено и расследуется уголовное дело.

Задача военных прокуроров – не допустить нецелевого использования или хищения бюджетных средств, поэтому для определения дополнительных мер по противодействию преступлениям и иным правонарушениям при размещении и реализации государственного оборонного заказа регулярно проводятся координационные совещания правоохранительных органов Вооружённых Сил Российской Федерации, других воинских формирований и органов.

– Какие дела, рассмотренные с участием военных прокуроров, на Ваш взгляд, являются наиболее сложными и интересными?

– Могу с уверенностью сказать, что дела о коррупционных преступлениях и преступлениях в сфере государственного оборонного заказа относятся к числу наиболее актуальных и резонансных.

– Валерий Георгиевич, Вы не могли бы привести конкретные примеры наиболее громких дел в этой сфере?

– В 2016-2017 годах к различным срокам лишения свободы за тяжкие коррупционные деяния, связанные с коммерческим подкупом, мошенничеством, легализацией денежных средств, приобретенных в результате совершения преступления, и злоупотреблением полномочиями, осужден целый ряд высокопоставленных руководителей – например, генеральные директора ОАО «Славянка» А.Н. Елькин и ЗАО «Безопасность и Связь» («БиС») А.П. Луганский, директор департамента текущего ремонта ОАО «Славянка» К.В. Лапшин, менеджер по кадрам ЗАО «БиС» Ю.В. Ротанова и врио начальника хозяйственного управления Министерства обороны Российской Федерации Н.С. Рябых.

Представьте – общая сумма ущерба государству от преступных действий вышеперечисленных чиновников превышает 100 миллионов рублей!

Особое внимание – уголовным делам о преступлениях, совершённых при строительстве объектов космодрома «Восточный», которые возбуждены по результатам прокурорских проверок законности расходования выделенных на эти цели бюджетных средств должностными лицами бывшего ФГУП «Главное управление специального строительства по территории Дальневосточного федерального округа при Спецстрое России». На сегодняшний день судами уже постановлены приговоры в отношении 10 лиц, которые осуждены, в частности, к наказаниям, связанным с длительным лишением свободы. Еще четыре уголовных дела в настоящее время рассматриваются судами.

– Какие направления деятельности органов военной прокуратуры, по Вашему мнению, являются наиболее перспективными и актуальными на сегодняшний день, помимо вышеперечисленных?

– В современном мире наша страна противостоит многочисленным вызовам на международной арене, строит независимую оборонную политику, укрепляет свои Вооружённые Силы, борется с коррупцией, экстремизмом, нарушениями закона отдельными должностными лицами и пр. С учётом этого органы военной прокуратуры стремятся совершенствовать формы и методы работы, обеспечивая их адекватность процессам реформирования Вооружённых Сил Российской Федерации.

В этой связи крайне актуален надзор за исполнением законодательства о поддержании высокой боеготовности войск. Этим обусловлено участие военных прокуроров в учениях крупных войсковых группировок, дальних океанских походах надводных кораблей и подводных лодок, их присутствие на объектах стратегического ядерного комплекса, Воздушно-космических сил.

Важнейшей задачей военных прокуроров продолжает оставаться защита конституционных прав и социальных гарантий военнослужащих, лиц, уволенных с военной службы, и членов их семей, а также гражданского персонала воинских частей и организаций. Нами совместно с руководством Министерства обороны Российской Федерации

продолжается работа, направленная на обеспечение своевременной и полной оплаты труда работников подчиненных военному ведомству предприятий.

– Валерий Георгиевич, в этом году исполнилось 150 лет со дня образования органов военной прокуратуры России. Какие изменения произошли в деятельности военных прокуроров с того времени?

– Действительно, началом становления в стране органов военной прокуратуры считается 1867 год, когда император Александр II своим Указом назначил тайного советника В.Д. Философова на пост Главного военного прокурора.

Сменялись эпохи, развязывались войны, совершались революционные перевороты, реформировались вооружённые силы, но и сегодня, как прежде, военные прокуроры действуют везде, где есть российские войска. Их основной задачей было, есть и будет обеспечение надзорными средствами надёжной обороноспособности и безопасности нашей страны.

Истории создания и функционирования органов военной прокуратуры постоянно уделяется внимание. У нас создан музей истории органов военной прокуратуры, в котором представлены экспонаты, предметы и документы, составляющие наше историческое наследие, посвященные различным периодам, в том числе Великой Отечественной войне.

– Скажите, какие взаимоотношения выстроены между Главной военной прокуратурой и ветеранами отрасли, оказывается ли им какая-то поддержка?

– В работе с ветеранами Главная военная прокуратура унаследовала лучшие традиции, сложившиеся к 70-м годам прошлого века. Тогда в числе действующих и находящихся в запасе или отставке генералов и офицеров было еще немало фронтовиков, в том числе прошедших в составе военных прокуратур финскую и Великую Отечественную войны. Действует Региональная общественная организация ветеранов Главной военной прокуратуры.

Приоритетным направлением деятельности организации является внимание к запросам и нуждам ветеранов,

содействие в разрешении возникающих у них проблем. По сложившейся традиции в особую группу, к сожалению, уже немногочисленную, выделены ветераны – участники Великой Отечественной войны и приравненные к ним лица. Большинство членов организации активно посещают проводимые мероприятия, вносят инициативные предложения и участвуют в их реализации.

Ветераны активно вовлекаются в процесс воспитательной работы с прокурорскими работниками, среди курсантов прокурорско-следственного факультета Военного университета, в формирование позитивного облика российского прокурора на примерах героизма, высочайшего профессионализма, моральной чистоты и неподкупности наших старших товарищей.

– Валерий Георгиевич, Вы уже ранее упоминали о том, что Военный университет является главной «кузницей» кадров для органов военной прокуратуры. Были ли среди Ваших предшественников офицеры, окончившие Военный университет?

– Первым Главным военным прокурором, окончившим Военный Краснознаменный институт, стал

Кислицын Михаил Кондратьевич, возглавлявший военную прокуратуру с 7 июля 2000 года по 14 июня 2002 года. В 1973 году он поступил на военно-юридический факультет Военно-политической академии им. Ленина, который окончил в 1977 году. В 1974 году этот факультет вошел в состав Военного института.

Из стен Военного университета также вышли Савенков Александр Николаевич и Фридинский Сергей Николаевич, которые занимали должность Главного военного прокурора с 2002 года по 2006 год и с 2006 года по 2017 год соответственно.

– Валерий Георгиевич, позвольте поблагодарить Вас за столь содержательное интервью и задать Вам последний вопрос: существуют ли в Вашем коллективе традиции и обычаи, которыми Вы могли бы поделиться с нашими читателями?

– Жизнь и деятельность военных прокуроров не ограничивается только служебными буднями. Офицеры Главной военной прокуратуры и многих военных прокуратур на местах вот уже многие годы шефствуют над детьми, оставшимися без попечения родителей, внося тепло в их сердца и воспитывая в духе дружбы, взаимовыручки и любви к Отечеству.

Всего под патронатом военных прокуратур в различных регионах Российской Федерации находятся свыше 30 детских домов, домов ребенка, детских приютов, социально-реабилитационных центров и школ-интернатов с количеством воспитанников от 10 до 500 человек.

Военными прокуратурами за счёт добровольных пожертвований работников подопечным детским сиротским учреждениям оказывается финансовая и материально-техническая помощь. С их воспитанниками проводятся культурно-досуговые мероприятия. Широко практикуются встречи с ветеранами Великой Отечественной войны и с участниками боевых действий. Организуются выезды детей в музеи воинской славы, посещения воинских частей

в целях ознакомления с жизнью и бытом военнослужащих, проходящих военную службу по призыву. Проводятся спортивные мероприятия, а также ознакомительный показ вооружения и автомобильной техники.

Прокурорские работники принимают непосредственное участие в правовом воспитании несовершеннолетних. При необходимости оказывается консультационно-правовая помощь администрациям названных учреждений.

В заключение скажу, что военные прокуроры, продолжая славные традиции органов военной прокуратуры, выполняют стоящие перед ними задачи достойно, профессионально и надежно, реализуя своё главное предназначение – защищать интересы людей и государства.

EXECUTIVE OPINION

**INTERVIEW WITH V.G. PETROV, DEPUTY PROSECUTOR GENERAL
OF THE RUSSIAN FEDERATION – CHIEF MILITARY PROSECUTOR,
STATE COUNSELLOR OF JUSTICE 2ND CLASS**

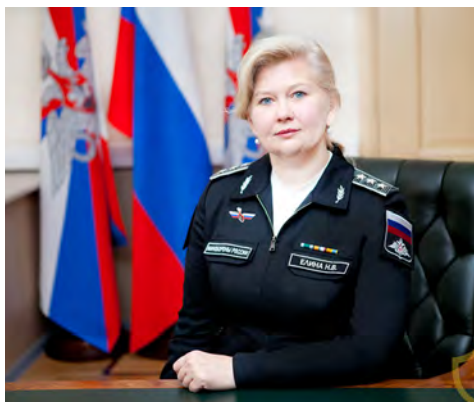
Abstract. On June 28, 2017, during the plenary session, the Federation Council appointed Valery Petrov, Prosecutor of the Republic of Buryatia, to the position of Deputy Prosecutor General of the Russian Federation – Chief Military Prosecutor. The day before, on June 27, 2017, Members of the Federation Council Committee on Constitutional Legislation and State Building and the Federation Council Committee on Defense and Security unanimously recommended the candidacy of Valery Petrov for appointment to the position

of Deputy Prosecutor General of the Russian Federation – Chief Military Prosecutor. The representative of the “Vestnik Voennogo Prava” (The Journal of Military Law) of the Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation met with Valery Petrov, Deputy Prosecutor General of the Russian Federation – Chief Military Prosecutor, State Counsellor of Justice 2nd Class, and asked him to tell about the actual state of the military prosecutor’s bodies, their structure, tasks and promising directions for the development.

Keywords: Chief Military Prosecutor’s Office; military prosecutor’s bodies; V.G. Petrov

ИНТЕРВЬЮ С ДИРЕКТОРОМ ДЕПАРТАМЕНТА ПРЕТЕНЗИОННОЙ И СУДЕБНО-ПРАВОВОЙ РАБОТЫ МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМ ГОСУДАРСТВЕННЫМ СОВЕТНИКОМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 2 КЛАССА Н.В. ЕЛИНОЙ

Аннотация. Департамент претензионной и судебно-правовой работы Министерства обороны Российской Федерации существует уже 7 лет. Представитель журнала «Вестник военного права» Военного университета Министерства обороны Российской Федерации встретился с директором Департамента Натальей Владимировной Елиной и попросил её рассказать о том, когда и как началась история департамента, какие изменения произошли в нем за последние годы, каковы его структура, задачи и перспективы развития.

Ключевые слова: Министерство обороны Российской Федерации; Департамент претензионной и судебно-правовой работы Министерства обороны Российской Федерации; Н.В. Елина

– Наталья Владимировна, спасибо, что согласились дать интервью и рассказать о жизни Департамента претензионной и судебно-правовой работы Министерства обороны Российской Федерации (далее – Департамент) «изнутри». Когда и с какой целью был создан Департамент?

– Департамент претензионной и судебно-правовой работы был создан в Министерстве обороны Российской Федерации в 2010 году. При создании на Департамент возлагались функции по правовому сопровождению договорной

работы, ведению претензионной работы и представительству в арбитражных судах и судах общей юрисдикции.

По прошествии времени Департамент начал также осуществлять защиту интеллектуальных прав Российской Федерации и правовое сопровождение процессов в международных судах.

– Каким образом формировалась структура Департамента?

– При формировании структуры Департамента ставилась задача создать единую цепочку размещения заказа для

государственных нужд, которая позволила бы контролировать и пошагово учитывать процесс размещения – от проекта государственного контракта до его завершения, включая срок исковой давности – это необходимо для того, чтобы оценить «последствия» размещения, заключения и исполнения контракта.

– Какие действия были предприняты для создания упомянутой Вами единой цепочки размещения заказа?

– В первую очередь договорной отдел Департамента занялся разработкой типовых форм государственных контрактов с целью привести к единообразию размещение заказа всеми органами военного управления. Впоследствии эти формы были утверждены в Министерстве обороны Российской Федерации.

В процессе создания типовых форм основной задачей было максимально исключить возможность наличия коррупционной составляющей, учесть судебную практику и особенности предмета контрактов Министерства обороны Российской Федерации, а также определить основные, принципиальные позиции, наличие которых обязательно в контракте (например, порядок приемки, ответственность и т. д.).

– Такой скрупулезный подход к правовой экспертизе контрактов поражает в приятном смысле этого слова.

– А как же может быть иначе? Ведь все наши контракты так или иначе направлены на обеспечение обороноспособности и безопасности государства. Нередко от других федеральных органов исполнительной власти в адрес Министерства обороны Российской Федерации мы слышим саркастические замечания «ну конечно, вы же особенные». На это мы можем ответить только одно: «Да, мы особенные». Именно поэтому сотрудники Департамента крайне скрупулезно подходят к правовой экспертизе каждого контракта. Министерством обороны Российской Федерации заключаются все известные гражданскому законодательству контракты, и предмет их крайне разнообразен.

– Что происходит с типовыми формами контрактов в случае внесения изменений в законодательство Российской Федерации?

– В ходе деятельности типовые формы уточняются с учётом выявления «слабых звеньев» в контрактах, изменения законодательства или меняющихся реалий.

Более того, часто именно Министерство обороны Российской Федерации в лице Департамента как раз и является

«автором» изменений, вносимых в законодательство. Например, сотрудники Департамента совместно с другими органами военного управления подготовили проект Федерального закона № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе».

Потребность осуществления работы в русле нормотворчества продиктована, среди прочего, необходимостью анализа исполнения контрактов.

– Наталья Владимировна, Вы не могли бы привести конкретный пример, когда те или иные недочеты были выявлены в результате анализа исполнения контрактов? Как устранялись эти недочеты?

– Например, в ходе исполнения контрактов была выявлена системная проблема, такая как распределение авансов головными исполнителями. Складывалась абсурдная ситуация, при которой Министерство обороны Российской Федерации авансировало значительные суммы на выполнение контракта, а в итоге оставалось с неисполненными обязательствами и контрагентами с истраченными авансами на более насущные проблемы. Подобную ситуацию позволили переломить изменения, касающиеся «отдельного счёта», который используется при авансировании и на котором видны движения денежных средств, что позволяет Министерству

обороны Российской Федерации (как заказчику) не только отследить, на что расходуется аванс, но и проанализировать, насколько обоснован его размер.

Вместе с тем, правовая экспертиза проектов контрактов, осуществляемая Департаментом, позволяет осуществлять заключение контрактов в строгом соответствии с действующим законодательством.

– Остаются ли на сегодняшний день какие-то вопросы, препятствующие эффективному размещению заказов для нужд обороны и безопасности государства?

– К сожалению, несмотря на все принимаемые Министерством обороны Российской Федерации усилия, направленные на максимально эффективное размещение заказа для нужд обороны и безопасности государства, временами встречаются недобросовестные контрагенты, а порой и откровенные мошенники, для которых жажда наживы превалирует над патриотизмом и правовым сознанием, а иногда и над здравым смыслом.

– Что происходит в случае выявления недобросовестных контрагентов?

– При обнаружении недобросовестных контрагентов встает вопрос о необходимости организации претензионной работы, а именно подготовки претензий

в адрес этих контрагентов либо соглашений о расторжении контрактов.

Хочу отметить, что данная работа требует кропотливости и крайней внимательности. С учётом того факта, что на сегодняшний день соблюдение досудебного порядка урегулирования спора стало обязательной процедурой, предшествующей подаче иска в суд, без данной работы в принципе невозможно реализация законного права Министерства обороны Российской Федерации на отстаивание интересов в суде. Не менее важна и правовая экспертиза соглашений о расторжении контрактов, так как правоотношения сторон после подписания подобных соглашений прекращаются и соответственно в них должны быть прописаны все детали, чтобы расторжение не привело к нарушению интересов Министерства обороны Российской Федерации или не нанесло ущерб бюджету Российской Федерации.

– Наталья Владимировна, как вышеперечисленные меры реализуются на практике?

– Возьмем хотя бы категорию дел, связанную с неосновательным обогащением по договорам, заключенным в нарушение законодательства либо вовсе в отсутствие договорных обязательств.

Так, например, в 2011-2013 годах в производстве арбитражных судов различного уровня в регионах Российской Федерации находилось более 100 арбитражных дел по исковым заявлениям предприятий о взыскании с Министерства обороны Российской Федерации задолженности за произведенные работы по промывке систем теплоснабжения и канализации на значительную сумму.

Между тем в ходе подготовки к арбитражным процессам сотрудниками Департамента было установлено следующее:

- отсутствие факта выполнения работ;
- отсутствие у соответствующих предприятий мощностей и производственного ресурса для проведения данного вида работ;
- сговор должностных лиц учреждений, подведомственных Министерству обороны Российской Федерации, с должностными лицами организаций, при

подписании первичных оправдательных документов о сдаче и выполнении работ, содержащих недостоверные сведения;

- предъявление требований о взыскании неосновательного обогащения за пределами срока исковой давности либо по истечении 2-2,5 лет, что лишало Министерство обороны Российской Федерации возможности экспертного подтверждения отсутствия данных работ, так как экспертным путём невозможно установить, какие работы проводились столь долгое время назад;
- представление организациями, заявившими требования к Министерству обороны Российской Федерации, подложных первичных документов.

В результате проведенной работы представителями Департамента было установлено, что все представляемые истцами документы составлены, как говорится, «под копирку», содержат подписи одних и тех же лиц со стороны исполнителя работ. Также было выявлено, что в различных регионах Российской Федерации исковые заявления по данной категории дел подаются одними и теми же организациями, зарегистрированными в г. Москве и Московской области и возглавляемыми одними и теми же гражданами.

– За последние годы были случаи, аналогичные тому, о котором Вы сейчас рассказали?

– В качестве примера могу привести случай, когда в 2016-2017 годах «Организация» (давайте её так условно назовем) предъявила в арбитражные суды различных регионов порядка 200 исковых заявлений с требованием о взыскании с Министерства обороны Российской Федерации значительной суммы якобы существующей задолженности по договору обслуживания за пустующий жилой фонд.

При анализе документов и сборе доказательств отсутствия задолженности было установлено, что требования «Организации» незаконны и не обоснованы.

Так, представителями Департамента в суд были представлены доказательства о заселенности жилых помещений. Следовательно, судами было установлено, что жилой фонд не являлся пустующим в заявленный период.

Более того, заключенный договор не предусматривал оплату оказанных услуг со стороны Министерства обороны Российской Федерации, так как являлся безвозмездным.

В связи с этим суды пришли к выводу об отсутствии задолженности у Министерства обороны Российской Федерации и отсутствии затрат у «Организации» на содержание пустующих жилых помещений, так как все затраты оплачивались нанимателями жилых помещений.

Таким образом, удалось предотвратить незаконное изъятие средств из бюджета Российской Федерации и сформировать арбитражную практику в пользу Министерства обороны Российской Федерации на уровне высших судебных инстанций.

Подобные дела находятся на строгом контроле в Департаменте, сотрудники Департамента выявляют подачу подобных исковых заявлений юридических лиц на всей территории Российской Федерации и обеспечивают участие представителей Министерства обороны Российской Федерации во всех судебных заседаниях.

– Часто встречаются такие примеры?

– На настоящий момент подобных примеров существует немало. Также Министерство обороны Российской Федерации нередко сталкивается и со случаями, когда муниципальные власти «не против» распорядиться федеральными землями, предоставив их в аренду, а в последующем – в собственность коммерческих структур.

– Наталья Владимировна, данная проблема существовала ранее? Скажем, 20 лет назад?

– К сожалению, в более ранние периоды (1990-2000 годы), имели место случаи недостаточного контроля со стороны соответствующих должностных лиц (пресловутый человеческий фактор) за сохранностью и использованием по назначению вверенного им федерального имущества.

Так, после реорганизации квартирно-эксплуатационных частей, которые держали на балансе соответствующее имущество, стали известны случаи, когда начальники квартирно-эксплуатационных частей (КЭЧ) распоряжались федеральным имуществом, не имея на это

полномочий, а также в отсутствие согласия Министерства обороны Российской Федерации на передачу имущества сторонним организациям.

В одном из регионов начальник КЭЧ просто безвозмездно передал в собственность коммерческой организации два объекта недвижимости, которые, по его мнению, стали не нужны Министерству обороны Российской Федерации, а организации нужны для ведения хозяйственной деятельности и размещения офиса.

Им же были переданы в аренду несколько крайне дорогих земельных участков в центре города для строительства на них жилых комплексов. Договоры с коммерческой организацией были признаны судами ничтожными, но, вместе с тем, квартиры в домах были проданы физическим лицам.

Конечно, с юридической точки зрения данные строения являются самовольными постройками и подлежат сносу, но с человеческой точки зрения приходится учитывать интересы дольщиков – покупателей квартир.

Приведенные выше случаи не единичны, и при участии в подобных процессах должностные лица Министерства обороны Российской Федерации должны уметь проявить тактичность и «балансировать»: и государственные интересы отстоять, и избежать «социальной напряженности» и общественного резонанса.

Проблемные вопросы также имеются и с незаконным использованием лесного фонда Министерства обороны Российской Федерации, отсутствием у садовых некоммерческих товариществ и гаражно-строительных кооперативов правоустанавливающих документов на землю, которые мотивируют это тем, что «нам в свое время разрешили и мы имеем права на землю».

С учётом подобных «нюансов» сотрудники Департамента должны быть не только высококвалифицированными юристами, но еще и дипломатами.

– Какие направления деятельности, помимо перечисленных выше, являются приоритетными для Департамента?

– Одно из важнейших направлений деятельности Министерства обороны Российской Федерации связано с судебными спорами по вопросам прохождения военной службы и обеспечения положенными

видами довольствия, жилищными спорами, возмещением материального и морального ущерба и т. д.

За 2011 год (первый полный год работы Департамента) в гарнизонные военные суды военнослужащими было подано более 100 тысяч исков о нарушении их прав. В настоящее время количество таких споров уменьшилось более чем на 90%.

– Благодаря чему удалось достичь столь значительного снижения этого показателя?

– Немаловажным фактором, способствующим такому снижению, является проведение обширной досудебной разъяснительной и воспитательной работы в воинских частях, в рамках которой до военнослужащих доводятся положения законодательства Российской Федерации, касающиеся прохождения военной службы и различных социальных гарантий, которые им должны быть предоставлены.

Также нельзя не принять во внимание работу Департамента с обращениями граждан, в ответах на которые содержится квалифицированный юридический анализ проблемы и приводится досудебный способ её разрешения.

– Наталья Владимировна, в СМИ периодически появляется информация о том, что граждане незаконно занимают

жилой фонд Министерства обороны Российской Федерации. Что Вы можете сказать по этому поводу?

– В Министерстве обороны Российской Федерации организована работа по выселению в судебном порядке граждан, незаконно занимающих специализированный жилой фонд Министерства обороны Российской Федерации. Благодаря проведенным мероприятиям большое количество квартир на всей территории Российской Федерации вновь готовы для предоставления военнослужащим.

– В русле своей деятельности Департамент взаимодействует с какими-либо органами власти или занимает обособленную позицию?

– Безусловно, в ходе своей деятельности Департамент не находится в «автономном плавании», а активно взаимодействует как с органами военного управления, так и со многими федеральными органами исполнительной власти Российской Федерации.

– С какими, например?

– Например, в процессе совершенствования правовой основы деятельности Министерства обороны Российской Федерации, подготовки предложений по совершенствованию федерального законодательства в области обороны

Департамент ведет работу с Государственной Думой Российской Федерации, Правительством Российской Федерации, Аппаратом Президента Российской Федерации, с Министерством юстиции Российской Федерации.

Также Департамент на постоянной основе участвует в рассмотрении дел в Верховном Суде Российской Федерации, в том числе в судебных заседаниях Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации, благодаря судебным актам которой сформирована практика по различным вопросам, возникающим практически во всех сферах, касающихся военной службы.

– Наталья Владимировна, Вы не могли бы привести пример положительной для Министерства обороны Российской Федерации судебной практики Верховного Суда Российской Федерации по спорам с участием Департамента?

– С удовольствием. Так, к примеру, Верховный Суд Российской Федерации поставил точку в вопросах, подлежащих обсуждению и доказыванию по спорам о приватизации жилых помещений. Как указал Суд, проверке подлежит не только определение статуса жилого помещения – служебное оно или нет, но и наличие прав гражданина на получение квартиры по линии Министерства обороны Российской Федерации.

В результате изложенной позиции Верховного Суда Российской Федерации на всей территории Российской Федерации существенно уменьшились случаи

передачи в судебном порядке квартир военного ведомства лицам, не имеющим на это законных прав.

Также нельзя не отметить, что при рассмотрении споров (как по экономическим вопросам, так и по делам военнослужащих) Верховный Суд Российской Федерации крайне внимательно подходит к оценке всех обстоятельств, тем самым исключая «формальный подход».

– В завершение нашей беседы позвольте задать Вам такой вопрос: как бы Вы охарактеризовали сотрудников Департамента? Какие личные и профессиональные качества они проявляют в повседневной деятельности?

– В первую очередь хочу отметить, что сотрудники Департамента уделяют большое внимание корпоративной этике и правилам поведения. Вместе с тем, они поддерживают на высоком уровне имидж сотрудников Министерства обороны Российской Федерации.

В повседневной деятельности сотрудники Департамента всегда доброжелательны, корректны, внимательны и терпимы в общении с гражданами и коллегами, ведь каждый из них мотивирован на достижение единой цели – защиты законных прав и интересов Российской Федерации в лице Министерства обороны Российской Федерации.

Единство и взаимовыручка сотрудников Министерства обороны Российской Федерации могут служить отличным примером для государственных служащих иных органов власти.

EXECUTIVE OPINION

INTERVIEW WITH N.V. ELINA, DIRECTOR OF THE COURT OF CLAIMS DEPARTMENT OF THE MINISTRY OF DEFENSE OF THE RUSSIAN FEDERATION, FULL STATE COUNSELLOR 2ND CLASS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The Court of Claims Department of the Ministry of Defense of the Russian Federation exists for 7 years already. The representative of the “Vestnik Voennogo Prava” (The Journal of Military Law) of the Military University of the Ministry of

Defense of the Russian Federation met with the Department Director Natalia Elina and asked her to tell about the history of the department, its origin, changes that have taken place in recent years, its structure, tasks and development prospects.

Keywords: Ministry of Defense of the Russian Federation; Court of Claims Department of the Ministry of Defense of the Russian Federation; N.V. Elina

ВОЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ: НАМ ЕСТЬ ЧЕМ ГОРДИТЬСЯ!

Аннотация. В 2018 году исполняется 73 года со дня Победы в Великой Отечественной войне. Тогда, 9 мая 1945 года, советский народ победил самую страшную угрозу XX века – фашизм. В суровые военные годы во всей полноте проявились лучшие качества нашего народа: стойкость, героизм, воинская доблесть, готовность к самопожертвованию во имя торжества

идеалов добра и справедливости. Неоценимый вклад в победу над немецко-фашистскими захватчиками внёс Военный университет: уже в первые дни Великой Отечественной войны многие слушатели и преподаватели ушли на фронт из стен Военно-юридической академии, многие были награждены орденами и медалями, многие не вернулись...

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Военный университет; военно-юридическое образование; боевой опыт; традиции; преемственность; ветераны

Военный университет – одно из старейших военно-учебных заведений Министерства обороны Российской Федерации, он является преемником лучших традиций прославленных вузов: Военно-политической орденов Ленина, Октябрьской Революции, Краснознамённой академии им. В.И. Ленина, Гуманитарной академии Вооружённых Сил, Военного Краснознамённого института Министерства обороны, Военной академии экономики, финансов и права, Львовского Высшего военно-политического ордена Красной Звезды училища.

Период раздельного функционирования вузов-предшественников и время совместного сосуществования в рамках единого учебного заведения и есть история Военного университета, начало которой было положено 5 ноября 1919 года.

Сегодня Военный университет – это единственная в стране высшая военно-гуманитарная школа, крупный образовательный и научный центр подготовки кадров для Вооружённых Сил Российской Федерации, имеющий в своём составе свыше 50 кафедр и научно-исследовательских подразделений. Здесь служат, преподают более 100 докторов и 500 кандидатов наук, обучаются свыше 4 000 слушателей и курсантов.

Истоки зарождения в Советских Вооружённых Силах системы планомерной подготовки военных юристов восходят

к середине 30-х годов XX века – 17 июня 1936 года в составе Всесоюзной правовой академии был образован военно-юридический факультет, реорганизованный 5 ноября 1939 года в Военно-юридическую академию РККА.

С началом войны для укомплектования сил, развёртываемых по плану военного времени, требовалось большое количество кадров командного состава. Эта важнейшая задача легла и на плечи Военно-юридической академии.

С ноября 1941 года по сентябрь 1943 года академия находилась в эвакуации в г. Ашхабаде. В сложных условиях, связанных с перебазированием, недостатком помещений для размещения личного состава и проведения занятий, академия продолжала готовить военно-юридические кадры. Учебные планы и программы перестраивались в соответствии с требованиями военного времени, в обучение и воспитание внедрялся опыт Великой Отечественной войны.

Всего за годы Великой Отечественной войны основные факультеты академии произвели семь выпусков и направили в действующую армию 762 человека, а с учётом выпускников краткосрочных курсов – около 4 000 высококвалифицированных специалистов юридического профиля.

Родина высоко оценила заслуги академии в подготовке специалистов для органов военной юстиции: в ноябре 1944 года

большая группа офицеров и генералов из числа командного и профессорско-преподавательского состава были награждены орденами и медалями.

25 февраля 1945 года за заслуги в подготовке кадров для фронта, органов военной юстиции и военного управления Президиум Верховного Совета СССР наградил Военно-юридическую академию Красным Знаменем и Грамотой Президиума Верховного Совета СССР. В этой награде – оценка самоотверженного труда коллектива академии.

В соответствии с директивой министра обороны СССР 19 мая 1956 года Военно-юридическая академия, внёсшая значительный вклад в подготовку военных юристов, была реорганизована в военно-юридический факультет в составе Военно-политической академии им. В.И. Ленина.

20 июня 1994 года Указом Президента Российской Федерации на базе Военной академии экономики, финансов и права и Гуманитарной академии было создано новое военно-учебное заведение – Военный университет. С этого момента подготовка военных юристов стала осуществляться в Военном университете.

В настоящее время военно-юридическое направление Военного университета представлено прокурорско-следственным, юридическим и подготовки руководящего состава органов по работе

с личным составом факультетами, в состав которых входят кафедры конституционного (государственного) и международного права, военной администрации, административного и финансового права, гражданского права, теории и истории государства и права, уголовного права, уголовного процесса, криминалистики, трудового права, гражданского и арбитражного процесса.

Достоянием университетского коллектива, его живой связью с героическим прошлым нашей страны являются ветераны Великой Отечественной войны.

Среди выпускников и преподавателей Военно-юридической академии, чьи имена достойно вписаны в историю Великой Отечественной войны особенно хотелось бы выделить Василия Никитовича Абрамина, Игоря Андреевича Гамалева, Хасана Мубараквича Ахметшина, Юрия Константиновича Леонова, Александра Николаевича Позднякова.

Василий Никитович Абрамин участвовал в Великой Отечественной войне и был награждён тремя орденами Отечественной войны, четырьмя орденами Красной Звезды и 17 медалями. Позднее заслуженный юрист СССР, кандидат юридических наук, профессор, полковник юстиции в отставке В.Н. Абрамин передавал ценный боевой опыт курсантам и слушателям в Военном

университете в должности профессора кафедры криминалистики.

Заслуженному юристу Российской Федерации, доценту, полковнику юстиции в отставке Игорю Андреевичу Гамалееву едва исполнилось семнадцать, когда началась Великая Отечественная война, он воевал в должности командира радиовзвода роты связи, был награждён 16 орденами и медалями. С 1975 года был преподавателем кафедры криминалистики.

Хасан Мубаракович Ахметшин – один из старейших и лучших преподавателей Военного университета, профессор кафедры уголовного права, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист РСФСР, полковник юстиции в отставке, был призван в армию в 1940 году и с достоинством прошёл выпавшие на долю его поколения испытания.

Более полувек проработал в системе военно-юридического образования ветеран Великой Отечественной войны, кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры военного права, полковник юстиции в отставке Александр Николаевич Поздняков. После окончания в 1941 году 1-го Московского артиллерийского училища А.Н. Поздняков участвовал в боях на Крымском и Северо-Кавказском фронтах, был тяжело ранен. Награждён орденами Отечественной войны I и II степени, Красной Звезды и многими медалями.

К поколению, в чьём сознании понятия «Родина» и «Отечество» стали определяющими, относится и заслуженный юрист Российской Федерации, почётный

работник прокуратуры Российской Федерации, доцент, полковник юстиции в отставке Юрий Константинович Леонов. Его отец прошёл всю войну, мать – военный фельдшер, в годы Великой Отечественной служила в военно-санитарном поезде, затем в госпитале.

В ноябре 1967 года судьба привела Юрия Константиновича на кафедру криминалистики. Несмотря на почтенный возраст, он полон энергии и жизнелюбия, готов неустанно делиться опытом с молодым поколением криминалистов.

Василия Никитовича Абрамина не стало в 2000 году, Игоря Андреевича Гамалеева – в 2002 году, Александра Николаевича Позднякова – в 2007 году, Хасана Мубараковича Ахметшина – в 2017 году... Но мы помним их и отдаём дань уважения заслугам этих замечательных людей.

Новое поколение военных юристов достойно несёт знамя отцов и дедов, продолжая укреплять законность и правопорядок в армии и на флоте, и в условиях существующих в настоящее время угроз национальной безопасности, как и 73 года назад, готово отстоять мир и свободу Родины.

TRADITIONS

MILITARY UNIVERSITY: WE HAVE A LOT TO BE PROUD OF!

Abstract. 2018 marks the 73rd anniversary of the Victory in the Great Patriotic War. Then, on May 9, 1945, the Soviet people defeated the most terrible threat of the twentieth century – fascism. During the severe war years, the best qualities of our people were manifested in full: steadfastness, heroism, military valor, readiness for self-sacrifice in

the name of the triumph of good and justice. An invaluable contribution to the victory over the German fascist invaders was made by the Military University: already in the first days of the Great Patriotic War, many listeners and teachers of the Military-Law Academy went off to the war, many were awarded orders and medals, many did not return...

Keywords: Great Patriotic War; Military University; military-legal education; combat experience; traditions; continuity; veterans

СЛУЖЕНИЕ ОТЧИЗНЕ, НАУКЕ И ПРОСВЕЩЕНИЮ (ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА Х.М. АХМЕТШИНА)

О.К. ЗАТЕЛЕПИН,

судья Верховного Суда Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Военного университета
Министерства обороны Российской Федерации

E-mail: vestnik-vp@mail.ru

Аннотация. 27 декабря 2017 г. на 98-м году ушел из жизни заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист РСФСР, доктор юридических наук, профессор, полковник юстиции в отставке Хасан Мубаракович Ахметшин. Данная статья автором готовилась к 98-летию со дня рождения Хасана Мубараковича, не дожившего 5 дней до этой даты. К сожалению, пришлось вместо похвальной статьи писать некролог.

В Вооруженных Силах СССР Х.М. Ахметшин достойно прослужил 45 лет. Свыше 60 лет он непрерывно трудился на кафедре уголовного права Военного университета (ранее – Военно-юридической академии РККА, Военно-политической академии им. В.И. Ленина, Военного Краснознаменного института, Военной академии экономики, финансов и права). Прошел путь от адъюнкта до профессора кафедры.

Ключевые слова: Хасан Мубаракович Ахметшин; Военный университет Министерства обороны Российской Федерации; военно-юридическая школа; военно-уголовное законодательство

Ахметшин Хасан Мубаракович родился в 1920 г. в деревне Тунбаш Кукморского района Татарской АССР в многодетной крестьянской семье. Хасан Мубаракович до конца своей жизни любил свою «малую» Родину, татарский народ, национальную культуру, прекрасно знал татарскую литературу, любил исполнять татарские народные песни. При этом он всегда очень уважительно относился ко всем народам нашей многонациональной страны, был настоящим патриотом нашего Отечества.

В связи с тяжелым материальным положением семьи после окончания 8 классов школы в 1935 г. Хасану Мубараковичу пришлось прекратить учебу и начать самостоятельную трудовую деятельность. На протяжении трех лет в районном центре (пос. Кукмор) он работал в различных учреждениях.

В 1938 г. по рекомендации райкома комсомола и районного прокурора Хасан Мубаракович был направлен на учебу в Казанскую юридическую школу, которую окончил с отличием.

С сентября 1939 г. работал народным судьей Юдинского района ТАССР (в настоящее время территория этого района административно входит в состав г. Казани).

В сентябре 1940 г. был призван на военную службу и направлен для ее прохождения в Забайкальский военный округ. Военную службу начал красноармейцем 9-го стрелкового полка 94-й стрелковой дивизии (Читинская область). Перед самым началом Великой Отечественной войны окончил курсы младших политруков в г. Иркутске и, получив воинское звание младшего политрука, в феврале 1941 г.

был назначен секретарем политотдела Сретенского пехотного училища.

Весной 1942 г. политуправлением Забайкальского военного округа Хасан Мубаракovich был направлен на учебу в Военно-юридическую академию РККА, которая в то время находилась в г. Ашхабаде.

В июле 1945 г. выпускника академии Х.М. Ахметшина назначили членом военного трибунала Алма-Атинского гарнизона, где в качестве военного судьи он прослужил до февраля 1949 г., а затем поступил в адъюнктуру Военно-юридической академии. Успешно окончив в 1952 г. обучение, защитив кандидатскую диссертацию на тему «Уголовная ответственность военнослужащих за разглашение государственной и военной тайны» под руководством профессора В.М. Чиквадзе, Хасан Мубаракovich остался преподавателем на кафедре уголовного права данного учебного заведения.

В 1975 г. Х.М. Ахметшин успешно защитил докторскую диссертацию на тему «Основные вопросы теории советского военно-уголовного законодательства и практики его применения».

В 1978 г. научные достижения Х.М. Ахметшина были отмечены присуждением ему ученого звания профессора по кафедре уголовного права.

Профессор Х.М. Ахметшин является автором свыше 160 научных и учебно-методических работ общим объемом более 400 п. л. Практически каждая десятая работа, написанная по проблемам военно-уголовного законодательства начиная с 1780 г. по настоящее время (в течение свыше 300 лет), принадлежит перу Хасана Мубаракovichа. В нашей стране и за рубежом хорошо известны его труды.

Значительная часть работ профессора Х.М. Ахметшина посвящена проблемам военно-уголовного законодательства. Хотелось бы несколько слов сказать о наиболее значимых из них, не потерявших своей актуальности и сегодня.

Представляет интерес работа «Обстоятельства, исключающие общественную опасность и противоправность деяния» (1958). В ней автор, наряду с анализом понятия обстоятельств, исключающих общественную опасность и противоправность деяния, и таких их видов, как необходимая оборона и крайняя необходимость, исследует очень важный для военно-уголовного законодательства вопрос исполнения обязанностей военной службы и исполнения приказа начальника как обстоятельств, исключающих преступность деяния в условиях военной службы. Многие рассуждения Х.М. Ахметшина, содержащиеся в этой работе, были учтены законодателем в УК РФ 1996 г.

«Советское военно-уголовное законодательство» (1972) – это первая и до сих пор единственная монография, посвященная научному обоснованию существования военно-уголовного законодательства. В данной работе автор определил понятие военно-уголовного законодательства, его место в системе норм уголовного права, показал соотношение военного и военно-уголовного законодательства. Х. М. Ахметшин полагает, что военное законодательство, являющееся неотъемлемой составной частью единого отечественного законодательства, регулирует строительство Вооруженных Сил нашего государства, боевую деятельность, жизнь и быт войск, а также определяет права, обязанности и ответственность военнослужащих. К военному законодательству, как комплексной отрасли законодательства, относятся и нормы уголовного права,

которые применяются только к военнос-
лужащим и лицам, к ним приравненным,
в связи с совершением преступлений.
Являясь по характеру и предметной при-
надлежности нормами уголовного пра-
ва, они отражают особенности военного
строительства и установленного порядка
несения воинской службы. Совокупность
этих норм составляет военно-уголовное
законодательство.

Публикации последних лет позво-
ляют утверждать, что данный подход
к военно-уголовному законодательству
у Х.М. Ахметшина не изменился, что
отражено, к примеру, в статье «Военно-
уголовное законодательство Российской
Федерации» (2002).

У Х.М. Ахметшина имеется цикл ста-
тей, посвященных развитию военно-уго-
ловного законодательства: «О развитии
и совершенствовании советского воен-
но-уголовного законодательства» (1977);
«Основные тенденции развития теории
советского военно-уголовного законо-
дательства» (1987); «Развитие советско-
го военно-уголовного законодательства
и проблемы его совершенствования»
(1988); «Совершенствование военно-
уголовного законодательства» (1990);
«Специальные вопросы уголовной ответ-
ственности военнослужащих в проекте
Основ уголовного законодательства Со-
юза ССР и союзных республик» (1991);

«Уголовно-правовые вопросы, возника-
ющие при применении законодательства
о воинской обязанности, военной службе
и статусе военнослужащих» (1997).

Профессор Х.М. Ахметшин принимал
активное участие в разработке УК РФ
1996 г., в частности тех норм, которые
регулируют вопросы уголовной ответ-
ственности военнослужащих. Однако
не все его идеи удалось реализовать
в новом уголовном законодательстве,
многие теоретические разработки оказа-
лись невостребованными законодателем.
После принятия УК РФ Хасан Мубара-
кович подготовил целую серию статей,
направленных на совершенствование
действующего военно-уголовного за-
конодательства, например «Действующее
законодательство Российской Федерации
о преступлениях против военной службы
нуждается в совершенствовании» (2006).

В связи с исключением из УК РФ
норм, предусматривающих ответствен-
ность военнослужащих за преступления,
совершенные в военное время или
в условиях боевой обстановки, большой
интерес представляет статья Х.М. Ахмет-
шина «Уголовное законодательство воен-
ного времени», написанная им в соавтор-
стве с Н.М. Поляковым в 1975 г.

В действующем УК РФ отсутствуют
нормы, специально устанавливающие от-
ветственность за разглашение военной

тайны. Кроме того, часть сведений, составляющих военную тайну (которые хотя и не составляют государственной тайны, но, тем не менее, не подлежат оглашению), вообще не охраняется уголовным законом. В этой связи интересна одна из первых работ Х.М. Ахметшина – «Преступления против установленно-го порядка хранения государственной и военной тайны (1954).

Для научных и практических работников актуальны труды Х.М. Ахметшина, посвященные проблемам квалификации преступлений против военной службы (воинских преступлений) и назначения специальных (воинских) видов наказаний. Несмотря на то что ряд из них написаны до принятия в 1996 г. УК РФ, они не потеряли своей актуальности и сегодня.

Брошюра «Преступления против установленного порядка прохождения военной службы» (1955) является одной из работ, написанных совместно с академиком В.Н. Кудрявцевым. В дальнейшем этой проблеме будет посвящено значительное количество публикаций Х.М. Ахметшина.

В работе «Вопросы практики применения Закона об уголовной ответственности за воинские преступления» (1968) основательно рассматриваются некоторые общие вопросы квалификации воинских преступлений – разграничение воинского преступления и дисциплинарного проступка, ответственность за воинские преступления лиц, признанных не годными к военной службе.

«Квалификация воинских преступлений» (1977) является первым исследованием, в котором рассмотрены основные квалификационные вопросы применения военно-уголовного законодательства, в частности вопросы квалификации некоторых видов преступлений против порядка прохождения военной службы (среди них хотелось бы особо выделить случаи самовольного оставления части военнообязанными, призванными на учебные сборы, и побега, совершенного военнослужащим, содержащимся на гауптвахте); вопросы разграничения преступлений против порядка подчиненности и соблюдения воинской чести; вопросы квалификации преступлений, связанных с нарушением правил несения специальных служб (интересными

и по-прежнему актуальными остаются рассуждения автора о случаях неправомерного применения оружия при исполнении обязанностей по военной службе).

Необходимо отметить и работы, подготовленные Х.М. Ахметшиным по проблемам квалификации воинских преступлений по новому УК РФ, с учетом вопросов судебной практики. К их числу относятся, в частности, «Сопrotивление начальнику или принуждение его к нарушению обязанностей военной службы (научно-практический комментарий к ст. 333 УК РФ)» (2003); «Насильственные действия в отношении начальника (научно-практический комментарий к ст. 334 УК РФ)» (2003); «Нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности (научно-практический комментарий к ст. 335 УК РФ)» (2003); «Самовольное оставление части или места службы (научно-практический комментарий к ст. 337 УК РФ)» (2004); «Дезертирство (научно-практический комментарий к ст. 338 УК РФ)» (2004); «Уклонение от исполнения обязанностей военной службы путем симуляции болезни или иными способами (научно-практический комментарий к ст. 339 УК РФ)» (2004).

В последние годы дискутируется вопрос о целесообразности такого вида специального (воинского) наказания, как содержание в дисциплинарной воинской части (в настоящее время остались всего две дисциплинарные воинские части). В связи с этим статья профессора Х.М. Ахметшина «Некоторые вопросы правового регулирования назначения и отбывания наказания в дисциплинарном батальоне» (1965) может помочь разобраться в этом сложном вопросе и удержит от скоропалительных решений.

Х.М. Ахметшин принимал участие в написании всех многократно переиздававшихся в советское время комментариев к Закону об уголовной ответственности за воинские преступления. В более чем 20 различных изданиях комментариев к УК Хасан Мубараквич является автором главы, посвященной воинским преступлениям.

В 2004 г. была издана книга «Военно-уголовное законодательство Российской Федерации: научно-практический

комментарий», в которой значительная часть материала подготовлена профессором Х.М. Ахметшиным.

Один из старейших и лучших представителей военно-юридического образования в России, талантливый педагог, профессор Х.М. Ахметшин добросовестно подготовил несколько тысяч высококвалифицированных военных юристов для нашей страны и других государств. Многие из его учеников сегодня занимают высокие государственные должности в России и странах СНГ.

В 1973 г. за высокие достижения и заслуги в подготовке юридических кадров Х.М. Ахметшину было присвоено почетное звание «Заслуженный юрист РСФСР».

Разработанные под руководством Х.М. Ахметшина учебники «Уголовное право Российской Федерации. Преступления против военной службы» (1999), «Преступления против военной службы» (2002) давно уже стали классикой учебной и научной литературы для подготовки работников военных судов, органов военной прокуратуры и военных следственных органов. Эти труды активно используются в качестве базовых учебников при обучении военных юристов практически во всех странах СНГ. В 2008 г. под редакцией Х.М. Ахметшина вышел в свет оригинальный учебник «Военно-уголовное право».

В 2000 г. Х.М. Ахметшин совместно со своим сыном кандидатом исторических наук Н.Х. Ахметшиным опубликовал монографию «Современное уголовное законодательство КНР» – первый в нашей стране и за рубежом труд по этой теме, который получил высокую оценку среди научной общественности России и других стран, в том числе и Китая. Отдельные научные работы Х.М. Ахметшина опубликованы на китайском языке.

В 2008 г. вышла интересная и познавательная статья «Военно-уголовное законодательство КНР», написанная в соавторстве с Н.Х. Ахметшиным. К сожалению, эта последняя совместная работа с сыном (Наилем Хасановичем), трагически погибшим в октябре 2008 г. в Китае.

В 2011 г. вышел в свет сборник избранных трудов Х. М. Ахметшина, в который вошли его основные работы, посвященные

вопросам уголовного и уголовно-исполнительного права, проблемам теории военно-уголовного законодательства.

Профессор Х.М. Ахметшин является одним из основоположников и крупным специалистом отечественной военно-юридической школы, хорошо известной в стране и за рубежом. Хасан Мубараквич лично подготовил девять кандидатов юридических наук. Трое из них стали докторами юридических наук, двое – профессорами. В числе подготовленных им кандидатов юридических наук два офицера Монгольской народной армии, один из которых в последующем получил ученую степень доктора юридических наук и стал министром обороны МНР. За оказание помощи в подготовке научно-педагогических кадров и в формировании военно-юридической школы в МНР Х.М. Ахметшин награжден государственными наградами этой страны. Вклад Х.М. Ахметшина в юридическую науку отмечен в персоналиях о нем, опубликованных в двух энциклопедических и одном справочном издании.

Научная школа Х.М. Ахметшина является ведущей не только в нашей стране, но и во многих государствах СНГ. Идеи профессора Х.М. Ахметшина и его учеников использованы при разработке новых уголовных кодексов этих стран.

В 2004 г. Х.М. Ахметшину присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Российской Федерации».

Хасан Мубараквич Ахметшин принимал активное участие в разработке и обсуждении постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, свыше 10 лет являлся членом Научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации.

В 2009 г. за вклад в развитие судебной системы Российской Федерации Х.М. Ахметшин награжден медалью «За заслуги перед судебной системой Российской Федерации» I степени.

Заслуги профессора Х.М. Ахметшина перед Отечеством также отмечены орденами «Красной Звезды» (1956), «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени (1976), медалями, в том числе: «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «Ветеран Вооруженных Сил СССР» и др.

Хасан Мубараквич Ахметшин своим самоотверженным трудом способствовал сохранению уникальной отечественной военно-юридической школы, а также укреплению законности и правопорядка в армии и на флоте.

В судьбе автора настоящей статьи Хасан Мубараквич сыграл очень важную роль. Мне посчастливилось попасть в группу, в которой Хасан Мубараквич проводил практические и семинарские занятия, он увлек меня научной работой и настоятельно рекомендовал поступать в адъюнктуру, что я и сделал в 1994 г.

Все эти годы, занимаясь наукой, преподаванием, работая судьей, я помнил о Хасане Мубараквиче, который всегда был и останется для меня Учителем и Человеком с большой буквы.

Доброта, глубокая порядочность и отзывчивость Хасана Мубараквича никого не могла оставить равнодушным, мы все любили его искренно, всей душой, дорожили каждой минутой общения с ним.

Светлая память о Хасане Мубараквиче навсегда останется в наших сердцах, поступках и научных трудах.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Зателепин Олег Кимович,

судья Верховного Суда Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Военного университета Министерства обороны Российской Федерации

111033, г. Москва, ул. Волочаевская, д. 3/4

E-mail: vestnik-vp@mail.ru

VETERAN OF THE MILITARY LAW

SERVICE TO THE FATHERLAND, SCIENCE AND EDUCATION (IN MEMORY OF PROFESSOR H. M. AKHMETSHIN)

Oleg K. ZATELEPIN

Abstract. On December 27, 2017, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the RSFSR, Dr. Sc. (Law), Professor, Retired Colonel Khasan Mubarakovich Akhmetshin passed away on the 98th year of life.

The article was prepared by the author for the 98th anniversary of Khasan Mubarakovich, who passed away five days before this date. Unfortunately, the article had to be rewritten from the congratulatory into an obituary.

Kh. M. Akhmetshin worthily served in the Armed Forces of the USSR for 45 years. Over 60 years he worked continuously at the Criminal Law Department of the Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation (formerly the Military-Law Academy of the Red Army, the Lenin Military-Political Academy, the Military Institute holding the Order of the Red Banner, the Military Academy of Economics, Finance and Law). He passed the way from the adjunct to the professor of the department.

Keywords: Khasan Mubarakovich Akhmetshin; Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation; military law school; military criminal legislation

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zatelepin Oleg Kimovich,

Judge of the Supreme Court of the Russian Federation, Dr. Sc. (Law), Professor of Criminal Law Department of the Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation 3/4 Volochaevskaya Str., Moscow, 111033, Russian Federation

E-mail: vestnik-vp@mail.ru

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЕННЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ОРГАНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КАНАДЫ

А.С. СОРОЧКИН,

кандидат юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, заместитель Председателя Следственного комитета Российской Федерации – руководитель Главного военного следственного управления

E-mail: gvsu.gov.ru

Аннотация. Целью настоящего исследования является проведение сравнительно-правового анализа национального опыта функционирования военных следственных органов в Российской Федерации и Канаде на основе таких критериев, как специфика нормативно-правовой базы и организационно-штатной структуры, функционального назначения и диапазона полномочий, степень организационной самостоятельности и характер

кадровой политики. Обосновывается вывод о том, что важнейшими условиями успешной реализации военными следственными органами своих полномочий выступают вневедомственный статус, самостоятельность, организационная и функциональная независимость от других институтов государственной власти, а также специфика кадровой политики в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: органы военной юстиции Российской Федерации и Канады; военные следственные органы; СК России; Национальная служба расследований Вооружённых сил Канады; предварительное следствие

Современный мир характеризуется усилением интеграционных процессов во многих сферах государственной и общественной жизни, в том числе и в военной области. Государства проявляют повышенный интерес к изучению и взаимному использованию опыта военного строительства, к обмену не только военно-технической, но и военно-правовой информацией. В настоящее время какое-либо изолированное развитие доктрины национального военного права представляется малопродуктивным. Возникает потребность в обобщении и дальнейшем приращении знаний в области сравнительного правоведения, включая военно-уголовые аспекты. Предметом рассмотрения избран националь-

ный опыт функционирования военного аппарата предварительного следствия в Российской Федерации и Канаде в целях проведения сравнительно-правового анализа национального опыта функционирования военных следственных органов (далее – ВСО) указанных государств на основе таких критериев, как специфика нормативно-правовой базы и организационно-штатной структуры, функционального назначения и диапазона полномочий, степень организационной самостоятельности и характер кадровой политики. Выбор Канады в качестве объекта сравнительного анализа не случаен. Под эгидой ООН и НАТО начиная с 1950 г. Канада принимает активное участие в международных миссиях, включая

миротворческие операции, миссии в бывшей Югославии. Вооружённые силы Канады оказали поддержку силам коалиции в первой военной кампании 1991 г. в Персидском заливе.

С 1 сентября 1997 г. Национальная служба расследований Вооружённых сил Канады принимает участие во всех масштабных военных операциях с их участием, имеет мандат на проведение следственных мероприятий по всем серьёзным правонарушениям, наносящим ущерб интересам Министерства национальной обороны и Вооружённых сил Канады, канадским военнослужащим и собственности оборонного ведомства. При поддержке ООН в партнёрстве со стабилизационными силами США и международными силами НАТО с 2001 г. Канада размещает собственный контингент войск на территории Афганистана. Несмотря на общность исторических судеб и правовых истоков Канады и США, восходящих к англосаксонской правовой системе Британской империи, генезис системы военных правоохранительных органов Канады национально специфичен. В отличие от США, в которых Война за независимость 1775-1783 гг. изначально предопределила первостепенную роль вооружённых сил в защите национальных интересов и конституционных прав и свобод граждан, Канада обрела независимость мирным путём и стала королевством Британского Содружества.

Нередко в российской научной литературе наблюдается безосновательное преувеличение достоинств и преимуществ существующего механизма уголовно-правового регулирования военно-служебных отношений за рубежом. В этих условиях важно не отходить от принципиальных и в то же время объективных оценок юридических институтов, действующих в современных вооружённых силах зарубежных стран.

Нами полностью разделяется точка зрения Х.М. Ахметшина о том, что изучение опыта функционирования военных следственных органов иностранных государств, имеющих богатые правовые традиции и развитую систему военной юстиции, способствует обогащению знаний военно-правовой сферы и позволяет

поднять научный уровень критического осмысления его содержания [6].

Актуальность всестороннего осмысления и изучения международного опыта организации профессиональной деятельности ВСО обуславливается также возросшим интересом судебных органов к данным правовым инструментам, применяющим стандарты в области прав человека. Вследствие этого военными ведомствами ряда государств была проведена переоценка методов следственных обвинений относительно нарушения норм международного права во время вооружённых конфликтов, а также проведён ряд правовых и институциональных реформ. Подтверждением изложенному тезису могут послужить следующие примеры: в 1997 г. Канадой были учреждены новые следственные органы [11]; в 2006 г. Великобританией был принят новый Закон о Вооружённых силах [15]; в 2007 г. в Австралии было проведено судебное разбирательство по делу «Лэйн против Моррисона», в результате чего 29 августа 2009 г. Верховным судом Австралии вынесено решение о признании австралийского военного трибунала неконституционным [10]; в 2011 г. США были изданы новые Директивы о порядке проведения расследований. Кроме того, около 100 государств создали национальные комитеты для осуществления надзора за соблюдением норм международного гуманитарного права [14].

В соответствии с Федеральным законом от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» [1] функция по обеспечению законности в Вооружённых Силах Российской Федерации возлагается на органы военной прокуратуры, военные следственные органы, военные суды и военную полицию. Военные следственные органы, стоящие на страже законности в Вооружённых Силах Российской Федерации, выступают одним из системообразующих, фундаментальных компонентов военного строительства. В соответствии с Федеральным законом от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» [3] (далее – Федеральный закон «О Следственном комитете Российской Федерации») военные следственные органы Следственного комитета (далее – Следственный комитет,

СК России) осуществляют свои полномочия в сфере уголовного судопроизводства в Вооружённых Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба.

Согласно уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации к компетенции военных следственных органов относится оперативное и качественное расследование противоправных деяний, включая преступления против законов и обычаев войны. В гл. 34 Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г. ответственность за преступления против мира и безопасности человечества установлена впервые. Среди норм, предусмотренных данной главой названного Кодекса, важное место отведено нормам о военных преступлениях. Согласно Уголовному кодексу Российской Федерации под военными преступлениями понимаются: разработка, производство, накопление, приобретение или сбыт оружия массового поражения (применение запрещённых средств и методов ведения войны (ст. 356), наёмничество (ст. 359), геноцид (ст. 357) и экоцид (ст. 358) [5].

Общее руководство СК России осуществляется Председателем Следственного комитета Российской Федерации. Структура военных следственных органов Следственного комитета Российской Федерации включает в себя Главное военное следственное управление и военные следственные управления окружного звена: военные следственные управления Следственного комитета по Западному, Центральному, Восточному и Южному военным округам (дислоцированные в Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Хабаровске и Ростове-на-Дону соответственно), военные следственные управления Следственного комитета по Балтийскому, Северному, Тихоокеанскому и Черноморскому флотам (расположенные в Калининграде, Североморске, Владивостоке и Севастополе соответственно), военные следственные управления Следственного комитета по Ракетным войскам стратегического назначения (посёлок Власиха Московской области) и по г. Москве.

В подчинении 10 управлений окружного звена находятся 142 военных следственных отдела гарнизонного звена, 5 из которых располагаются за пределами Российской Федерации.

Согласно Положению о Следственном комитете Российской Федерации, утверждённому Указом Президента Российской Федерации от 14 января 2011 г. № 38, в состав центрального аппарата Следственного комитета входит Главное военное следственное управление. В настоящее время штатная численность центрального аппарата составляет 230 единиц (181 должность военнослужащих и 49 должностей гражданского персонала).

Согласно Положению с Положением о Главном военном следственном управлении Следственного комитета Российской Федерации, утверждённым соответствующим приказом Председателя Следственного комитета Российской Федерации, руководство системой военных следственных органов Следственного комитета осуществляется Главным военным следственным управлением, которое возглавляет заместитель Председателя Следственного комитета Российской Федерации – руководитель Главного военного следственного управления. Ему подчиняются первый заместитель и два заместителя, курирующие соответствующие направления деятельности.

В структуру Главного военного следственного управления входят четыре управления: следственное, процессуального контроля и криминалистики, организационно-аналитическое и обеспечения деятельности, а также самостоятельные отделы.

В соответствии с Федеральным законом от 4 июня 2014 г. № 145-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам военной службы в органах военной прокуратуры и военных следственных органах Следственного комитета Российской Федерации» [2] военные следователи ВСО СК России проходят военную службу.

Приступая к рассмотрению основ функционирования системы военных следственных органов в Канаде, целесообразно напомнить структуру её Вооружённых сил, созданную Конституцион-

ным актом 1867 г. и Законом о милиции 1904 г., которая и по сей день очень напоминает структуру британской армии, но имеет особенности. Главкомандующим является британская королева, представленная генерал-губернатором Канады. Фактически все законы о деятельности Вооружённых сил принимает парламент доминиона, а руководят войсками и в мирное, и в военное время канадский премьер-министр, министр национальной обороны и начальник штаба обороны. Министр национальной обороны – гражданское лицо, его назначает верховный главнокомандующий по представлению премьер-министра. После реформы 2006 г. Вооружённые силы Канады разделены на Командование сухопутных войск, Морское командование, Авиационное командование, Командование Канады, Командование экспедиционных войск Канады, Командование войск специального назначения Канады и Командование оперативной поддержки Канады. Резервные силы включают основной и дополнительный резервы, кадетские организации и канадских рейнджеров.

В процессе преобразования системы военной юстиции Канады ключевая задача сводилась к обеспечению организационной (субординация и подчинённость) и функциональной (исполнение судебных и квазисудебных функций) независимости военных следственных органов. Новое законодательство на институциональной основе разделило следственную, прокурорскую, защитную и судебную функции путём введения должностей администратора военного суда, начальника военной прокуратуры и начальника военно-адвокатской службы. Принятые законодательные изменения привели к созданию Внешней комиссии по рассмотрению жалоб, адресованных военной полиции. В задачи данного органа входит рассмотрение поступивших от гражданских или военных лиц претензий в отношении действий военной полиции, а также рассмотрение заявлений о неправомерном вмешательстве в ход расследования, проводимого силами военной полиции. Кроме того, в целях создания следственной системы, независимой от органов военного управления, министром наци-

ональной обороны был подписан указ об учреждении Национальной службы расследований Вооружённых сил Канады (англ. Canadian Forces National Investigation Service), которая во всех вопросах подчиняется исключительно начальнику военной полиции Канады (про-вост-маршалу) [9].

В ряде государств, в частности в странах Британского Содружества, нормы военно-уголовного законодательства содержатся в нормативных правовых актах о воинской дисциплине. Канадский Кодекс о воинской дисциплине включён в текст Закона о национальной обороне и состоит из 196 статей. Уголовно-правовые нормы закреплены в ст.ст. 60-151 названного Кодекса. Полномочия военной полиции определены разд. 156 Закона о национальной обороне и регламентированы разд. 2 Уголовного кодекса Канады. Ключевыми приоритетами ВСО Российской Федерации и Канады выступают организационная и функциональная независимость и беспристрастность в проведении военных расследований.

Национальная служба расследований Вооружённых сил Канады (далее – НСР ВС Канады, Национальная служба расследований) отвечает за поддержание боеготовности и правопорядка, осуществляет оперативные и независимые полицейские следственные мероприятия в интересах Министерства национальной обороны и Вооружённых сил Канады, а также личного состава Вооружённых сил как на территории государства, так и за его пределами. Начиная с 1 сентября 1997 г. НСР ВС Канады принимает участие во всех масштабных военных операциях с участием Вооружённых сил Канады и имеет мандат на проведение следственных мероприятий по всем серьёзным правонарушениям, наносящим ущерб интересам Министерства национальной обороны и Вооружённых сил Канады, канадским военнослужащим и собственности оборонного ведомств. Национальная служба расследований создавалась для всестороннего анализа национального опыта применения канадских Вооружённых сил в Сомали, бывшей Социалистической Федеративной Республике Югославии и в других сложных военных миссиях. Большая часть

расследований проводится в отношении предполагаемых нарушений норм международного гуманитарного права, поскольку данные нарушения представляют собой «серьёзные или значимые уголовные преступления против собственности, человека и Министерства национальной обороны» [12]. Расследования противоправных деяний, не удовлетворяющих данному критерию, проводятся другими подразделениями военной юстиции.

Несмотря на то что региональные управления дислоцированы на базах канадских Вооружённых сил, личный состав Национальной службы расследований осуществляет следственные мероприятия независимо от обычной командной иерархии. Национальная служба расследований находится в непосредственном подчинении начальника военной полиции Вооружённых сил Канады, благодаря чему достигаются независимость и самостоятельность военных следователей названного следственного органа.

Организационно Национальная служба расследований состоит из региональных управлений (Тихоокеанского (отвечает за провинцию Британская Колумбия), Западного (распространяет юрисдикцию на провинции Альберта, Саскатчеван, Манитоба, Северо-западные территории и Юкон), Борденского (отвечает за западную часть Онтарио), Центрального (несёт ответственность за восточную часть Онтарио), Восточного (отвечает за провинции Квебек и Нанавут) и Атлантического (в ведении управления находятся четыре Атлантические провинции), базирующихся в городах Виктория, Эдмонтон, Борден, Оттава, Валькартье и Галифакс соответственно), подразделений, дислоцированных за рубежом (в настоящее время контингент Национальной службы дислоцирован в Афганистане), и специальных подразделений поддержки [8].

Согласно канадскому Руководству о праве вооружённого конфликта на командира возлагается обязательство обеспечения того, чтобы «все подчинённые ему силы были осведомлены о правах и обязанностях, содержащихся в Руководстве о праве вооружённого конфликта, и неукоснительно следовали им при исполнении обязанностей военной службы» [13]. Командир также обязан

предотвращать нарушения положений Руководства о праве вооружённого конфликта и сообщать о них в уполномоченные органы [13]. Командир, получивший информацию о том, что его подчинённые или другие лица, находящиеся под его контролем, нарушили Руководство о праве вооружённого конфликта, обязан принять в отношении этих лиц дисциплинарные или уголовные меры. Неспособность принятия адекватных мер правового воздействия является противоправным деянием со стороны командира [13].

Кадровый состав Национальной службы расследований представлен военнослужащими, обладающими специальными знаниями в области теории и практики проведения расследования. В компетенцию данного военного следственного органа входят тяжкие уголовные преступления, затрагивающие интересы военного ведомства Канады. В Национальной службе расследований служат исключительно сотрудники военной полиции, имеющие богатый опыт проведения следственных мероприятий как на территории государства, так и за его пределами.

В настоящее время штатная численность сотрудников военной полиции Вооружённых сил Канады составляет 2 000 военнослужащих, из которых приблизительно 1 400 человек приведены к присяге. Около 650 военнослужащих входят в состав сил резерва военной полиции. Полномочия военной полиции определены разд. 156 Закона о национальной обороне и регламентированы разд. 2 Уголовного кодекса Канады [8].

Проведённый нами сравнительно-правовой анализ функционирования военных следственных органов Российской Федерации и Канады позволяет сделать ряд выводов.

Система военной юстиции Канады была приведена к своему современному состоянию в значительной степени под влиянием негативного опыта применения канадских войск в Сомали в 1993 г. в рамках Миссии ООН по поддержанию мира. Акты насилия, совершённые канадскими военнослужащими полка ВДВ в отношении сомалийских граждан, послужили отправной точкой для проведения канадским законодателем ряда крупных научных исследований, результатом которых

стали фундаментальные изменения канадской системы военного правосудия путём внесения поправок в Закон о национальной обороне.

В отличие от Канады российская модель военных следственных органов явилась результатом поступательного и закономерного развития национальной правовой доктрины. Принятие Федерального закона от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»», а также Федерального закона от 6 июня 2007 г. № 90-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» ознаменовало первый этап на пути кардинального преобразования российского института предварительного следствия. 7 сентября 2007 г. Указом Президента Российской Федерации № 1004 «Вопросы Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации» был учреждён Следственный комитет при прокуратуре Российской Федерации. Второй этап реформирования предварительного следствия связан с вступлением в силу 15 января 2011 г. Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации». Данным Федеральным законом СК России был выведен из состава прокуратуры и преобразован в самостоятельный федеральный государственный орган – Следственный комитет Российской Федерации, осуществляющий полномочия в сфере уголовного преследования. Уникальность системы независимых от других органов государственной власти военных следственных органов Следственного комитета Российской Федерации усматривается в сохранении военной службы и глубокой интеграции в систему Министерства обороны Российской Федерации на этапе подготовки кадров в целом и в ходе проведения расследований в частности.

Проведённое нами исследование позволяет заключить, что и в российской, и в канадской национальных системах военной юстиции значимая роль в организации следственных мероприятий отведена командиру. В соответствии с канадским Руководством о праве воо-

ружённого конфликта командир обязан предотвращать нарушения данного Руководства и сообщать о них в уполномоченные органы. Непринятие адекватных мер правового воздействия является противоправным деянием со стороны командира.

Принимая во внимание то, что эффективность применения законов и обычаев войны напрямую зависит от степени их знания каждым военнослужащим, российское законодательство установило обязанность военнослужащих знать и уметь применять международно-правовые нормы. Так, Федеральный закон «О статусе военнослужащих» в числе общих обязанностей военнослужащих называет соблюдение общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации. В Уставе внутренней службы Вооружённых Сил Российской Федерации содержится прямое предписание каждому военнослужащему – знать и неукоснительно соблюдать правила ведения военных действий, обращения с ранеными, больными, лицами, потерпевшими кораблекрушение, гражданским населением в районе боевых действий, а также с военнопленными.

Ключевыми приоритетами ВСО Российской Федерации и Канады выступают организационная и функциональная независимость и беспристрастность в проведении следственных мероприятий. Следует, однако, отметить, что степень независимости ВСО названных государств неодинакова. В Вооружённых силах Канады расследование уголовных дел осуществляется Национальной службой расследований, которая представляет собой следственное подразделение военной полиции, находится в прямом подчинении начальника военной полиции и осуществляет юрисдикцию в отношении всех лиц, подпадающих под действие Дисциплинарного устава.

В настоящее время Следственный комитет Российской Федерации не входит ни в структуру какого-либо органа государственной власти, ни в какую-либо из ветвей государственной власти. По сути, реализуемая им следственная власть является продолжением президентской власти и может рассматривать-

ся как элемент сдержек и противовесов в системе разделения властей.

В Вооружённых Силах Российской Федерации и Канады военная полиция выступает важным структурным элементом системы ВСО, однако функции, выполняемые названным органом, значительно разнятся. В компетенцию военной полиции Вооружённых сил Канады входит расследование тяжких уголовных преступлений против человека, нарушений норм международного права и противоправных деяний, наносящих ущерб Министерству национальной обороны Канады.

В Российской Федерации на органы военной полиции возложены полномочия органа дознания, а также обязанности по доставке и конвоированию задержанных по уголовным делам, находящимся в производстве военных следственных органов, оцеплению и охране мест происшествий вне пределов воинских частей, обеспечению мер безопасности участников уголовного судопроизводства, предусмотренных федеральными законами «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» и «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», а также по охране зданий и помещений военных следственных органов. Кроме того, сотрудники военной полиции проводят большую работу по розыску и задержанию лиц, подлежащих привлечению к уголовной ответственности, в том числе военнослужащих, уклонившихся от прохождения военной службы.

В вопросах кадровой политики ВСО сопоставляемых государств придерживаются схожих взглядов. Так, в Национальной службе расследований Вооружённых сил Канады должности военных следователей замещаются исключительно канадскими военнослужащими. В Российской Федерации, в соответствии с Федеральным законом от 4 июня 2014 г. № 145-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам военной

службы в органах военной прокуратуры и военных следственных органах Следственного комитета Российской Федерации», с 1 января 2018 г. военные следователи проходят военную службу в военных следственных органах Следственного комитета Российской Федерации. Согласно Указу Президента Российской Федерации от 22 декабря 2016 г. № 703 штатная численность военных следственных органов определена в количестве 2 466 единиц, в том числе 2 032 военнослужащих. Подчеркнём, что именно военные следователи обладают соответствующей профессиональной подготовкой, глубоко владеют спецификой военной службы, имеют правовое основание для проведения следственных мероприятий в «горячих точках», выступают гарантом эффективности и оперативности расследования преступлений.

В целях обеспечения надёжной охраны воинского правопорядка от преступных посягательств в мировой практике прослеживается тенденция обособленного законодательного регулирования уголовной ответственности военнослужащих и лиц, приравненных к ним. В зависимости от законодательной техники, используемой в том или ином государстве, принадлежности его правовой системы к той или иной правовой семье, а также с учётом фактического положения вооружённых сил в политической системе конкретного общества обособление источников военно-уголовного права осуществляется по-разному. В связи с вышеизложенным в современных исследованиях все чаще приводится тезис, согласно которому важнейшими условиями успешной реализации военными следственными органами своих полномочий выступают их вневедомственный статус, самостоятельность, организационная и функциональная независимость от других институтов государственной власти. Полагаем, что национальный опыт Канады заслуживает подробного изучения и представляет определённый интерес для дальнейшего совершенствования российской национальной системы ВСО.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об обороне: федер. закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1996. – № 23. – Ст. 2750.
2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам военной службы в органах военной прокуратуры и военных следственных органах Следственного комитета Российской Федерации: федер. закон от 4 июня 2014 г. № 145-ФЗ // Рос. газ. – 2014. – № 6399 (127) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2014/06/06/izmeneniya-dok.html> (дата обращения 15.02.2018).
3. О Следственном комитете Российской Федерации: федер. закон от 28 дек. 2010 г. № 403-ФЗ // Рос. газ. – 2010. – № 296.
4. О стратегии национальной безопасности Рос. Федерации: указ Президента Рос. Федерации от 31 дек. 2015 г. № 683. // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2016. – № 1. – Ч. 2. – Ст. 212.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения 08.02.2018).
6. Военно-уголовное право: учеб. / Х.М. Ахметшин [и др.]. – М.: За права военнослужащих. – 2008. – 384 с.
7. Интервью заместителя Председателя Следственного Комитета Российской Федерации – руководителя Главного военного следственного управления А. Сорочкина «Вестнику военного права» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sledcom.ru/press/interview/item/1178352/> (дата обращения 08.02.2018).
8. Canadian Forces National Investigation Service [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.forces.gc.ca/en/news/article.page?doc=the-canadian-forces-national-investigation-service/hnps1u2k> (дата обращения 15.02.2018).
9. Canadian Forces National Investigation Service, 2007. Annual Report, 5, 2007 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [/www.forces.gc.ca/en/about-reports-pubs/index.page](http://www.forces.gc.ca/en/about-reports-pubs/index.page) (дата обращения 15.02.2018).
10. Defence Act 1903 (2006 amendments) Defense Instructions 2007 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.legislation.gov.au/Details/C2005C00217 (дата обращения 15.02.2018).
11. National Defence Act, R.S.C. 1985, с. N-5 (Can.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/n-5/ (дата обращения 13.02.2018).
12. National Def. and Canadian Forces, Background: the Canadian Forces National Investigation Process, 2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.forces.gc.ca/en/news/article.page?doc=the-canadian-forces-national-investigation-service/hnps1u2k (дата обращения 13.02.2018).
13. Office of the Judge Advocate Gen., Law of Armed Conflict at the Operation and Tactical Levels: Joint Doctrine Manual B-GJ-005-104/FP-021. – 2003. – 1504, 1621.2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.ficnl.org/fileadmin/migrated/content_uploads/Canadian_LOAC_Manual_2001_English.pdf (дата обращения 13.02.2018).
14. Summary table of IHL provisions specifically applicable to children [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.icrc.org/eng/assets/files/other/ang03_04a_tableaudi_h_total_logo.pdf (дата обращения 13.02.2018).
15. UK Armed Forces Act, 2006 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/52/contents (дата обращения 13.02.2018).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Сорочкин Александр Сергеевич,

кандидат юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, заместитель Председателя Следственного комитета Российской Федерации – руководитель Главного военного следственного управления

119034, г. Москва, пер. Хользунова, 14

E-mail: gvsu.gov.ru

MILITARY INVESTIGATION

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF MILITARY INVESTIGATION BODIES' ACTIVITIES IN THE RUSSIAN FEDERATION AND CANADA

Aleksandr S. SOROCHKIN

Abstract. The parties of international legal relations show an increased interest in the study and mutual use of the experience of military construction, including military-legal aspects. Quite often in the Russian scientific literature, there is an unfounded exaggeration of the merits and advantages of the existing mechanism of the criminal legal regulation of military-service relations abroad. The purpose of this study is to conduct a comparative legal analysis of the national experience of the functioning of military investigative bodies in the Russian Federation and Canada on the basis of such criteria as the specificity of the regulatory and legal framework and organizational structure, functional purpose and range of powers, the degree of organizational independence

and the nature of the personnel policy. The author substantiates the conclusion that the most important conditions for the successful implementation by the military investigative authorities of their powers are non-departmental status, independence, organizational and functional independence from other institutions of state power, as well as the specificity of the personnel policy in this area. The uniqueness of the system of military investigation bodies of the Investigative Committee of the Russian Federation independent from other state authorities is seen in the preservation of military service and deep integration into the system of the Ministry of Defense of the Russian Federation at the stage of training of personnel in general and in the course of investigations in particular.

Keywords: military justice bodies of the Russian Federation and Canada; military investigative authorities; Main Military Investigatory Directorate of the Investigative Committee of Russia; National Service of Investigation of the Armed Forces of Canada; preliminary investigation

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sorochkin Aleksandr Sergeevich,

Cand. Sc. (Law), Honored Lawyer of the Russian Federation, Deputy Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation – Head of the Main Military Investigative Directorate

14 Khol'zunova Lane, Moscow, 119034, Russian Federation

E-mail: gvsu.gov.ru

REFERENCES

1. On defense: fed. law [Ob oborone: feder. zakon] of May 31, 1996, No. 61-FZ. Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 23. Art. 2750.
2. On the introduction of amendments to certain legislative acts of the Russian Federation on issues of military service in the bodies of the military prosecutor's office and military investigative bodies of the Investigative Committee of the Russian Federation: fed. law [O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii po voprosam voennoj sluzhby v organah voennoj prokuratury i voennyh sledstvennyh organah Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federacii: feder. zakon] of June 4, 2014, No. 145-FZ. Rossiyskaya Gazeta. 2014. No. 6399 (127). Available at: <https://rg.ru/2014/06/06/izmeneniya-dok.html> (accessed Feb. 15 2018).
3. On the Investigative Committee of the Russian Federation: fed. law [O Sledstvennom komitete Rossijskoj Federacii: feder. zakon] of December 28, 2010, No. 403-FZ. Rossiyskaya Gazeta. 2010. No. 296.
4. On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation [O strategii nacional'noj bezopasnosti Ros. Federacii: ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii] of December 31, 2015, No. 683. Collection of Legislation of the Russian Federation. 2016. No. 1 (Part II). Art. 212.
5. The Criminal Code of the Russian Federation [Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (accessed Feb. 8 2018).
6. Military Criminal Law: Textbook [Voenno-ugolovnoe pravo: ucheb.]. H.M. Akhmetshin [and others]. Moscow: For the rights of servicemen. 2008. 384 p.
7. Interview of A. Sorochkin, Deputy Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation – Head of the Main Military Investigatory Directorate to the Journal of Military Law [Interv'yu zamestitelya Predsedatelya Sledstvennogo Komiteta Rossijskoj Federacii – rukovoditelya Glavnogo Voennogo Sledstvennogo Upravleniya A. Sorochkina "Vestniku voennogo prava"]. Available at: <http://sledcom.ru/press/interview/item/1178352/> (accessed Feb. 8 2018).
8. Canadian Forces National Investigation Service. Available at: <http://www.forces.gc.ca/en/news/article.page?doc=the-canadian-forces-national-investigation-service/hnps1u2k> (accessed Feb. 15 2018).
9. Canadian Forces National Investigation Service. 2007. Annual Report, 5, 2007. Available at: <http://www.forces.gc.ca/en/about-reports-pubs/index.page> (accessed Feb. 15 2018).
10. Defence Act 1903 (2006 amendments) Defense Instructions 2007. Available at: <https://www.legislation.gov.au/Details/C2005C00217> (accessed Feb. 15 2018).
11. National Defence Act, R.S.C. 1985, c. N-5 (Can.). Available at: <http://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/n-5/> (accessed Feb. 13 2018).
12. National Def. and Canadian Forces, Background: the Canadian Forces National Investigation Process. 2010. Available at: <http://www.forces.gc.ca/en/news/article.page?doc=the-canadian-forces-national-investigation-service/hnps1u2k> (accessed Feb. 13 2018).
13. Office of the Judge Advocate Gen., Law of Armed Conflict at the Operation and Tactical Levels: Joint Doctrine Manual B-GJ-005-104/FP-021. 2003, 1504, 1621.2. Available at: https://www.ficnl.org/fileadmin/_migrated/content_uploads/Canadian_LOAC_Manual_2001_English.pdf (accessed Feb. 13 2018).
14. Summary table of IHL provisions specifically applicable to children. Available at: https://www.icrc.org/eng/assets/files/other/ang03_04a_tableaudih_total_logo.pdf (accessed Feb. 13 2018).
15. UK Armed Forces Act. 2006. Available at: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/52/contents> (accessed Feb. 13 2018).

АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Н.Д. БУТ,

доктор юридических наук, заведующая
отделом прокурорского надзора
и укрепления законности в сфере
экономики НИИ Академии Генеральной
прокуратуры Российской Федерации
E-mail: ndbut@mail.ru

Л.Ю. АКИМОВ,

кандидат юридических наук, директор
Департамента правовой защиты
ПАО «Российские сети»
E-mail: Akimov-LY@rosseti.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению энергетической безопасности как основного элемента национальной безопасности. Вопросы обеспечения соблюдения законов в сфере электроэнергетики относятся к области повышенного внимания

со стороны органов прокуратуры в силу социально-экономической значимости соответствующей отрасли. Авторы проводят анализ правоприменительной практики и опыта совершенствования законодательства в области электроэнергетики.

Ключевые слова: национальная безопасность; энергетическая безопасность; экономика; законность; законодательство; электроэнергетика

Целью энергетической политики России является максимально эффективное использование природных энергетических ресурсов и потенциала энергетического сектора для устойчивого роста экономики, повышения качества жизни населения страны и содействия укреплению её внешнеэкономических позиций [4].

При этом устойчивый рост экономики напрямую зависит от эффективного обеспечения экономической безопасности. К числу же основных направлений государственной политики в сфере обеспечения экономической безопасности, согласно Стратегии экономической безопасности, относится обеспечение устойчивого роста реального сектора экономики, одной из основных задач по реализации которого является комплексное развитие энергетической инфраструктуры, внедрение перспективных энергоэффективных технологий, повышение эффективности переработки энергоресурсов и диверсификация на-

правлений их экспорта с учётом мировых тенденций перехода на низкоуглеродную экономику.

Не случайно сфера электроэнергетики входит в области общественного развития, обладающие повышенной социально-экономической значимостью. Такой вывод можно сделать исходя из анализа содержания таких документов концептуального и стратегического характера, как Стратегия национальной безопасности Российской Федерации [1], Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года [3], Стратегия экономической безопасности Российской Федерации [2] и др.

Например, в соответствии со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации национальная безопасность, включающая в себя в первую очередь оборону страны, к приоритетным видам безопасности относит в том числе энергетическую безопасность.

Закономерным в связи с вышеизложенным является тот факт, что сфера электроэнергетики стоит на особом контроле у Президента Российской Федерации и Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

Ежегодно Генеральным прокурором Российской Федерации подводятся итоги деятельности за предыдущий период и формулируются задачи, решение которых необходимо для дальнейшего укрепления законности в сфере энергетики на последующий период.

В рамках реализации поручения Президента Российской Федерации «О принятии мер по усилению прокурорского надзора за соблюдением законодательства в электроэнергетике» с 2012 г. в сфере пристального внимания прокуратуры находятся вопросы предотвращения самовольного подключения и использования энергоресурсов, обеспечения соблюдения законодательства, устанавливающего порядок расчётов за их использование, предотвращения роста задолженности и неправомерного использования денежных средств в данной сфере. В 2016 г. Генеральный прокурор Российской Федерации в ходе выступления на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации еще раз подчеркнул важность и необходимость проведения проверок в отрасли электроэнергетики, от работы которой зависит экономическая безопасность страны, а также стабильность социально-экономического сектора.

В последние годы разработаны и вступили в действие нормативные правовые акты, направленные, в частности, на улучшение состояния законности в сфере электроэнергетики, включая профилактику правонарушений в рассматриваемой области.

Так, в рамках реализации положений Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» органы прокуратуры Российской Федерации осуществляют мониторинг ситуации в энергетической отрасли и анализ эффективности мер, предусмотренных административным и уголовным законодательством, направленных на обеспечение предотвращения

правонарушений и укрепления законности в указанной сфере. На постоянной основе ведется обмен информацией с контролирующими ведомствами о выявленных нарушениях, по материалам которой инициируются проверки и принимаются меры прокурорского реагирования в отношении энергоснабжающих организаций, нарушающих порядок расчётов за электроэнергию.

Подобного рода мероприятия оказали определенное позитивное воздействие на состояние законности в сфере электроэнергетики, что во многом связано со своевременной организацией прокуратурой комплексных проверочных мероприятий по результатам проводимого мониторинга.

Например, в 2017 г. реализован комплекс мероприятий по обеспечению соблюдения законодательства и прозрачности принятия решений региональными органами тарифного регулирования в отношении установления тарифов территориальным сетевым организациям. По результатам рассмотрения обращений и жалоб в отношении крупного должника «Читаэнергосбыт» было вынесено представление о необходимости устранения нарушений законодательства об электроэнергетике и нормализации платежной дисциплины, расследуются уголовные дела в отношении ООО «ЭНКОМ» и группы сбытовых компаний «МРСЭН».

Между тем, несмотря на то, что правоохранительными и контролирующими органами на постоянной основе проводится работа по выявлению и пресечению нарушений в сфере электроэнергетики, состояние законности остаётся неудовлетворительным. Прокурорская практика свидетельствует о том, что не удается достичь должной результативности по противодействию нарушениям, которые не только посягают на общественные отношения по охране собственности, но и создают угрозу повреждения соответствующих технических объектов, что может привести к возникновению аварийных ситуаций в жилищно-коммунальном хозяйстве, а также масштабным техногенным катастрофам.

Широкое распространение имеют факты хищения руководителями сбытовых организаций денежных средств, предназна-

ченных для расчётов за электроэнергию и услуги по её передаче, криминального вывода капиталов и ликвидного имущества энергосбытовых компаний, а также незаконного подключения к энергосетям, неправомерного и несанкционированного потребления энергоресурсов физическими и юридическими лицами.

Представляется, что, анализируя причины указанной ситуации, необходимо исходить из того, что состояние законности следует рассматривать с применением комплексного подхода, основанного на одной важной для теории права аксиоме – законность – мера действия закона [10]. её необходимо исследовать не только в процессе применения законов, регулирующих экономические отношения, но и в процессе их принятия. При этом соблюдение закона (а следовательно, и уровень нарушаемости закона), большинством ассоциируемое с законностью, следует оценивать лишь как одну из составляющих действия закона. Поэтому высокая распространенность однотипных правонарушений, «устойчивая повторяемость их основных признаков далеко не всегда свидетельствует о преднамеренности, “злой воле” правонарушителей. В не меньшей степени это говорит о дефектности правового регулирования, несовершенстве законов, регламентирующих соответствующие виды общественных отношений» [12].

Таким образом, в условиях рыночной экономики главная задача государства заключается в создании путём принятия соответствующих нормативных правовых актов условий, обеспечивающих максимальный баланс публичных и частных интересов (в сфере электроэнергетики – это баланс интересов государства, потребителей электроэнергии, территориальных сетевых компаний и иных участников оборота электроэнергии), а также экономическую свободу, подразумевающую при этом полную экономическую, правовую и иную ответственность за результаты такой деятельности. Кроме того, принимаемые нормативные правовые акты в любой из областей экономики должны учитывать объективные законы экономического развития, специфику сферы регулируемых общественных отношений (например, особенности

социального статуса лиц, подпадающих под действие принимаемого закона), а также имеющиеся объективные условия применения норм и возможные последствия (как негативные, так и позитивные) применения нормативного правового акта. С этого начинается обеспечение законности в сфере экономики, и без этого невозможно достигнуть в ней позитивной динамики.

Без учёта указанных особенностей «непродуманные и малообоснованные правовые решения порождают ошибки и лавину поправок в действующие законы...» [9], не оказывая существенного воздействия на состояние законности.

Следует отметить, что специфическими чертами, присущими российскому законотворчеству как на этапе становления рыночных отношений, так и в настоящее время, являются непродуманное заимствование правовых моделей экономически развитых стран, интуитивность и спонтанность [7], порождающие его постоянную интенсификацию. И если в начале переходного периода данная ситуация «была обусловлена отсутствием необходимого правового поля зарождающейся рыночной экономики, то в настоящее время такая интенсификация во многом обусловлена необходимостью адаптации основных экономических сфер к осуществляемым социально-экономическим преобразованиям» [7].

Необходимо подчеркнуть, что в целях исключения из работы парламента практики «работы над ошибками», а также для эффективного прогнозирования процесса применения закона и достижения поставленной при его принятии цели был введен новый для Российской Федерации правовой институт – институт оценки регулирующего воздействия (ОРВ). Полномочиями по проведению ОРВ наделено Минэкономразвития России, принят ряд необходимых нормативных правовых актов, регламентирующих вопросы проведения такой оценки [5; 6]. Основная цель оценки регулирующего воздействия – выделить негативные экономические аспекты возможного действия нормативных правовых актов, которые необходимо устранить, желательно, еще на стадии рассмотрения проекта нормативного правового акта и его принятия.

Речь также следует вести о качестве правовых актов, принимаемых в экономической сфере, соблюдении требований при их подготовке и экспертизе эффективности их действия с учётом реализации целей и практических результатов [11]. К сожалению, в настоящее время институт оценки регулирующего воздействия «не заработал» в полной мере и еще не оказывает существенного влияния на качество принимаемых законов, а следовательно, и на состояние законности в сфере экономики, в том числе в области электроэнергетики, которая в полной мере иллюстрирует названные выше негативные тенденции законоотворчества.

Многие исследователи отмечают нестабильность правовой системы России и её высокую зависимость от политических факторов [8]. Энергетическое законодательство, к сожалению, не стало исключением. Современное российское законодательство, регулирующее данную область, претерпевает постоянные изменения, и попытки его усовершенствования часто не вполне удачны. Так, в Федеральный закон от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» изменения вносились более 40 раз, в Федеральный закон от 23 ноября 2009 г. № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» – почти 30 раз.

После принятия Федерального закона от 3 ноября 2015 г. № 307-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи укреплением платежной дисциплины потребителей энергетических ресурсов» задолженность сбытовых компаний перед территориальными сетевыми компаниями перестала расти, однако «взыскиваемость» указанной задолженности снизилась.

Между тем количество вопросов, связанных с правовым регулированием сферы электроэнергетики, не только не уменьшается, но и увеличивается, что свидетельствует о том, что справедливый баланс интересов государства, потребителей электроэнергии, территориальных сетевых компаний и иных участников оборота электроэнергии, а также адекватное

и эффективное правовое регулирование данной сферы пока в России не достигнута, что, в свою очередь, препятствует достижению целей и задач, указанных в названных выше основополагающих документах концептуального и стратегического характера.

Кроме того, недостаточно эффективное, несбалансированное, несовершенное правовое регулирование энергетической сферы нередко создает непреодолимые преграды для осуществления и защиты прав и законных интересов участников оборота электроэнергии, и в первую очередь государства.

Не изменилась ситуация к лучшему с усилением административной ответственности за самовольное подключение и использование электрической энергии, предусмотренной ст. 7.19 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ). Анализ статистических данных и ситуации на энергетическом рынке показывает, что, несмотря на повышение интенсивности работы правоохранительных органов и увеличение общего числа лиц, привлеченных к административной ответственности за незаконное использование энергоресурсов (по имеющимся сведениям, если в 2014 г. органами внутренних дел выявлено 3 262 правонарушения в области самовольного подключения и использования электрической энергии и газа, предусмотренного ст. 7.19 КоАП РФ, в 2015 г. – 4 865, то в 2016 г. уже – 6 403, а за 9 месяцев 2017 г. – 7 660), существенного влияния применение данной статьи на ситуацию в целом не оказывает. Во многом это обусловлено тем, что социальная категория граждан, наиболее часто совершающих данный вид правонарушения, не имеет официального места работы и ценного имущества, в связи с чем действующие меры административного наказания в виде штрафа остаются малоэффективными, а материальный ущерб – невозмещенным.

По всей видимости, при разработке указанных изменений не была учтена специфика социального статуса лиц, подпадающих под действие закона и привлекаемых к административной ответственности (объективные условия), что во многом и спровоцировало подобную ситуацию.

Одновременно получило распространение массовое незаконное использование энергоресурсов для осуществления предпринимательской деятельности (обогрев теплиц, работа пекарен, компьютерных комплексов). Указанные деяния наносят еще более значительный материальный ущерб. Однако в настоящее время отсутствуют четкие законодательные закрепленные механизмы доказывания размера материального ущерба от самовольного подключения и искажения работы приборов учёта. Такого рода законодательный пробел препятствует эффективному и оперативному предотвращению соответствующих правонарушений.

Следует отметить, что в сфере обращения электроэнергии правоохранительные органы, как правило, возбуждают уголовные дела по ряду статей гл. 21 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), в том числе по ст. 158 (тайное хищение чужого имущества), ст. 159.2 (мошенничество при получении выплат), ст. 160 (присвоение или растрата), ст. 165 (причинение имущественного ущерба путём обмана или злоупотребления доверием), а также по ст. 201 (злоупотребление полномочиями), ст. 286 (превышение должностных полномочий).

Однако при расследовании дел по указанным статьям возникает ряд трудностей, во многом связанных с особенностями производства и обращения электроэнергии как товара. Поэтому определение точного размера нанесенного материального ущерба от бездоговорного и безучётного потребления электроэнергии затруднено, а в ряде случаев и невозможно.

Таким образом, в силу специфики электроэнергии как товара затруднительно применять к нарушениям общие нормы, устанавливающие ответственность за преступления против собственности (гл. 21 УК РФ).

При этом следует отметить, что в нормативной правовой базе, регулирующей гражданский оборот электроэнергии, вопросы определения электроэнергии как товара, способы установления количественных и качественных характеристик, стоимости, определения размера причиненного участникам оборота вреда при безучётном, бездоговорном потре-

блении, нашли детальное и однозначное закрепление.

Уголовное законодательство с учётом особой важности инженерных коммуникаций уже включает отдельный состав деяния, предусматривающий ответственность за разрушение, повреждение или приведение иным способом в негодное для эксплуатации состояние объектов энергетики, электросвязи, жилищного и коммунального хозяйства или других объектов жизнеобеспечения, если эти деяния совершены из корыстных или хулиганских побуждений (ст. 215.2 УК РФ – гл. 24 «Преступления против общественной безопасности»).

Между тем за безучётное или бездоговорное подключение к электрическим сетям, т. е., по сути, завладение чужой собственностью (электроэнергией) и его безвозмездное потребление, уголовная ответственность отсутствует.

Принимая во внимание изложенное выше, представляется, что в целях улучшения состояния законности в сфере электроэнергетики назрела необходимость совершенствования норм уголовного права с учётом характера общественных правоотношений в области производства, передачи и потребления электроэнергии как социально значимого товара и существующего международного опыта.

Например, в Германии при схожих хозяйственных рисках введена уголовная ответственность (ст. 248с Уголовного кодекса Германии) за изъятие электрической энергии («любое изъятие электрической энергии, которое не предназначено для надлежащего потребления и совершенное с намерением неправомерно присвоить себе или третьему лицу электрическую энергию»). При этом в независимости от причиненного ущерба санкция допускает и лишение свободы сроком до пяти лет.

В связи со сказанным выше представляется, что более эффективному достижению задач по укреплению национальной безопасности, обеспечению устойчивого роста реального сектора экономики, а также улучшению законности в сфере обращения электроэнергии способствовало бы совершенствование уголовного законодательства в следующих направлениях:

1) логическое завершение диспозиции ст. 7.19 КоАП РФ, содержащей указание на наказуемое деяние – самовольное подключение к электрическим сетям. Введение в УК РФ дополнительного состава, предусматривающего ответственность за повторное (после наказания в административном порядке) самовольное, с нарушением установленного законодательством порядка, подключение к электрическим сетям;

2) идентификация признаков корыстных посягательств на электроэнергию как объект гражданского оборота, введение нового состава преступления против собственности в ст. 158 УК РФ, например ст. 158.2 («Кража электрической энер-

гии»), предусматривающей ответственность за безучётное или бездоговорное потребление электрической энергии.

Кроме того, учитывая, что в ближайшей перспективе должна существенно возрасти роль института публично-частного партнерства [7], направленного на создание правовых условий для привлечения инвестиций в экономику Российской Федерации, полагаем необходимым рассмотреть возможность разработки нормативных правовых актов в части правил установления долгосрочных тарифов, обеспечивающих приемлемые условия для развития государственно-частного партнерства в энергетике.

ЛИТЕРАТУРА

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Рос. Федерации от 31 дек. 2015 г. № 683 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2016. – № 1. – Ч. 2. – Ст. 212.
2. О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации до 2030 года: указ Президента Рос. Федерации от 13 мая 2017 г. № 208 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2017. – № 20. – Ст. 2902.
3. О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 17 нояб. 2008 г. № 1662-р // Собр. законодательства Рос. Федерации – 2008. – № 47. – Ст. 5489.
4. Об Энергетической стратегии России на период до 2030 года: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 13 нояб. 2009 г. № 1715-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2009. – № 48. – Ст. 5836.
5. О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации: постановление Правительства Рос. Федерации от 15 мая 2010 г. № 336 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2010. – № 21. – Ст. 2602.
6. Об утверждении Положения о Порядке подготовки заключений об оценке регулирующего воздействия: приказ Министерства экономического развития Российской Федерации от 31 авг. 2010 г. № 398. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_105346/ (дата обращения 27.02.2018).
7. Законность: теория и практика: моногр. / под ред. Ю.А. Тихомирова, Н.В. Субановой. – М.: КОНТРАКТ, 2017. 400 с.
8. Лукьянова Е.Г. Правовая система России: современные тенденции развития // Труды института государства и права РАН. – 2016. – № 6 (58). – С. 6-23.
9. Тихомиров Ю.А. Методология анализа и оценки рисков в законодательной деятельности // Юрид. техника. – 2015. – № 9. – С. 46-52.
10. Тихомиров Ю.А. Проблемы механизма оценки уровня законности // Законность в Российской Федерации: вызовы эпохи (Сухаревские чтения): сб. материалов I Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. О.С. Капинус; Акад. Генер. прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2016. – С. 45-49.
11. Эффективность законодательства: вопросы теории и практики: моногр. / отв. ред. Ю.А. Тихомиров, В.П. Емельянцев. – М.: ИНФРА-М, 2015. – 336 с.
12. Ястребов В.Б. Прокурорский надзор: учеб. – М.: Зерцало-М, 2011. – 421 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бут Надежда Дмитриевна,
доктор юридических наук, заведующая отделом прокурорского надзора и укрепления законности в сфере экономики НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации
117638, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1
E-mail: ndbut@mail.ru

Акимов Леонид Юрьевич,
кандидат юридических наук, директор Департамента правовой защиты ПАО «Российские сети»
121353, г. Москва, ул. Беловешская, д. 4
E-mail: Akimov-LY@rosseti.ru

ENERGY SECURITY

PRESENT-DAY DIRECTIONS FOR ENSURING ENERGY SECURITY IN RUSSIA

Nadezhda D. BUT
Leonid Yu. AKIMOV

Abstract. The issues of law enforcement in the field of electric power industry are of special attention of prosecutorial bodies due to the socio-economic importance of the relevant industry. Prosecutor's supervision has recently begun to play an increasingly important role in connection with significant regulatory changes aimed at combating illegal actions that are associated with non-compliance with payment discipline and improper consumption of electrical energy. At the same time, the analysis of law enforcement practice shows that the key prerequisites for ensuring legality lie not so much in the effective organization of the system of state supervision and coercive

measures as in the level of quality of the regulatory regulation itself. The authors of the article on the basis of a comprehensive retrospective analysis of the improvement of the legislation in the electric power industry conclude that the formed legal norms aimed at preventing and suppressing unlawful acts often do not correspond to the actual essence of the economic relations that develop in the industry. In connection with these, the article contains specific recommendations on possible areas for improving regulatory measures (including in the area of establishing administrative and criminal liability), which, in the long term, will make it possible to avoid breaking off the rule-making process from the actual content of public relations that need legal regulation.

Keywords: national security; energy security; economy; legality; legislation; electric power industry

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

But Nadezhda Dmitrievna,
Dr. Sc. (Law), Head of the Department of Prosecutor's Supervision and Strengthening the Legality in the Sphere of Economics of the Research Institute of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation
2, bld. 1, Azovskaya Str., Moscow, 117638, Russian Federation
E-mail: ndbut@mail.ru

Akimov Leonid Yur'evich,
Cand. Sc. (Law), Director of the Legal Protection Department of PJSC Rosseti
4 Belovezhskaya Str., Moscow, 121353, Russian Federation
E-mail: Akimov-LY@rosseti.ru

REFERENCES

1. On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation [O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii: Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii] of December 31, 2015, No. 683. Collection of Legislation of the Russian Federation. 2016. No. 1 (Part II). Art. 212.
2. On the Strategy for Economic Security of the Russian Federation until 2030: Decree of the President of the Russian Federation [O Strategii ehkonomicheskoy bezopasnosti Rossijskoj Federacii do 2030 goda: Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii] of May 13, 2017, No. 208. Collection of Legislation of the Russian Federation. 2017. No. 20. Art. 2902.
3. On the Concept of Long-Term Social and Economic Development of the Russian Federation for the Period to 2020: Order of the Government of the Russian Federation [O Konceptcii dolgosrochnogo social'no-ehkonomicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2020 goda: Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii] of November 17, 2008, No. 1662-p. Collection of Legislation of the Russian Federation. 2008. No. 47. Art. 5489.
4. On the Energy Strategy of Russia for the period until 2030: Order of the Government of the Russian Federation [Ob Energeticheskoy strategii Rossii na period do 2030 goda: Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii] of November 13, 2009, No. 1715-p. Collection of Legislation of the Russian Federation. 2009. No. 48. Art. 5836.
5. On the introduction of amendments to certain acts of the Government of the Russian Federation: Resolution of the Government of the Russian Federation [O vnesenii izmenenij v nekotorye akty Pravitel'stva Rossijskoj Federacii: Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii] of May 15, 2010, No. 336. Collection of Legislation of the Russian Federation. 2010. No. 21. Art. 2602.
6. On approval of the Regulation on the Procedure for the Preparation of Opinions on the Assessment of Regulatory Impact: Order of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation [Ob utverzhdenii Polozheniya o Poryadke podgotovki zaklyuchenij ob ocenke reguliruyushchego vozdejstviya: Prikaz Ministerstva ehkonomicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii] of August 31, 2010, No. 398. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_105346/ (accessed Feb. 27 2018).
7. Legitimacy: theory and practice [Zakonost': teoriya i praktika]. Monograph. Ed. of Tikhomirov Yu.A., Subanova N.V. Moscow: CONTRACT LAW OFFICE LLC. 2017. 400 p.
8. Lukyanova E.G. The legal system of Russia: current trends of development [Pravovaya sistema Rossii: sovremennye tendencii razvitiya]. Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2016. No. 6 (58). pp. 6-23.
9. Tikhomirov Yu.A. Methodology of analysis and assessment of risks in legislative activity [Metodologiya analiza i ocenki riskov v zakonodatel'noj deyatel'nosti]. Legal Engineering. 2015. No. 9. pp. 46-52.
10. Tikhomirov Yu.A. Problems of the mechanism for assessing the level of legality [Problemy mekhanizma ocenki urovnya zakonnosti]. Legitimacy in the Russian Federation: challenges of the era (Sukharev readings): a collection of materials of the First International Scientific and Practical Conference. Ed. of Dr. Sc. (Law), Prof. Kapinus O.S. Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation. Moscow. 2016. pp. 45-49.
11. Efficiency of legislation: theory and practice issues [Effektivnost' zakonodatel'stva: voprosy teorii i praktiki]. Monograph. Ed. of Tikhomirov Yu.A., Emelyantsev V.P. Moscow: INFRA-M. 2015. 336 p.
12. Yastrebov V.B. Prosecutor supervision [Prokurorskiy nadzor]. Textbook. Moscow: Zertsalo-M. 2011. 421 p.

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ И РАЗНОВИДНОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МИНОБОРОНЫ РОССИИ С ИНЫМИ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ОРГАНАМИ В СФЕРЕ НОРМОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

М.А. РЫБАКОВА,

советник Правового департамента Министерства обороны Российской Федерации

E-mail: rybakova.m@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению важнейшей функции Минобороны России – нормотворческой деятельности в сфере обороны и военной безопасности, а также вопросам взаимодействия Минобороны России с иными государственными

органами в данной сфере. Дано авторское определение такого взаимодействия, сформулированы и раскрыты его основные принципы. Кроме того, проведена классификация разновидностей взаимодействия по различным основаниям.

Ключевые слова: нормотворческая деятельность; законотворческая деятельность; взаимодействие; оборона страны; принципы взаимодействия в сфере нормотворческой деятельности

В соответствии с Положением о Министерстве обороны Российской Федерации, утверждённым Указом Президента Российской Федерации от 16 августа 2004 г. № 1082, Минобороны России является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики, нормативно-правовому регулированию в области обороны, иные установленные законодательством Российской Федерации функции в этой области. Основным средством (способом) реализации указанных функций является нормотворческая деятельность, т.е. перевод политических решений, принимаемых данным государственным органом, в правовую форму, в систему правовых норм, обязательных для исполнения и соблюдения всеми гражданами, организациями, государственными органами.

Указанную деятельность Минобороны России осуществляет в тесном взаимодействии с иными государственными органами. Под взаимодействием в данном случае понимается их совместная, основанная на нормах права согласованная деятельность, осуществляемая в целях реализации возложенных на государственные органы задач и предоставленных полномочий по разработке и принятию нормативных правовых актов, регулирующих вопросы обороны страны и военной безопасности государства.

Взаимодействие Минобороны России с иными субъектами нормотворческой деятельности базируется на ряде принципов, представляющих собой основополагающие начала, руководящие идеи, исходные положения, на которых строится данная взаимная деятельность.

Следует отметить, что в научной литературе высказаны различные подходы к формулированию принципов взаимодействия государственных органов в различных сферах деятельности, включая совместную нормотворческую деятельность.

Так, Ф.К. Есиева к числу таких принципов относит законность, разграничение компетенции, контроль, взаимный учёт интересов; ответственность [3]. Н.Т. Леоненко, посвятившая своё исследование вопросам взаимодействия государственных органов субъектов Российской Федерации в законотворческом процессе, выделяет следующие принципы взаимодействия: единство системы государственной власти; разделение государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную; конституционность и законность; приоритет прав и свобод человека и гражданина; самостоятельное осуществление органами государственной власти принадлежащих им полномочий; координацию, согласование деятельности; единство целей и задач органов государственной власти в решении стоящих перед ними социальных и экономических проблем; взаимозависимость; разрешение споров с использованием согласительных процедур; взаимную ответственность; непрерывность [5].

Применительно к взаимодействию Минобороны России с МВД России по защите конституционного строя, государственной и территориальной целостности Российской Федерации А.В. Юдин сформулировал такие принципы взаимодействия данных государственных органов, как целевая направленность на защиту конституционного строя, государственной и территориальной целостности государства; легитимность, представляющую собой нормативную обоснованность совместной деятельности; постоянство взаимодействия и объединения усилий указанных органов [14].

Казахстанские учёные Е.Б. Абдрасулов и С.Р. Шалабаев к числу принципов взаимодействия органов государственной власти относят: принцип единства государственной власти; принцип открытости и гласности; принцип демократизма; принцип разрешения коллизий [13].

А.С. Тутов выделяет следующие принципы взаимодействия Минобороны России с другими государственными органами: разделение властей; единство системы федеральных исполнительных органов власти; принцип защиты прав и свобод человека и гражданина; гласность; демократизм в принятии решений; законность; принцип ответственности за принятые решения [11].

Обобщая изложенные подходы, по нашему мнению, к числу наиболее важных и значимых принципов взаимодействия Минобороны России с органами законодательной и исполнительной власти в интересах нормотворческой деятельности можно отнести:

- а) принцип законности;
- б) принцип разграничения компетенции;
- в) принцип учёта законных интересов взаимодействующих субъектов;
- г) принцип единства целей и задач государственных органов в сфере нормотворческой деятельности в области обороны и военной безопасности;
- д) демократизм в принятии решений и разрешении возникающих противоречий при осуществлении совместной нормотворческой деятельности.

Законность является наиболее общим, универсальным принципом деятельности всех государственных органов, негосударственных структур, организаций и граждан, в соответствии с которым нормотворческая деятельность взаимодействующих государственных органов осуществляется на основании правил, получивших закрепление в действующем законодательстве, и в порядке предусмотренных законом процедур. Законность как режим правового регулирования взаимодействия Минобороны России с иными государственными органами в сфере нормотворчества представляет собой установленную и поддерживаемую посредством издаваемых, гарантируемых и санкционируемых государством законов упорядоченность общественных отношений. Посредством режима законности создаются условия, создаются условия, с одной стороны, позволяющие субъектам взаимодействия реализовать свои законные интересы, а с другой стороны, обязывающие их исполнять законодательно закреплённые обязанности.

сти и соблюдать установленные законом запреты, учитывать интересы взаимодействующих субъектов и в целом – национальные (государственные) интересы¹ в сфере обороны и военной безопасности государства.

Законность при организации взаимодействия Минобороны России с иными органами государственной власти в сфере нормотворческой деятельности требует:

- единого понимания требований законов и иных нормативных правовых актов всеми субъектами взаимодействия;
- недопустимости противопоставления законности и целесообразности при подготовке проектов нормативных правовых актов (целесообразный – соответствующий поставленной цели, вполне разумный, практически полезный [6]);
- неотвратимости юридической ответственности участников нормотворческого процесса за отклонение от требований установленных правил и процедур нормотворческой деятельности;
- верховенства закона, т. е. разрабатываемые проекты нормативных правовых актов не должны противоречить Конституции Российской Федерации и ранее принятым законодательным актам.

Принцип разграничения компетенции взаимодействующих субъектов в сфере нормотворческой деятельности означает, что каждый из этих субъектов должен действовать строго в пределах, отведённых ему законом компетенции и полномочий и не вторгаться в сферу ведения другого государственного органа. Термин «компетенция» (лат. *competere* – соответствующий, способный) означает круг полномочий какого-либо органа или должностного лица [8]; это совокупность установленных нормативными правовыми актами прав и обязанностей (полномочий) организаций,

органов, должностных лиц, осуществляющих управленческие (исполнительно-распорядительные) функции в коммерческих организациях [10].

Данный принцип основывается на основополагающем постулате правового государства – разделении государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную. Минобороны России, относясь к системе исполнительной власти, не обладает правом законодательной инициативы, поэтому оно не может вторгаться в компетенцию органов, обладающих данным правом². Однако это не означает, что Минобороны России не имеет возможности участвовать в законодательном процессе. Минобороны России вправе в инициативном порядке либо по поручению Президента Российской Федерации или Правительства Российской Федерации разработать законопроект и путем установления взаимодействия с органами и должностными лицами, обладающими правом законодательной инициативы, обеспечить внесение данного законопроекта в Государственную Думу.

Федеральные органы исполнительной власти сосредоточивают в своих руках предметы ведения и полномочия, имеющие общероссийское значение. Какие именно – вытекает из положений ст. 71 Конституции Российской Федерации. К ним относятся ключевые вопросы государственной жизни, включая вопросы обороны и безопасности. Федеральные министерства с точки зрения их места в системе государственных органов равноправны, однако каждое из них наделено строго индивидуальной компетенцией и полномочиями в системе государственного управления. Так, государственные органы, образующие военную организацию государства³, согласно положениям о соответствующих министерствах и федеральных службах имеют свою

¹ Национальные интересы Российской Федерации – объективно значимые потребности личности, общества и государства в обеспечении их защищённости и устойчивого развития.

² Субъект права законодательной инициативы – это орган или лицо, которому принадлежит право внесения законопроектов в парламент государства. Согласно ч. 1 ст. 104 Конституции Российской Федерации право законодательной инициативы принадлежит Президенту Российской Федерации, Совету Федерации, членам Совета Федерации, депутатам Государственной Думы, Правительству Российской Федерации, законодательным (представительным) органам субъектов Российской Федерации. Право законодательной инициативы принадлежит также Конституционному Суду Российской Федерации и Верховному Суду Российской Федерации по вопросам их ведения.

компетенцию в данной сфере и именно в пределах этой компетенции участвуют в нормотворческой деятельности. При разработке проекта нормативного правового акта в качестве головного исполнителя назначается тот орган, в компетенцию которого входят вопросы, на регулирование которых направлен разрабатываемый правовой акт. Другие же органы, выполняющие определённые функции в области обороны, выступают в качестве соисполнителей. И на этой основе выстраивается взаимодействие этих органов в сфере нормотворчества.

Например, Минобороны России наделено полномочиями обеспечивать защиту Государственной границы Российской Федерации в воздушном пространстве (подп. 9 п. 7 Положения о Министерстве обороны Российской Федерации). Поэтому в случае необходимости разработки проекта нормативного акта Президента Российской Федерации или Правительства Российской Федерации по данному вопросу основным разработчиком такого акта, безусловно, будет Минобороны России. Если же потребуются разработка проекта правового акта по вопросам охраны Государственной границы на её сухопутных участках, то головным разработчиком такого акта будет выступать ФСБ России, поскольку этот вопрос отнесён к компетенции данного федерального органа исполнительной власти (подп. 9 п. 9 Положения о Федеральной службе безопасности Российской Федерации, утверждённого Указом Президента Российской Федерации от 11 августа 2003 г. № 960). Минобороны России в данном случае может быть привлечено к разработке такого акта лишь в качестве соисполнителя.

Эффективное взаимодействие Минобороны России с иными государственными органами в сфере нормотворческой деятельности невозможно без учёта взаимодействующими субъектами законных интересов друг друга. Понятие «законный интерес» в научной литературе определяется как стремление субъекта

пользоваться определённым социальным благом и в некоторых случаях обращаться за защитой к компетентным органам в целях удовлетворения не противоречащих нормам права интересов, которое в определённой степени гарантируется государством в виде юридической дозволенности, отражённой в объективном праве либо вытекающей из его общего смысла [9].

Минобороны России как один из федеральных органов исполнительной власти имеет свой законный интерес, заключающийся в полной и эффективной реализации возложенных на него задач в области обеспечения обороны страны, что в целом совпадает (должно совпадать) с законными интересами других государственных органов и государства в целом в данной области. Однако в некоторых частных вопросах эти интересы могут не совпадать, в результате чего возникает такая форма юридического взаимодействия, как юридическое противодействие (подробно содержание понятия «юридическое противодействие» раскрыто в научных работах А.Б. Докторовича [1, 2]).

В качестве примера можно привести практически ежегодно повторяющиеся драматические коллизии, связанные с подготовкой законопроекта о федеральном бюджете на очередной год. Законный интерес Минобороны России, других государственных органов, на которые возложены определённые функции по обеспечению обороны страны и военной безопасности государства, состоит в том, чтобы их потребности в бюджетных средствах по всем статьям бюджетной классификации были запланированы и удовлетворены в полном объёме, исходя из имеющихся потребностей в этом. Извечный оппонент силовых структур в данном вопросе – Минфин России, законный интерес которого состоит в обеспечении рационального расходования бюджетных средств, изыскании всех возможностей для экономии средств федерального бюджета. Это находит свое выражение, в частности,

³ Военная организация государства – совокупность органов государственного и военного управления, Вооружённых Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, составляющих её основу и осуществляющих свою деятельность военными методами, а также части производственного и научного комплексов страны, совместная деятельность которых направлена на подготовку к вооружённой защите и вооружённую защиту Российской Федерации.

в приостановлении на очередной бюджетный год действия норм некоторых законодательных актов, так или иначе связанных со сферой обороны страны (например, в течение последних пяти лет приостанавливалось действие законодательных норм об индексации денежного довольствия военнослужащих [4]).

Рассматриваемый принцип учёта законных интересов друг друга требует от взаимодействующих субъектов нормотворческого процесса поиска компромиссов, взаимных уступок. Главным критерием в данном случае выступают не узковедомственные интересы субъектов нормотворческой деятельности, а высший государственный интерес – обеспечение военной безопасности государства.

Не менее важным является *принцип единства целей и задач государственных органов в сфере нормотворческой деятельности* в области обороны и военной безопасности. Основным средством реализации данного принципа является планирование нормотворческой деятельности. В этих целях палатами Федерального Собрания Российской Федерации, Правительством Российской Федерации разрабатываются планы законопроектной деятельности; в Правительстве Российской Федерации и федеральных органах исполнительной власти разрабатываются планы подготовки нормативных правовых актов Правительства Российской Федерации. Основаниями для включения тех или иных законопроектов и проектов иных нормативных правовых актов в указанные планы являются данные мониторинга правоприменения, поручения Президента Российской Федерации, содержащиеся в его ежегодных посланиях Федеральному Собранию Российской Федерации, решения Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации, другие факты и обстоятельства, порождающие необходимость разработки и принятия нормативных правовых актов.

Планы нормотворческой деятельности позволяют комплексно подходить к законодательному регулированию общественных отношений с выделением его приоритетных направлений в зависимости от социальных потребностей, складывающейся международной

обстановки. Применительно к Минобороны России все эти планы должны быть подчинены единой общей цели – обеспечение непротиворечивого правового регулирования общественных отношений в сфере обороны страны и военной безопасности государства.

Демократизм в принятии решений и разрешении возникающих противоречий при осуществлении нормотворческой деятельности находит своё практическое воплощение:

- в публичном обсуждении планов нормотворческой деятельности и хода их реализации на заседаниях Коллегии Минобороны России с участием представителей взаимодействующих федеральных органов исполнительной власти и иных государственных органов;
- в создании межведомственных рабочих групп по подготовке проектов нормативных правовых актов;
- в организации и проведении согласительных совещаний представителей различных государственных органов в целях поиска путей разрешения противоречий и разногласий, возникающих в ходе подготовки проектов нормативных правовых актов;
- в вынесении наиболее важных проектов нормативных правовых актов на обсуждение общественности (Общественной палаты Российской Федерации, Общественного совета при Минобороны России), а также размещении данных проектов для их общественного обсуждения на федеральном портале проектов нормативных правовых актов (<http://regulation.gov.ru>);
- в проведении независимой антикоррупционной экспертизы проектов нормативных правовых актов.

Взаимодействие Минобороны России с законодательными и исполнительными органами в сфере нормотворчества носит многогранный, многоаспектный характер, осуществляется в многообразных формах, что предопределяет необходимость их классификации по различным основаниям. В философском смысле классификация (от лат. *clasis* – «разряд» и *facere* – «делать») представляет собой особый случай применения логической операции деления объёма понятия [12], т.е. она представляет собой группировку

данных по принципу подобия или различия, позволяет дать содержательную характеристику наиболее существенных классов той или иной системы. Научные классификации позволяют распределить объекты, изучаемые наукой, по группам (классам, видам) на основании определённых признаков, что имеет важное теоретическое, а также практическое значение. Кроме того, практическая ценность классификации состоит и в том, что, устанавливая виды, роды, классы предметов и явлений той или иной области реального мира и приводя их в логический порядок, исследователь охватывает тем самым все предметы и явления данной области. Это позволяет дать общее представление об изучаемой сфере явлений, охарактеризовать, составить образ какого-либо отдельного предмета, предвидеть, прогнозировать главные направления развития изучаемых явлений.

Попытаемся применить данный методологический приём к выяснению взаимодействия Минобороны России с иными субъектами нормотворческой деятельности в Российской Федерации. Используя различные основания, можно выделить следующие разновидности взаимодействия:

- 1) в зависимости от положения взаимодействующих субъектов в иерархической системе государственных органов:
 - взаимодействие «по вертикали» (с палатами Федерального Собрания Российской Федерации, Администрацией Президента Российской Федерации, Правительством Российской Федерации);
 - взаимодействие «по горизонтали» (с федеральными министерствами, федеральными службами, федеральными агентствами);
- 2) по времени осуществления: постоянное, временное, эпизодическое;
- 3) по целям взаимодействия:

- в целях подготовки законопроектов;
 - в целях подготовки проектов актов Президента Российской Федерации;
 - в целях подготовки проектов актов Правительства Российской Федерации;
 - в целях подготовки совместных приказов;
- 4) по содержанию и юридической направленности взаимодействия (по В.Ю. Панченко [7]):
 - *юридическое содействие*, которое во взаимной симметричной форме образует правовое сотрудничество, во взаимной асимметричной или в односторонней формах – меры собственно юридического содействия в узком смысле, поскольку содействие требуется всё же при недостаточности собственных ресурсов;
 - *юридическое противодействие*, которое во взаимной форме создаёт разнообразные формы юридических конфликтов, в односторонней – все формы, меры и средства деятельного юридического сдерживания юридически значимой деятельности одного лица другими лицами, в том числе субъектами, наделёнными публично-властными полномочиями (меры защиты, безопасности, пресечения, предупреждения, процессуального обеспечения и т. д.);
 - *юридический нейтралитет* как отсутствие реальных взаимодействий либо как характеристика неустойчивого состояния тех или иных факторов, обстоятельств, условий и средств, которые имеют тенденции тяготения к содействию или противодействию.
- Таким образом, взаимодействие Минобороны России с иными государственными органами в сфере нормотворчества является важнейшим средством формирования эффективной, непротиворечивой базы правового обеспечения обороны страны и военной безопасности государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Докторович А.Б. Социальные взаимодействия и отношения как фактор социального потенциала // Труд и социальные отношения. – 2008. – № 9.
2. Докторович А.Б. Социальные действия, взаимоотношения и отношения // Пространство и время. – 2012. – № 2.
3. Есиева Ф.К. Взаимодействие высших органов государственной власти в теории и практике советской государственности (1917-1991 гг.): историко-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2014. – 160 с.
4. Корякин В.М. Некоторые проблемы

- индексации денежного довольствия военнослужащих и военных пенсий // Право в Вооружённых Силах – Военно-правовое обозрение. – 2017. – № 3.
5. Леоненко Н.Т. Конституционно-правовые основы взаимодействия органов государственной власти субъектов Российской Федерации в законодательном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2012. – 26 с.
6. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Рус. яз., 1986. – 797 с.
7. Панченко В.Ю. Правовое взаимодействие как вид социальной коммуникации: теоретико-правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2016. – 480 с.
8. Современный словарь иностранных слов. – М.: Рус. яз., 1993. – 740 с.
9. Субочев В.В. Теория законных интересов: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Тамбов, 2009. – 57 с.
10. Тихомирова Л.В. Юридическая энциклопедия. – М.: Изд. г-на Тихомирова, 1997. – 526 с.
11. Тутов А.С. Взаимодействие Министерства обороны с органами государственной власти: общетеоретические и правовые аспекты // Сборник научных трудов по итогам международной научной конференции. – № 4. – Новосибирск, 2017.
12. Философский словарь / под ред. М.М. Розенталя. – М.: Политиздат, 1975. – 496 с.
13. Шалабаев С.Р. Понятие, принципы и основы правовой регламентации взаимодействия органов государственной власти Республики Казахстан // Междунар. журн. «Инновационная наука». – 2016. – № 3.
14. Юдин А.В. Правовые основы взаимодействия Министерства обороны Российской Федерации и Министерства внутренних дел Российской Федерации по защите конституционного строя, государственной и территориальной целостности Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2006. – 217 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Рыбакова Мария Анатольевна,
советник Правового департамента Министерства обороны Российской Федерации
119160, г. Москва, Фрунзенская наб., 22/2
E-mail: rybakova.m@mail.ru

MILITARY ADMINISTRATION BASIC PRINCIPLES AND VARIETY OF INTERACTION OF THE DEFENSE MINISTRY OF THE RUSSIAN FEDERATION WITH OTHER STATE BODIES IN COURSE OF REGULATORY ACTIVITIES

Maria A. R.YBAKOVA

Abstract. The article is devoted to the most important functions of the Russian Defense Ministry – standard-setting in the field of defense and military security, as well as issues of interaction between the Russian Defense Ministry with other state bodies in this area. The purpose of the work is to disclose the principles of interaction of the Defense Ministry of the Russian Federation with other state bodies in the field of norm-setting. Analysis and synthesis, as well as dialectical

method were used in the course of the research. The author formulates and describes the main principles of interaction of the Defense Ministry of the Russian Federation with other state bodies in the sphere of norm-setting activities scribed and gives a classification of such interaction on the basis of different criteria. As a result, the author concludes that strict adherence to the subjects of the rulemaking described in the article will ensure effective, consistent legal and regulatory framework in the area of state military security.

Keywords: norm-setting activity; law-making activity; interaction; defense of the country; principles of cooperation in the area of norm-setting activities

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Rybakova Maria Anatolyevna,

Adviser of the Legal Department of the Ministry of Defense of the Russian Federation

22/2 Frunzenskaya Emb., Moscow, 119160, Russian Federation

E-mail: rybakova.m@mail.ru

REFERENCES

1. Doctorovich A.B. Social interactions and relations as a factor of social potential [Social'nye vzaimodejstviya i otnosheniya kak faktor social'nogo potentsiala]. Labor and social relations. 2008. No. 9.
2. Doctorovich A.B. Social actions, relationships and relationships [Social'nye dejstviya, vzaimootnosheniya i otnosheniya]. Space and Time. 2012. No. 2.
3. Esieva F.K. Interaction of the highest state authorities in the theory and practice of Soviet statehood (1917 – 1991): historical and legal analysis: dis. ... cand. jurid. science [Vzaimodejstvie vysshih organov gosudarstvennoj vlasti v teorii i praktike sovetsoj gosudarstvennosti (1917 – 1991 gg.): istoriko-pravovoj analiz: dis. ... kand. jurid. nauk]. Moscow. 2014. 160 p.
4. Koryakin V.M. Some problems of indexing the monetary allowance of servicemen and military pensions [Nekotorye problemy indeksacii denezhnogo dovol'stviya voennosluzhashchih i voennyh pensij]. Law in the Armed Forces – Military legal review. 2017. No. 3.
5. Leonenko N.T. Constitutional-legal bases of interaction of public authorities of constituents of the Russian Federation in legislative process: the author's abstract: dis. ... cand. jurid. science [Konstitucionno-pravovye osnovy vzaimodejstviya organov gosudarstvennoj vlasti sub'ektov Rossijskoj Federacii v zakonodatel'nom processe: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk]. Chelyabinsk. 2012. 26 p.
6. Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian language, Ed. of Shvedova N.Yu. [Slovar' russkogo yazyka]. Moscow: Russian language. 1986. 797 p.
7. Panchenko V.Yu. Legal interaction as a kind of social communication: theoretical and legal research: dis. ... dr. jurid. science [Pravovoe vzaimodejstvie kak vid social'noj kommunikacii: teoretiko-pravovoe issledovanie: dis. ... d-ra jurid. nauk]. Moscow. 2016. 480 p.
8. The modern dictionary of foreign words [Sovremennij slovar' inostrannyh slov]. Moscow: Russian language. 1993. 740 p.
9. Subochev V.V. Theory of legitimate interests: author's abstract: dis. ... dr. jurid. science [Teoriya zakonnyh interesov: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk]. Tambov. 2009. 57 p.
10. Tikhomirova L.V. The legal encyclopedia [Yuridicheskaya ehnciklopediya]. Moscow: Publishing house of Mr. Tikhomirov. 1997. 526 p.
11. Tutov A.S. Interaction between the Ministry of Defense and state authorities: general theoretical and legal aspects [Vzaimodejstvie Ministerstva oborony s organami gosudarstvennoj vlasti: obshcheteoreticheskie i pravovye aspekty]. Collection of scientific papers on the results of the international scientific conference. No. 4. Novosibirsk. 2017.
12. Philosophical dictionary, Ed. of Rosental M.M. [Filosofskij slovar']. Moscow: Politizdat. 1975. 496 p.
13. Shalabaev S.R. Concept, principles and foundations of legal regulation of interaction of public authorities of the Republic of Kazakhstan [Ponyatie, principy i osnovy pravovoj reglamentacii vzaimodejstviya organov gosudarstvennoj vlasti Respubliki Kazahstan]. International Journal of Innovative Science. 2016. No. 3.
14. Yudin A.V. Legal basis for cooperation between the Ministry of Defense of the Russian Federation and the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the protection of the constitutional order, state and territorial integrity of the Russian Federation: ... cand. jurid. science [Pravovye osnovy vzaimodejstviya Ministerstva oborony Rossijskoj Federacii i Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii po zashchite konstitucionnogo stroya, gosudarstvennoj i teritorial'noj celostnosti Rossijskoj Federacii: dis. ... kand. jurid. nauk]. Moscow: Military University. 2006. 217 p.

К ВОПРОСУ О СООТВЕТСТВИИ АВТОНОМНЫХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ СИСТЕМ ВООРУЖЕНИЙ ПРИНЦИПАМ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА

П.М. МОРХАТ,

кандидат юридических наук, судья Арбитражного суда Московской области

E-mail: constitution88@gmail.com

Аннотация. Настоящая статья посвящена применению искусственного интеллекта с точки зрения международного гуманитарного права. В статье рассмотрены особенности применения и возможные меры по регламентации использования автономных интеллектуальных систем

вооружений в рамках международного гуманитарного права. Сделан вывод, что их применение нормами международного гуманитарного права непосредственно не урегулировано, и высказаны идеи относительно юридического решения описанной проблемы.

Ключевые слова: искусственный интеллект; теория права; военное право; международное право; международное гуманитарное право; автономные интеллектуальные системы вооружений

В настоящее время с учётом интенсивности развития новых инновационных технологий весьма актуальным является вопрос о том, соответствует ли (и насколько) использование искусственного интеллекта принципам международного гуманитарного права.

Речь в данном случае идёт главным образом о применении автономных систем вооружений, оснащённых искусственным интеллектом.

Если говорить о правовом регулировании развития и применения технологий искусственного интеллекта на международном уровне в рамках традиционных отраслей международного права, то, как отмечает Джон Уивер, анализ практически каждой отрасли международного права и каждого института, на которые может оказать воздействие использование искусственного интеллекта, таких как государственный суверенитет, междуна-

родное морское право и т. д., показывает, что ни одна из этих отраслей не решает вопросы, непосредственно связанные с искусственным интеллектом [10].

Уже сегодня имеющее место применение подобных автономных систем вооружений в рамках вооружённых конфликтов и контртеррористических операций поднимает серьёзные этические вопросы. В частности, вопрос о том, позволяют ли принципы гуманности принимать машинам решения (доверять машинам принимать такие решения) по поводу жизни и смерти в рамках вооружённых конфликтов без участия человека в процессе принятия таких решений [9].

В настоящее время вопросы применения искусственного интеллекта и автономных систем вооружений нормами международного гуманитарного права непосредственно не урегулированы.

Хотя исследователи в рассматриваемой сфере часто оперируют такими понятиями, как «искусственный интеллект», «робототехника» и «автономные системы вооружения», данные термины по своему содержанию не являются тождественными даже применительно к военной сфере, хотя и схожи во многом.

Далее обратимся к выяснению и разъяснению соотношения указанных понятий.

Автономные системы вооружений используются уже сейчас. Международный комитет Красного Креста определяет такую систему как «систему вооружений с автономией в её важнейших функциях. То есть система вооружения способна отбирать (т. е., искать или обнаруживать, идентифицировать, отслеживать, выбирать) и селективно атаковать (т. е., использовать силу, нейтрализовать, разрушать или уничтожать) цели без непосредственного человеческого вмешательства» [9].

Ключевой характеристикой таких систем, которая может объединять, по сути, совершенно разные виды оружия, является именно их автономность, т.е., независимость в определённых аспектах от действий человека.

Р. Гейсс отмечает, что в настоящее время нет универсального определения автономных систем вооружений, однако все существующие определения сходятся в том, что в качестве решающего критерия автономности системы вооружения выступает уровень способности принимать решения посредством только алгоритмов без вмешательства человека. Поэтому автономия не должна пониматься здесь в морально-философском её смысле свободной воли индивида [4].

Автономность является и важнейшей функцией систем искусственного интеллекта, которые при этом наделены и иными способностями, например, способностью к самообучению.

При этом, как отмечается в различных исследованиях, оружие с действительно полноценным искусственным интеллектом пока не создано, хотя и его создание весьма вероятно в обозримой перспективе.

Так, эксперты предсказывают вероятность разработки в течение 20-30 лет автономных вооружений, способных выбирать цели и взаимодействовать с

ними без участия человека. И хотя сейчас об этом говорится в ключе того, что человек всегда будет обеспечивать контроль над принятием решений о применении смертоносной силы, всё равно существует вероятность того, что робот сможет (будет иметь возможность) сделать такой выбор самостоятельно. Оружие такого рода не будет соответствовать нормам международного гуманитарного права и, очевидно, увеличит риски причинения смерти или вреда здоровью мирному населению в период вооружённого конфликта [7].

В п. 623 Сводной доктрины Великобритании 2011 г. «Подход Соединённого Королевства к беспилотным летательным аппаратам» отмечается, что истинный искусственный интеллект, благодаря которому машина будет обладать способностью мыслить, аналогичной или большей, чем человеческая, будет, несомненно, полным изменением игры не только в военной отрасли, но и во всех аспектах современной мысли, а изменение парадигмы технологий искусственного интеллекта было бы разрушительным при их военном применении [5].

На наш взгляд, вызовы международному гуманитарному праву, создаваемые или обуславливаемые использованием автономных систем вооружений, во многом могут быть схожи с проблемами, создаваемыми использованием таких систем, оснащённых искусственным интеллектом, с тем лишь различием, что последствия применения последних могут быть более серьёзными в силу их способности самообучаться, в том числе и в рамках взаимодействия при определённых условиях с другими системами искусственного интеллекта, которая ещё более снижает степень их подконтрольности человеку.

Далее в настоящей статье под автономными системами вооружения будут пониматься в том числе и системы, оснащённые искусственным интеллектом. Также далее будет использоваться в аналогичном значении понятие автономных интеллектуальных систем вооружений. Под роботами будем понимать все автономные системы вооружений.

В настоящее время вопросы применения искусственного интеллекта, а также

вопросы, связанные с принятием решений машинами, почти не затрагиваются международным правом [10].

Лишь сравнительно недавно началось принятие соответствующих мер, направленных в основном на определение границ и рамок правового регулирования использования систем искусственного интеллекта. Нет оснований пока говорить и о полноценном отраслевом международно-правовом регулировании, в том числе с точки зрения международного гуманитарного права.

Международное гуманитарное право нацелено на защиту человеческого достоинства и защиту жертв вооружённого конфликта посредством введения различных ограничений на применение силы, в частности запрещения использовать определённые средства и методы ведения войны.

Подобно некоторым другим новым технологиям, автономные системы вооружений бросают вызов традиционным представлениям относительно применения силы, на которых основаны соответствующие международно-правовые стандарты [2].

Использование такого рода технологий – это принципиально новая проблема с точки зрения международного гуманитарного права, поэтому не совсем ясно на настоящий момент, к какому именно из направлений данной отрасли права её относить, и соответственно не ясно, какими методами и инструментами корректнее её решать.

Отметим, что если повреждения, наносимые такими системами, не направлены непосредственно на причинение излишних повреждений или излишних страданий, то они не подпадают под действие соответствующего запрета, предусмотренного ст. 35 Дополнительного протокола к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающегося защиты жертв международных вооружённых конфликтов (Протокол I) от 8 июня 1977 г.

Не подпадает, на наш взгляд, использование такого оружия и под действие положений ст. 37 указанного Протокола, запрещающих вероломство.

Ключевым свойством автономных систем вооружений, которое обуславливает вообще отдельное их рассмотрение

с точки зрения международного гуманитарного права, является их существующая и потенциальная неподконтрольность человеку, которая может приводить к разрушительным последствиям, и с этой точки зрения можно рассматривать такое неподконтрольное человеку оружие как способное нанести вред гражданскому населению, а также чрезмерный вред комбатантам.

Часть 4 ст. 51 Протокола I запрещает нападения неизбирательного характера для целей обеспечения защиты гражданского населения.

Согласно п. «в» ст. 23 Положения о законах и обычаях сухопутной войны (приложение к Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны от 18 октября 1907 г.) запрещается убивать или ранить неприятеля, который, положив оружие или не имея более средств защищаться, безусловно сдался.

В качестве одного из ключевых положений международного гуманитарного права здесь также отметим пункт преамбулы к Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны от 18 октября 1907 г., согласно которому впредь до того времени, когда представится возможность издать более полный свод законов войны, Высокие Договаривающиеся Стороны считают уместным засвидетельствовать, что в случаях, не предусмотренных принятыми ими постановлениями, население и воюющие остаются под охраною и действием начал международного права, поскольку они вытекают из установившихся между образованными народами обычаев, из законов человечности и требований общественного сознания.

Автономная система вооружения, оснащённая искусственным интеллектом, не в состоянии учитывать законы человечности.

Необходимо также учитывать следующее. Для того чтобы автономная система вооружения считалась используемой для ведения военных действий, человеческие агенты воюющей стороны должны осуществлять непосредственный контроль над этой системой, чтобы использовать её в качестве средства ведения войны [2], т. е. не на всякое совершение действий автономной системой вооружения даже в рамках вооружённого кон-

фликта будет распространяться действие положений и требований международного гуманитарного права.

Основу для правового анализа особенностей и способов применения новейших вооружений составляет ст. 36 Протокола I, которая посвящена новым видам оружия.

Статья 41 Протокола I предусматривает запрет подвергать нападению лицо, которое признано или которое в данных обстоятельствах следует признать лицом, вышедшим из строя.

При этом, согласно данной статье, вышедшим из строя считается любое лицо, если оно:

- находится во власти противной стороны;
- ясно выражает намерение сдаться в плен; или
- находится без сознания или каким-либо другим образом выведено из строя вследствие ранения или болезни и поэтому не способно защищаться, при условии, что в любом таком случае это лицо воздерживается от каких-либо враждебных действий и не пытается совершить побег.

При этом сомнительно, чтобы автономная интеллектуальная система вооружения была самостоятельно способна надёжно распознать различия между воюющим комбатантом и комбатантом, вышедшим из строя, поскольку для этого система вооружения должна уметь отмечать жесты, выражения лиц и эмоции и правильно их оценивать [4].

Относительно ответственности за причинение ущерба автономными интеллектуальными системами вооружений международное гуманитарное право, в частности его положения, касающиеся ответственности государств (в том числе ст. 91 Протокола I), не содержит никаких прямых указаний относительно того, как следует трактовать использование автономных интеллектуальных систем вооружений, но в то же время и не устанавливает напрямую, что государство не несёт ответственности за действия таких систем [10].

Автономное оружие должно быть ограничено в дальности и боевой мощи, а также должно быть способно различать законные и незаконные цели. В лю-

бом случае автономное оружие никогда не должно использоваться в отношении гражданского населения, применять его может быть возможно исключительно в ситуациях, когда высока вероятность того, что все цели законны. Более того, такое оружие должно быть оснащено механизмами нейтрализации, позволяющими выключить его в любой момент, даже если такая функция ограничит его боевую эффективность [6].

Гражданское население никогда не может быть легитимной целью нападения в рамках международного конфликта, и соответственно возникает серьёзный вопрос относительно способности автономной интеллектуальной системы разграничивать комбатантов и гражданское население, поскольку такое разграничение требует применения очень сложных процессов оценки. И это связано с тем, что это вопрос не просто идентификации вражеского оружия или униформы, но и интерпретации поведения человека [4].

Важно отдавать себе отчёт в том, что автономная система вооружения также не обладает эмоциями сострадания или милосердия. Кроме того, машина не может руководствоваться принципами соразмерности и военной необходимости, надлежащее применение которых существенно зависит от контекста определённой ситуации, а также является субъективным [3].

При этом Джон Уивер отмечает, что стандарт применения автономных интеллектуальных систем вооружений, согласно которому они должны никогда не ошибаться при различении комбатантов и гражданского населения, кажется не совсем корректным, так как даже люди не всегда могут его придерживаться [10].

Одной из проблем, связанных с использованием полностью автономных систем вооружений, также является некоторая вероятность возникновения угрозы для существования человека в силу того, что эти системы могут выйти из-под его контроля [3].

Кроме того, непредсказуемость сложных алгоритмов, реагирующих друг на друга, может приводить к мало контролируемой (и непредсказуемой) эскалации военного конфликта [4].

В целом при рассмотрении данного вопроса специалисты сходятся в том, что для решения указанных проблем необходимо обеспечение надлежащего человеческого контроля над действиями автономной системы вооружения.

В силу высокой актуальности рассматриваемой темы разработка принципов использования искусственного интеллекта в военных целях привлекает значительный интерес как исследователей, так и международных организаций.

Международный комитет Креста отмечает, что существует как минимум три подхода, которые государства могут реализовывать для решения правовых и этических проблем, связанных с использованием автономного оружия:

- усиление национальных механизмов реализации положений международного гуманитарного права;
- разработка определения того, что представляют собой смертоносные автономные системы вооружений для установления конкретных ограничений на автономность систем вооружений;
- разработка конкретных параметров человеческого контроля за использованием такого оружия с учётом требований международного гуманитарного права и этических соображений для установления конкретных ограничений на автономность систем вооружений [9].

Алан Шуллер предлагает следующие принципы использования искусственного интеллекта во время военных действий, соблюдение которых позволит избежать ненадлежащей автономности искусственного интеллекта и соответственно нарушения требований и принципов международного гуманитарного права:

- решение убить принципиально никогда не может быть (и не должно быть) в полной мере делегировано компьютеру (поскольку цель может быть атакована только в том случае, если она является законной военной целью, а корректно классифицировать цели в состоянии только человек);
- автономная система вооружения может законно контролироваться только посредством программирования (для того, чтобы обеспечить разумную предсказуемость искусственного интеллекта);

- необходимо учитывать, что международное гуманитарное право не требует непосредственного взаимодействия человека с автономной системой вооружения в процессе смертоносного кинетического действия, т. е. «нажатия на кнопку» (такое требование было бы эффективным в некоторых ситуациях, однако оно не закрепляется; утверждение, что всегда желательно присутствие человека на этапе действия при реализации смертоносных решений, терпит неудачу, во-первых, по той причине, что системы, требующие участия человека на финальных этапах реализации смертоносных решений, скорее всего, не смогут в будущем конкурировать с более автоматизированными сложными системами противников, во-вторых, потому что обслуживаемые или пилотируемые человеком системы требуют слишком много человеческих и финансовых ресурсов, в том числе на обеспечение необходимого обучения и подготовки человеческих ресурсов, и в-третьих, из участия человека в таких действиях не следует автоматическое соблюдение норм международного гуманитарного права, т. е. сам факт того, что именно человек нажимает на кнопку, чтобы одобрить смертоносное кинетическое действие либо отказаться от него, не обязательно непосредственно коррелирует с совершением соблюдения положений международного гуманитарного права);
- разумная предсказуемость автономной интеллектуальной системы вооружения требуется только в целях соблюдения международного гуманитарного права, но будет зависеть от конкретного фрагмента цикла принятия решений человеком, состоящего из элементов «наблюдение, ориентирование, принятие решения, совершение действия», делегированного автономной системе вооружения (т. е. предел возможной непредсказуемости автономной системы заканчивается там, где начинается вероятность совершения незаконного действия) [8].

Отметим, что полный запрет использования подобных систем вооружений на международном уровне весьма маловероятен.

Хотя как вариант могут быть внесены изменения в Конвенцию о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие, посредством включения в неё раздела про роботизированное оружие [6].

Дж. Кастел и М. Кастел отмечают, что, возможно, вместо установления на международном уровне запретов или ограничений для государств относительно исследования или разработки суперинтеллекта посредством принятия соответствующих международных конвенций, контроль за исполнением которых может быть ещё и затруднен, эффективнее было бы создать основу для сотрудничества государств в этой области. Такое сотрудничество снизило бы вероятность возникновения межгосударственных конфликтов на фоне одновременных попыток отдельных стран разработать конкурирующие автономные суперинтеллектуальные машины. По мнению данных исследователей, с точки зрения международного права искусственный суперинтеллект следует рассматривать как достояние всего человечества [3]. И в таком случае на него должен распространяться соответствующий правовой режим по аналогии, например, с исследованием космического пространства или Антарктики.

Армин Кришнан предлагает следующие принципы регулирования использования автономных интеллектуальных систем вооружений: 1) запрет создания систем автономных вооружений, способных вносить изменения в свой собственный программный код, что исключает использование эволюционирующего или самообучающегося искусственного интеллекта для управления оружием; 2) запрет на использование сверхразумных компьютеров в военных целях, поскольку могут возникнуть сложности с принудительным ограничением их действия; 3) обеспечение слабой связи с внешним миром сверхразумных военных компьютерных систем, а также предлагает установление запрета на разработку самовоспроизводящегося оружия (которое на настоящий момент серьёзной

угрозы не представляет (помимо биологического оружия), но может стать реальностью в ближайшие десятилетия) [6].

В нашей авторской научной концепции дефиниция понятия «искусственный интеллект» следующая:

Искусственный интеллект – это полностью или частично автономная самоорганизующая компьютерно-программная виртуальная (virtual) или киберфизическая (cyber-physical), в том числе биокибернетическая (bio-cybernetic), система (юнит), наделённая/обладающая способностями и возможностями:

- антропоморфно разумных мыслительных и когнитивных действий, таких, как распознавание образов, символьных систем и языков, рефлексия, рассуждение, моделирование, образное (смыслопорождающее и смысловоспринимающее) мышление, анализ и оценка;
- самореферентности, саморегулирования, самоадаптирования под изменяющиеся условия, самоограничения, и при этом поддержания себя в гомеостазе;
- генетического поиска (genetic algorithm – эвристический алгоритм поиска, с сохранением важных аспектов «родительской информации» для «последующих поколений» информации), накопления информации и опыта;
- обучения и самообучения (в том числе на своих ошибках), опыта;
- самостоятельной разработки текстов под собственное тестирование, проведения самотестирований и тестирований компьютерной и, при возможности, физической реальности, самостоятельной разработки и применения алгоритмов собственной омологации;
- антропоморфно разумного самостоятельного (в том числе творческого) принятия решений и решения задач и проблем.

Оружие, оснащённое искусственным интеллектом, уже сегодня существует и даже ограниченно применяется, представляя собой, по мнению многих экспертов, одну из самых серьёзных этических и технологических проблем XXI в.

И для того чтобы обеспечить соблюдение требований и принципов международного гуманитарного права, необходимые меры должны приниматься в первую очередь на уровне законодательства кон-

кретных государств, причём они должны быть направлены на регулирование разработки и применения искусственного интеллекта не только в военных целях, но и в целом, поскольку излишняя авто-

номность и неподконтрольность таких систем человеку может привести к негативным последствиям в большинстве сфер общественной жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Balkin J.B. The Path of Robotics Law // California Law Review. – 2015, June. – Vol. 6. – pp. 45-60.
2. Brehm M. Defending the Boundary: Constraints and Requirements on the Use of Autonomous Weapon Systems Under International Humanitarian and Human Rights Law // Academy briefing. – 2017, May. – № 9. – 71 p.
3. Castel J.-G., Castel M.E. The road to artificial superintelligence: has international law a role to play? // Canadian Journal of Law and Technology. – 2016. – Vol. 14. – № 1. – pp. 1-15.
4. Geiss R. The International-Law Dimension of Autonomous Weapons Systems // International Dialogue department of the Friedrich-Ebert-Stiftung. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://library.fes.de/pdf-files/id/ipa/11673.pdf> (дата обращения 18.02.2018).
5. Joint Doctrine Note 2/11 “The UK approach to unmanned aircraft systems” // Ministry of Defence of UK. – Swindon: The Development, Concepts and Doctrine Centre, 2011.
6. Krishnan A. Automating war: The need for regulation // Contemporary Security Policy. – 2009. – Vol. 30. – № 1. – pp. 172-193.
7. Losing humanity: The Case against Killer Robots / Human Rights Watch. – New York: Human Rights Watch, 2012. – 49 p.
8. Schuller A.L. At the Crossroads of Control: The Intersection of Artificial Intelligence in Autonomous Weapon Systems with International Humanitarian Law // Harvard National Security Journal. – 2017. – Vol. 8. – pp. 379-425.
9. Views of the International Committee of the Red Cross (ICRC) on autonomous weapon system // Convention on Certain Conventional Weapons (CCW), Meeting of Experts on Lethal Autonomous Weapons Systems (LAWS) 11-15 April 2016, Geneva. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.icrc.org/en/download/file/21606/ccw-autonomous-weapons-icrc-april-2016.pdf> (дата обращения 18.02.2018).
10. Weaver J.F. Abhor a Vacuum: The Status of Artificial Intelligence and AI Drones Under International Law // New Hampshire Bar Journal. – 2013, Spring/Summer. – pp. 14-21.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Морхат Петр Мечиславович,

кандидат юридических наук, судья Арбитражного суда Московской области
107053, Россия, г. Москва, проспект Академика Сахарова, д. 18
E-mail: constitution88@gmail.com

MILITARY ASPECTS OF INTERNATIONAL LAW ON THE ISSUE OF THE COMPLIANCE OF AUTONOMOUS INTELLECTUAL WEAPONS SYSTEMS TO THE PRINCIPLES OF INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW

Petr M. MORKHAT

Abstract. This article is devoted to some aspects of the military application of artificial intelligence in terms of international

humanitarian law. Scientific methods of analysis and synthesis were used.

The author presents definition of the concept of “artificial intelligence”. The article describes the concept of weapons (weapons systems)

equipped with artificial intelligence. The goals and priorities of international humanitarian law in the context of the military application of artificial intelligence are shown.

The specifics of use of artificial intelligence in terms of international law, the requirements for intellectual weapons and some problems of its use, and possible measures to regulate use of autonomous intellectual weapons

systems within the framework of international humanitarian law are considered in this article.

The article concludes that today the issues of use of artificial intelligence and autonomous weapons systems under the rules of international humanitarian law are not directly regulated and provide legal solution of the described problem.

Keywords: artificial intelligence; theory of law; military law; international law; international humanitarian law; autonomous intellectual weapons systems

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Morkhat Petr Mechislavovitch,

Cand. Sc. (Law), Judge of the Arbitration Court of the Moscow Region

18 Akademika Saharova Ave., Moscow, 107053, Russian Federation

E-mail: constitution88@gmail.com

REFERENCES

1. Balkin J.B. The Path of Robotics Law. *California Law Review*. 2015, June. Vol. 6. pp. 45-60.
2. Brehm M. Defending the Boundary: Constraints and Requirements on the Use of Autonomous Weapon Systems Under International Humanitarian and Human Rights Law. *Academy briefing*. 2017, May. No. 9. 71 p.
3. Castel J.-G., Castel M.E. The road to artificial superintelligence: has international law a role to play? *Canadian Journal of Law and Technology*. 2016. Vol. 14. No. 1. pp. 1-15.
4. Geiss R. The International-Law Dimension of Autonomous Weapons Systems // *International Dialogue department of the Friedrich-Ebert-Stiftung*. Available at: <http://library.fes.de/pdf-files/id/ipa/11673.pdf> (accessed Feb. 18 2018).
5. Joint Doctrine Note 2/11 "The UK approach to unmanned aircraft systems" // *Ministry of Defence of UK*. Swindon: The Development, Concepts and Doctrine Centre. 2011.
6. Krishnan A. Automating war: The need for regulation. *Contemporary Security Policy*. 2009. Vol. 30. No. 1. pp. 172-193.
7. Losing humanity: The Case against Killer Robots. *Human Rights Watch*. New York: Human Rights Watch. 2012. 49 p.
8. Schuller A.L. At the Crossroads of Control: The Intersection of Artificial Intelligence in Autonomous Weapon Systems with International Humanitarian Law. *Harvard National Security Journal*. 2017. Vol. 8. pp. 379-425.
9. Views of the International Committee of the Red Cross (ICRC) on autonomous weapon system // *Convention on Certain Conventional Weapons (CCW), Meeting of Experts on Lethal Autonomous Weapons Systems (LAWS)* 11-15 April 2016, Geneva. Available at: <https://www.icrc.org/en/download/file/21606/ccw-autonomous-weapons-icrc-april-2016.pdf> (accessed Feb. 18 2018).
10. Weaver J.F. Abhor a Vacuum: The Status of Artificial Intelligence and AI Drones Under International Law. *New Hampshire Bar Journal*. 2013, Spring/Summer. pp. 14-21.

ПОНЯТИЕ «ВОЕННОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ» В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

М.А. КУДИНОВ,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права Военного университета Министерства обороны Российской Федерации

E-mail: kaf-gp@mail.ru

Аннотация. В международно-правовой доктрине международные преступления признаются в качестве наиболее тяжких и опасных нарушений принципов и норм международного права, затрагивающих глобальные интересы человечества и представляющих угрозу миру и безопас-

ности. В статье рассматривается история формирования понятия «военное преступление» в международном праве. Анализируются положения Римского статута, выделяются общие характеристики составов военных преступлений в соответствии с Римским статутом.

Ключевые слова: военное преступление; международное уголовное право; международное гуманитарное право; Нюрнбергский трибунал; Женевские конвенции; Дополнительные протоколы к Женевским конвенциям; Римский статут

В настоящее время в международном праве утвердился принцип уголовной ответственности физических лиц за международные преступления [19], впервые реализованный после Второй мировой войны во время Нюрнбергского процесса.

В международно-правовой доктрине международные преступления понимаются как наиболее тяжкие и опасные нарушения принципов и норм международного права, затрагивающие глобальные интересы человечества и представляющие угрозу миру и безопасности.

Впервые перечень международных преступлений был приведён в Уставе Международного военного трибунала (МВТ) 1945 г. [9] и аналогичном Уставе Международного военного трибунала для Дальнего Востока 1946 г. [10].

По непосредственному объекту международные преступления подразделяются на преступления против правил и обычаев ведения войны, преступления против безопасности человечества и преступления против международного мира [15] (существует и более подробная классификация, выделяющая семь ви-

дов международных преступлений [16]). В случае военных преступлений речь идёт об общемировом феномене уголовной ответственности за применение преступных методов и средств ведения военных действий, нарушающих базовые принципы гуманности, защиты гражданских объектов и мирного населения, ограничения воюющих в выборе методов и средств ведения войны [15].

Рассмотрение понятия «военное преступление» в контексте норм международного права приобретает особую актуальность ввиду того, что данное понятие используется различными международными институтами, однако отсутствует единая трактовка его значения.

Формирование понятия об ответственности физических лиц по международному праву за преступления против мира и человечества связано с Уставом Нюрнбергского трибунала [9], а также с Женевскими конвенциями 1949 г. [3; 4; 5; 6] и Дополнительными протоколами 1977 г. к ним [1; 2].

В Уставе Нюрнбергского трибунала впервые были введены понятия «военные

преступления», «преступления против человечности», «преступления против мира» и закреплён принцип неотвратимости наказания за совершение указанных преступлений [9].

В дальнейшем понятия «военные преступления» и «преступления против человечности», а также принцип индивидуальной ответственности за их совершение были закреплены в четырёх Женевских конвенциях 1949 г. [3; 4; 5; 6].

Женевские конвенции 1949 г. впервые регламентировали статус гражданского населения на оккупированной территории, конкретизировали функции державы-покровительницы, закрепили обязательства государств по имплементации положений конвенций в национальном законодательстве и привлечению к ответственности лиц, серьезно нарушивших конвенционные нормы. Так, ст. 3, общая для всех Женевских конвенций 1949 г., запрещает посягательство на жизнь и физическую неприкосновенность, жестокое обращение и пытки, взятие в заложники, издевательство над человеческим достоинством и унижительное обращение [3; 4; 5; 6], т. е. преступления, которые являются военными преступлениями в случае, если их основная характеристика – совершение в связи с вооружённым конфликтом.

Кроме того, п. 2 ст. 13 Дополнительного протокола II (1977) и п. 2 ст. 51 Дополнительного протокола I (1977) к Женевским конвенциям 1949 г., касающиеся защиты жертв международных и немеждународных вооружённых конфликтов, запрещают «акты насилия или угрозы насилием, имеющие своей целью терроризировать гражданское население» [1; 2], поскольку совершение данных действий будет представлять собой нарушение положений ст. 3, а следовательно, и общепризнанных законов и обычаев ведения войны и может квалифицироваться как военное преступление.

Тем не менее, перечисляя отдельные виды военных преступлений, ни Устав Нюрнбергского трибунала, ни Женевские конвенции 1949 г., ни Дополнительные протоколы 1977 г. к ним не использовали непосредственно термин «военное преступление». Соответствующий термин стал использоваться гораздо позже, по-

сле принятия в 1988 г. Римского статута Международного уголовного суда, о чём пойдет речь ниже.

Первым международным уголовным судом по военным преступлениям, созданным после Международного военного трибунала и Международного военного трибунала для Дальнего Востока, стал Международный трибунал по бывшей Югославии (МТБЮ), учреждённый 25 мая 1993 г. для разрешения в судебном порядке дел о серьёзных нарушениях международного гуманитарного права в ходе вооружённого конфликта в Хорватии, Боснии и Герцеговине [11]. Декларировались следующие цели работы МТБЮ: привлечение к судебной ответственности «лиц, предположительно виновных в нарушении международного гуманитарного права»; предотвращение возможных преступлений; установление справедливости по отношению к тысячам жертв и их семей на территории бывшей Югославии; содействие восстановлению мира на территории бывшей Югославии через установление истины [11].

В 1994 г. резолюцией Совета Безопасности ООН был учреждён Международный трибунал по Руанде, который был уполномочен вести судебное преследование лиц, ответственных за серьёзные нарушения международного гуманитарного права на территории Руанды, и граждан Руанды, ответственных за подобные нарушения на территориях соседних государств, совершённые с 1 января 1994 г. по 31 декабря 1994 г. [12].

Положения Устава Международного трибунала по Руанде содержат понятия военных преступлений и преступлений против человечности, основываясь на Уставе Нюрнбергского трибунала и Женевских конвенциях 1949 г., однако по-прежнему не используют термин «военное преступление» [22].

Непосредственно термин «военное преступление» был закреплён в международно-правовых актах Римским статутом Международного уголовного суда (МУС) [8], принятым 17 июля 1988 г. и вступившим в силу 1 июля 2002 г. Статут понимает под военными преступлениями «серьёзные нарушения» четырёх Женевских конвенций. Кроме того, деятельность воюющих сторон регламенти-

руется рядом конвенций о запрещении или ограничении применения отдельных видов вооружения [13].

В научной литературе также существуют разногласия по поводу того, что следует понимать под «военным преступлением». Так, по мнению И.И. Лукашук, «военные преступления – это совершаемые систематически или в широких масштабах существенные нарушения положений международного гуманитарного права, действующих в период вооружённых конфликтов» [23]. Л.Г. Гусейнов определяет военные преступления следующим образом: «Термин «военное преступление», являясь общим понятием, означает нарушения гуманитарно-правовых норм и военных обычаев и законов во время вооружённого конфликта» [20]. Согласно Р.А. Адельханяну, под военным преступлением следует понимать деяние, которое состоит в нарушении правил ведения вооружённых конфликтов международного и немеждународного характера, установленных основополагающими принципами международного права, и преступность которого определена в акте международного уголовного права [14].

Основываясь на содержании основных международно-правовых актов – Устава Нюрнбергского трибунала, Женевских конвенций 1949 г., Дополнительных протоколов 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г., уставов международных трибуналов по Бывшей Югославии и Руанде, Римского статута Международного уголовного суда, – может быть предложена следующая трактовка понятия «военное преступление»: это осознанные деяния, совершаемые систематически и масштабно в контексте международных и немеждународных вооружённых конфликтов и в связи с ними.

Следует отметить, что отличие военного преступления от любого другого преступного деяния состоит, прежде всего, в том, что противоправное действие совершается в контексте вооружённого конфликта и тесно связано с ним, а исполнитель преступления отдаёт себе отчёт в том, что вооружённый конфликт действительно имеет место.

В ст. 8 Римского статута закреплено свыше 50 различных составов военных преступлений [26], которые обладают

некоторыми общими характеристиками. Это деяния, запрещённые международным правом договоров (а в некоторых случаях и обычным правом) и совершаемые во время вооружённых конфликтов. Из них одни запрещены лишь во время международных конфликтов, другие – во время внутренних конфликтов, третьи – во время любых вооружённых конфликтов. Запрещённые деяния совершаются преступником, представляющим одну из сторон конфликта, а их жертвой становится нейтральное лицо или лицо, принадлежащее к другой стороне конфликта. Кроме того, чтобы расцениваться как военные преступления, эти деяния должны совершаться систематически, масштабно, в рамках политики или предварительного плана [27]. В связи с этим лицо, совершающее преступление, должно осознавать, что совершает именно военное преступление, т. е. как минимум иметь умысел по отношению к его внешним признакам. Однако не предполагается, что такое лицо будет оценивать военные действия с точки зрения норм международного гуманитарного права либо классифицировать вооружённый конфликт, в котором оно участвует, как международный или немеждународный [18].

Кроме того, Римским статутом чётко определён защищаемый международным правом круг лиц. Так, в Римском статуте установлено восемь составов военных преступлений против частных лиц: убийство, жестокое обращение, сексуальное насилие, наказание без действительного судебного разбирательства, незаконное содержание в плену во время международного вооружённого конфликта, затянувшаяся отправка домой во время международного вооружённого конфликта, изгнание или депортация гражданских лиц, использование в качестве солдат детей младше 15 лет [8].

В группе военных преступлений, направленных против собственности и других прав, выделяются три вида преступлений: непосредственно преступления против собственности, так называемые разрушительные преступные посягательства, а также посягательства на другие права [8].

Военные преступления, состоящие в применении запрещённых средств и методов ведения войны, включают такие

преступления, как: нападения на гражданское население и гражданские объекты; нападения на особо защищённые объекты, в том числе больницы и места сбора больных и раненых; нападения на лиц и на объекты под эмблемой Женевских конвенций; нападения с чрезмерными побочными эффектами; нападения на незащищённые невоенные объекты; вероломное ранение или убийство; ненадлежащее использование опознавательных знаков; беспощадное ведение боя; взятие гражданского населения на измор; использование «живого щита» [8].

Наказуемым по международному обычному праву признаётся применение химического, биологического, ядерного оружия [19]. Исследователи также выделяют еще одну группу военных преступлений – преступления в рамках гуманитарных операций, представляющие собой запрещённые нападения на лиц, участвующих в гуманитарных операциях и операциях по поддержанию мира, или на объекты, используемые в таких операциях [17; 18].

Анализ основных международно-правовых норм о военных преступлениях свидетельствует о том, что для деяний, квалифицируемых в качестве военных преступлений в рамках норм международного права, характерны следующие черты.

Во-первых, объектом военного преступления выступает установленный в международном гуманитарном праве порядок ведения международных и немеждународных вооружённых конфликтов, являющийся составной частью интересов мира и безопасности человечества и мирового правопорядка в целом.

Во-вторых, перечень военных преступлений как преступлений против мира и безопасности человечества установлен в актах международного права.

В-третьих, общеуголовные деяния, совершаемые в рамках вооружённого конфликта и прямо указанные в актах международного права, приоритетно расцениваются как военные преступления в тех случаях, когда ответственность за их совершение вне вооружённого конфликта также установлена в международном праве (примером могут служить пытки и захват заложников).

В-четвёртых, в отношении военных преступлений возможна как националь-

ная юрисдикция государств, так и международная юрисдикция, причём приоритетом обладает национальная [26].

Так, первым постоянно действующим международным органом уголовного правосудия, компетентным преследовать лиц, ответственных за акты агрессии и геноцида, преступления против человечества и военные преступления, имевшие место после вступления в силу Римского статута, стал учреждённый на основе Римского статута Международный уголовный суд, который заседает в Гааге с 2002 г.

Согласно Римскому статуту (ч. 2 ст. 4) МУС может осуществлять свои полномочия и функции на территории любого государства-участника, а также на территории любого другого государства – по специальному соглашению [8]. В его компетенции находятся преступления, имевшие место на территории государства – участника Статута либо совершённые гражданином государства-участника. Однако посредством своей резолюции Совет Безопасности ООН может передать в Суд любое дело, связанное с преступлениями, которые не подпадают под личный или территориальный принцип, а государство, не принадлежащее к числу участников Статута, может представить секретарю Суда заявление о признании юрисдикции Международного уголовного суда в отношении конкретного преступления. Кроме того, прокурор Суда может возбудить преследование по собственной инициативе (*proprio motu*).

Согласно ст. 21 Римского статута о применимом праве Международный уголовный суд применяет Римский статут и свои Правила процедуры и доказывания, а в соответствующих случаях опирается также на применимые международные договоры и нормы международного права, включая общепризнанные принципы права вооружённых конфликтов [17].

Согласно ч. 1 ст. 25 Римского статута по международному уголовному праву подлежать ответственности могут только физические лица, субъектом преступления может быть любой человек, который является исполнителем или соучастником преступления либо покушается на преступление [8]. Статья 26 Римского статута устанавливает исключение из юрисдикции МУС для лиц, не достигших 18 лет

на момент предполагаемого совершения преступления [8]. Невозможно привлечение лица к ответственности за деяние, которое не являлось преступлением на момент его совершения, запрещено повторное осуждение лица за одно и то же преступление.

В ч. 1 ст. 27 Римского статута проводится принцип равенства в международном уголовном праве всех лиц независимо от их официального статуса [8]. Однако частью этого принципа является ответственность командира в том случае, если он знал, что возможно совершение преступлений его подчинёнными, но не принял необходимых мер для предотвращения преступлений (ч. 2 ст. 28 Римского статута) [8]. Наличие обязательного приказа начальства или правительства, незаконность которого не была ясна исполнителю, расценивается как смягчающее обстоятельство (ст. 33) [8]. Согласно Конвенции о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества (1968) [7] и Римскому статуту (ст. 29) [8] к военным преступлениям, как и к преступлениям против человечества, неприменим срок давности.

По состоянию на ноябрь 2017 г. Римский статут подписали 139 государств, 123 государства ратифицировали его, став тем самым его участниками (преступления, совершённые их гражданами либо на их территории, подсудны Международному уголовному суду). Тем не менее, 41 государство ООН не присоединилось к Римскому статуту. США подписали его в 2000 г., но в 2002 г. отозвали свою подпись и начали заключать двусторонние «соглашения об иммунитете», исключающие возможность привлечения американских граждан к ответственности Международным уголовным судом и, в частности, предусматривающие их выдачу не Суду, а властям США [25].

Ряд стран, включая США, Китай, Индию, Израиль и Иран, принципиально возражают против самой идеи Международного уголовного суда, указывая, что она ограничивает суверенитет государств и дает Суду неопределённо широкие компетенции.

При этом ответственность за расследование и выдвижение обвинений по международным преступлениям остается за государствами – участниками Римского статута. Иными словами, компетенция государства имеет приоритет над компетенцией Суда. Однако существует ряд механизмов, с использованием которых МУС, обладающий договорной юрисдикцией, может получить общеобязательную юрисдикцию [21] и завести дело в отношении государства, не присоединившегося к Римскому статуту.

Россия подписала Римский статут в 2001 г., однако его ратификация Россией так и не состоялась. В ноябре 2016 г. Россия объявила об отказе от участия в Статуте и отозвала свою подпись, мотивировав это решение национальными интересами и связав его с тем, что в Римском статуте по-прежнему не дано определение понятия «агрессия» и не прописан приоритет ООН над юрисдикцией Международного уголовного суда, из-за чего МУС теоретически может привлечь к ответственности любое лицо. Российское дипломатическое ведомство также подчеркнуло, что МУС за 14 лет работы вынес всего 4 приговора и не оправдал надежд на его превращение в независимый орган международного правосудия [24].

В контексте вышеизложенного можно прийти к выводу о том, что положение Международного уголовного суда становится все более неустойчивым, в связи с чем на первый план выходит возможность создания специальных международных трибуналов по расследованию военных преступлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооружённых конфликтов [Дополнительный протокол I]. – 1977 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.icrc.org/rus/assets/files/2013/ap_i_rus.pdf (дата обращения 10.02.2018).
2. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям 1949 г., касающийся защиты жертв не-

- международных вооружённых конфликтов [Дополнительный протокол II]. – 1977 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.icrc.org/rus/resources/documents/misc/6lkb3l.htm> (дата обращения 10.02.2018).
3. Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях [Первая Женевская конвенция]. – 1949 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.icrc.org/rus/resources/documents/misc/geneva-convention-1.htm> (дата обращения 10.02.2018).
4. Женевская конвенция об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооружённых сил на море [Вторая Женевская конвенция]. – 1949 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.icrc.org/rus/resources/documents/misc/geneva-convention-2.htm> (дата обращения 10.02.2018).
5. Женевская конвенция об обращении с военнопленными [Третья Женевская конвенция]. – 1949 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.icrc.org/rus/resources/documents/misc/geneva-convention-3.htm> (дата обращения 10.02.2018).
6. Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны [Четвёртая Женевская конвенция]. – 1949 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.icrc.org/rus/resources/documents/misc/geneva-convention-4.htm> (дата обращения 10.02.2018).
7. Конвенции о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/warcrimes_limit.shtml (дата обращения 17.02.2018).
8. Римский статут [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [www.un.org/ru/law/icc/rome_statute\(r\).pdf](http://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute(r).pdf) (дата обращения 10.02.2018).
9. Устав Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси (Принят в г. Лондоне 08.08.1945) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=16577#0> (дата обращения 17.02.2018).
10. Устав Международного военного трибунала для Дальнего Востока (Принят в г. Токио 19.01.1946) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=15226#0> (дата обращения 10.02.2018).
11. Устав Международного трибунала по бывшей Югославии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/law/icty/charter.shtml> (дата обращения 10.02.2018).
12. Устав Международного трибунала по Руанде [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/law/ict/charter.shtml> (дата обращения 17.02.2018).
13. Адельханян Р.А. Преступность деяния по международному уголовному праву. – М., 2002. – С. 27-30.
14. Адельханян Р.А. Военные преступления как преступления против мира и безопасности человечества: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2003.
15. Адельханян Р.А. Уголовное право России. Практический курс. – М., 2010. – С. 743-744.
16. Бастрыкин А.И., Наумов А.В. Уголовное право России. Практический курс. – М., 2007. – С. 297-300.
17. Белый И.Ю. Производство по делам о военных преступлениях в органах международного уголовного правосудия (проблемы становления и перспективы развития). – М., 2011. – С. 52-53, 266-283.
18. Белый И.Ю. Система военных преступлений по Римскому статуту Международного уголовного суда // Международный уголовный суд: проблемы, дискуссии, поиск решений / Г. И. Богуш, Е. Н. Трикоз. – М., 2008. – С. 203-205.

19. Григорович Ю.В. Уголовная ответственность физических лиц за международные преступления: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2008.
20. Гусейнов Л.Г. Международное право. – Баку, 2002. – С. 230-231.
21. Дремина-Волок Н.Е. Международный уголовный суд: специфика и противоречия юрисдикционного режима // Актуальные проблемы экономики и права. – 2007. – № 4. – С. 99-103.
22. Курносова Т.И. Имплементация международно-правовых норм о военных преступлениях и преступлениях против человечности в российское уголовное законодательство: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2016.
23. Лукашук И.И. Международное право. – М.: Wolters Kluwer, 2005. – С. 432-33.
24. Отказ от лишних обязательств: Россия вышла из юрисдикции МУС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/politics/20161116/1481514868.html> (дата обращения 10.02.2018).
25. Скуратова А.Ю. Россия и Римский статут Международного уголовного суда // Моск. журн. междунар. права. – 2016. – № 4. – С. 125-137.
26. Трикоз Е.Н. Преступления против мира и безопасности человечества: сравнительный и международно-правовой аспекты. – М., 2007. – С. 209, 213, 226-235.
27. Фаталиев З.Ф. Понятие и основные характерные черты военных преступлений // Вестн. ТИСБИ. – 2009. – № 1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1339624> (дата обращения 20.02.2018).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Кудинов Михаил Анатольевич,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права Военного университета Министерства обороны Российской Федерации

111033, г. Москва, ул. Волочаевская, д. 3/4

E-mail: kaf-gp@mail.ru

MILITARY ASPECTS OF INTERNATIONAL LAW THE CONCEPT OF “WAR CRIME” IN INTERNATIONAL LAW

Abstract. The article deals with the history of the “war crime” concept formation in international law. The provisions of the Rome Statute are analyzed, the general characteristics of the composition of war crimes are highlighted in accordance with the Rome Statute. According to the author, the concept of “war crime” acquires particular relevance in the context of international law since it is used by various international institutions, but there is no common understanding of its significance. In scientific literature there are also disagreements about the “war crime” concept meaning. The author believes that

the difference between a war crime and any other criminal act is primarily that unlawful acts are committed in the context of an armed conflict and are closely related to it, and the perpetrator of the crime realizes that an armed conflict does take place. The conclusion is done that a “war crime” should be understood as deliberate acts committed systematically and massively in the context and in connection with international and non-international armed conflicts within the framework of a plan or policy of violating the rules and customs of warfare.

Key words: war crime; international criminal law; international humanitarian law; Nuremberg Tribunal; the Geneva Conventions; Additional Protocols to the Geneva Conventions; the Rome Statute

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kudinov Mikhail Anatol'evich,

Cand. Sc. (Law), Associate Professor, Associate Professor of Department of Civil Law of the Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation
3/4 Volochaevskaya Str., Moscow, 111033, Russian Federation
E-mail: kaf-gp@mail.ru

REFERENCES

1. Additional Protocol to the Geneva Conventions of 1949, relating to the Protection of Victims of International Armed Conflicts [Additional Protocol I], 1977. Available at: www.icrc.org/eng/assets/files/2013/ap_i_eng.pdf (accessed Feb. 10 2018).
2. Additional Protocol to the Geneva Conventions of 1949, relating to the Protection of Victims of Non-International Armed Conflicts [Additional Protocol II], 1977. Available at: www.icrc.org/eng/resources/documents/misc/6lkb3l.htm (accessed Feb. 10 2018).
3. Geneva Convention for the Amelioration of the Condition of the Wounded and Sick in Armed Forces in the Field [First Geneva Convention], 1949. Available at: www.icrc.org/rus/resources/documents/misc/geneva-convention-1.htm (accessed Feb. 10 2018).
4. Geneva Convention for the Amelioration of the Condition of the Wounded, Sick and Shipwrecked Members of Armed Forces at Sea [Second Geneva Convention], 1949. Available at: www.icrc.org/eng/resources/documents/misc/geneva-convention-2.htm (accessed Feb. 10 2018).
5. Geneva Convention relative to the Treatment of Prisoners of War [Third Geneva Convention], 1949. Available at: www.icrc.org/rus/resources/documents/misc/geneva-convention-3.htm (accessed Feb. 10 2018).
6. Geneva Convention for the Protection of Civilian Persons in Time of War [Fourth Geneva Convention], 1949. Available at: www.icrc.org/rus/resources/documents/misc/geneva-convention-4.htm (accessed Feb. 10 2018).
7. Convention on the non-applicability of statute of limitations for war crimes and crimes against humanity. Available at: www.un.org/en/documents/decl_conv/conventions/warcrimes_limit.shtml (accessed Feb. 17 2018).
8. The Rome Statute. Available at: [www.un.org/ru/law/icc/rome_statute\(r\).pdf](http://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute(r).pdf) (accessed Feb. 10 2018).
9. Statute of the International Military Tribunal for the Judgment and Punishment of the Main War Criminals of European Axis Countries (Adopted in London on 08/08/1945). Available at: www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=16577#0 (accessed Feb. 17 2018).
10. Charter of the International Military Tribunal for the Far East (Adopted in Tokyo on 19.01.1946). Available at: www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=15226#0 (accessed Feb. 10 2018).
11. Statute of the International Tribunal for the Former Yugoslavia. Available at: www.un.org/en/law/icty/charter.shtml (accessed Feb. 10 2018).
12. Statute of the International Tribunal for Rwanda. Available at: www.un.org/en/law/icttr/charter.shtml (accessed Feb. 17 2018).
13. Adelkhanyan R.A. Crime of the act according to international criminal law [Prestupnost' deyaniya po mezhdunarodnomu ugolovnomu pravu]. Moscow. 2002. pp. 27-30.
14. Adelkhanyan R.A. War crimes as crimes against peace and the safety of mankind [Voennye prestupleniya kak prestupleniya protiv mira i bezopasnosti chelovechestva]. Author's abstract. to dis. ... dr. of jurid. science. Moscow. 2003.
15. Adelkhanyan R.A. Criminal Law of Russia. Practical course [Ugolovnoe pravo Rossii. Prakticheskij kurs]. Moscow. 2010. pp. 743-744.

16. Bastrykin A.I., Naumov A.V. Criminal Law of Russia. Practical course [Ugolovnoe pravo Rossii. Prakticheskij kurs]. Moscow. 2007. pp. 297-300.
17. Bely I.Yu. Production of war crimes cases in the bodies of international criminal justice (problems of formation and development prospects) [Proizvodstvo po delam o voennyh prestupleniyah v organah mezhdunarodnogo ugolovnogo pravosudiya (problemy stanovleniya i perspektivy razvitiya)]. Moscow. 2011. pp. 52-53, 266-283.
18. Bely I.Yu. System of War Crimes under the Rome Statute of the International Criminal Court [Sistema voennyh prestuplenij po Rimskomu statutu Mezhdunarodnogo ugolovnogo suda]. International Criminal Court: problems, discussions, search for solutions. Moscow. 2008. pp. 203-205.
19. Grigorovich Yu.V. Criminal liability of individuals for international crimes [Ugolovnaya otvetstvennost' fizicheskikh lic za mezhdunarodnye prestupleniya]: dis. ... cand. of jurid. science. Moscow. 2008.
20. Guseinov L.G. International law [Mezhdunarodnoe pravo]. Baku. 2002. pp. 230-231.
21. Dremine-Volok N.E. International Criminal Court: Specificity and Contradictions of Juridical Regime [Mezhdunarodnyj ugolovnyj sud: specifika i protivorechiya yurisdikcionnogo rezhima]. Actual Problems of Economics and Law. 2007. No. 4. pp. 99-103.
22. Kurnosova T.I. Implementation of international legal norms on war crimes and crimes against humanity in the Russian criminal law [Implementaciya mezhdunarodno-pravovyh norm o voennyh prestupleniyah i prestupleniyah protiv chelovechnosti v rossijskoe ugolovnoe zakonodatel'stvo]: dis. ... cand. of jurid. science. Moscow. 2016.
23. Lukashuk I.I. International law [Mezhdunarodnoe pravo]. Moscow: WoltersKluwer. 2005. pp.432-433.
24. Abandonment of unnecessary obligations: Russia withdrew from the jurisdiction of the ICC [Otkaz ot lishnih obyazatel'stv: Rossiya vyshla iz yurisdikcii MUS]. Available at: <https://ria.ru/politics/20161116/1481514868.html> (accessed Feb. 10 2018).
25. Skuratova A.Yu. Russia and the Rome Statute of the International Criminal Court [Rossiya i Rimskij statut Mezhdunarodnogo ugolovnogo suda]. Moscow Journal of International Law. 2016. No. 4. pp. 125-137.
26. Trikoz E.N. Crimes against the peace and security of mankind: comparative and international legal aspects [Prestupleniya protiv mira i bezopasnosti chelovechestva: sravnitel'nyj i mezhdunarodno-pravovoj aspekty]. Moscow. 2007. pp. 209, 213, 226-235.
27. Fataliev Z.F. The concept and the main characteristic features of war crimes [Ponyatie i osnovnye harakternye cherty voennyh prestuplenij]. Vestnik TISBI. 2009. No. 1. Available at: <http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1339624> (accessed Feb. 20 2018).

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЕННОЙ ПОЛИЦИИ ВООРУЖЁННЫХ СИЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ИЗМЕНЕНИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

С.А. МИНТЯГОВ,

адъюнкт кафедры военной администрации, административного и финансового права Военного университета Министерства обороны Российской Федерации

E-mail: stas21965@mail.ru

Аннотация. В 2011 г. в структуре Министерства обороны Российской Федерации появился специализированный орган правопорядка – военная полиция Вооружённых Сил Российской Федерации. Настоящая статья представляет собой научно-практический комментарий к некоторым положениям Указа Президента

Российской Федерации от 16 мая 2017 г. № 210 в части, касающейся внесения изменений в общевоинские уставы Вооружённых Сил Российской Федерации, регулирующие деятельность военной полиции, и Устав военной полиции Вооружённых Сил Российской Федерации.

Ключевые слова: военная полиция; устав; гарнизонная служба; изменения; полномочия

В 2011 г. в России в структуре Министерства обороны Российской Федерации появился новый орган – военная полиция Вооружённых Сил Российской Федерации, которая в соответствии со ст. 25.1 Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» [1], предназначена для защиты жизни, здоровья, прав и свобод военнослужащих, лиц гражданского персонала, граждан, проходящих военные сборы, обеспечения в Вооружённых Силах законности, правопорядка, воинской дисциплины, безопасности дорожного движения, охраны объектов Вооружённых Сил, а также в пределах своей компетенции противодействия преступности и защиты других охраняемых законом правоотношений в области обороны.

В развитие нормотворческой базы, регулирующей деятельность военной полиции Вооружённых Сил Российской

Федерации, Указом Президента Российской Федерации от 25 марта 2015 г. № 161 утверждён Устав военной полиции Вооружённых Сил Российской Федерации [2].

Правовое регулирование деятельности военной полиции Вооружённых Сил Российской Федерации неоднократно исследовалось различными учёными-юристами [4 – 15]. Авторами данных публикаций были отмечены некоторые противоречия и пробелы в правовом регулировании её деятельности, высказывались предложения по совершенствованию данного законодательства.

Более чем пятилетняя практика деятельности военной полиции Вооружённых Сил Российской Федерации также выявила несовершенство законодательной базы, регулирующей деятельность военной полиции. Все это потребовало внесения изменений в ряд законодатель-

ных актов, регламентирующих деятельность военной полиции.

3 июля 2016 г. был издан Федеральный закон № 259-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [3], которым внесены изменения в четыре федеральных закона (от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения»; от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне»; от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих»; от 1 декабря 2006 г. № 199-ФЗ «О судопроизводстве по материалам о грубых дисциплинарных проступках при применении к военнослужащим дисциплинарного ареста и об исполнении дисциплинарного ареста»).

Данные законодательные акты регулируют различные аспекты процессуальной деятельности органов военной полиции, а также деятельности командиров (начальников) по поддержанию правопорядка и воинской дисциплины в подчинённых подразделениях и воинских частях. Достаточно подробно провёл анализ данного законодательства А.В. Корякин [6].

16 мая 2017 г. издан Указ Президента Российской Федерации № 210, который внёс изменения в общевоинские уставы Вооружённых Сил и Устав военной полиции Вооружённых Сил (далее – УВП ВС), регулирующие её деятельность. Рассмотрим основные изменения, внесённые в указанные нормативные акты, более подробно.

Прежде всего, хотелось бы отметить, что новой редакцией УВП ВС определён порядок участия органов военного управления, соединений, воинских частей (кораблей) в служебной деятельности военной полиции и порядок выполнения военной полицией ряда задач гарнизонной службы. Также согласно п. 10 ст. 19 УВП ВС одним из основных направлений деятельности органов военной полиции стало выполнение задач гарнизонной службы. Более детально данную функцию рассмотрим ниже.

Другое важное изменение состоит в том, что УВП ВС должны руководствоваться не только военнослужащие военной полиции, что было предусмотрено в предыдущей редакции этого документа, но и все остальные военнослужащие Вооружённых Сил Российской Федера-

ции, что, в свою очередь, узаконивает как деятельность органов военной полиции в целом, так и отдельных должностных лиц по применению норм УВП ВС в отношении военнослужащих и иных лиц, определённых в данном акте.

Новая редакция УВП ВС определила название территориальных органов военной полиции. В предыдущей редакции территориальными органами военной полиции назывались отделы военной полиции, но законодатель вернул прежнее их название – военные комендатуры гарнизонов и дал им определение. Так, согласно п. 1.1 ст. 13 УВП ВС военная комендатура является территориальным органом военной полиции, предназначенным для выполнения задач по обеспечению законности, правопорядка, воинской дисциплины, охраны военнослужащих, содержащихся на гауптвахте, охраны служебных помещений органов военной прокуратуры и военных следственных органов Следственного комитета Российской Федерации, выполнения задач гарнизонной службы, отнесённых к компетенции военной полиции, а также иных задач на территории закреплённого района ответственности.

Переименование территориальных органов военной полиции в военные комендатуры представляется не совсем логичным, поскольку ранее данное название использовалось для определения совершенно другого органа, который выполнял схожие с военной полицией функции, но все же являлся органом управления комендантской службой в Вооружённых Силах страны и в основном выполнял задачи по организации гарнизонной службы. Территориальные органы военной полиции выполняют множество различных функций, которые в целом можно назвать правоохранительными, что, в свою очередь, определяет их название. Хотя следует также отметить, что название территориальных органов военной полиции имеет второстепенное значение и не должно сказываться на эффективности их работы.

Соответственно наряду с изменением в названии территориальных органов военной полиции во всех положениях УВП ВС, содержащих слова «отдел военной полиции», теперь используется словосочетание «военная комендатура».

Пункт 7 ст. 13 УВП ВС, который давал определение понятия «наряд военной полиции», утратил силу. Взамен был добавлен п. 7.1 «наряд военной комендатуры», который дополнительно возложил на должностных лиц, состоящих в наряде военной комендатуры, охрану военнослужащих, содержащихся на гауптвахте.

Кроме этого, п. 9 рассматриваемой статьи УВП ВС изменил понятие «наряд патрульной службы», в котором отразил, что в наряд патрульной службы входят патрули не только от военной полиции, но также и от воинских частей. Устав гарнизонной и караульной служб Вооружённых Сил Российской Федерации (далее – УГКС) дополнен ст. 78.1, в соответствии с которой в гарнизоне для поддержания порядка и осуществления контроля за соблюдением воинской дисциплины военнослужащими в общественных местах приказом начальника гарнизона организуется патрулирование, для чего из состава воинских частей гарнизона назначаются гарнизонные патрули.

Таким образом, для выполнения задач патрульной службы в соответствии с данными изменениями будут привлекаться военнослужащие воинских частей гарнизона и выполнять те же функции что и патрули военной полиции. В силу введения указанной нормы возникает вопрос: смогут ли военнослужащие воинских частей гарнизона выполнять данные функции столь же эффективно, как и военные полицейские?

Следует напомнить, что согласно УВП ВС в наряд патрульной службы заступают военнослужащие военной полиции, состоящие в должности «инспектор» либо «старший инспектор». Подготовка указанных лиц к выполнению специфических задач по поддержанию правопорядка и воинской дисциплины ежегодно организуется в окружных учебных центрах Минобороны России. Переподготовка осуществляется на основе специальной программы, которая предусматривает обучение по следующим направлениям: применение специальных средств военнослужащими военной полиции; организация патрулирования в гарнизонах; порядок проведения профилактических проверок в воинских частях; работа по обеспечению правопорядка в воинских

частях; порядок исполнения наказаний в отношении военнослужащих.

Кроме этого, новая редакция УВП ВС (ст. 48) определяет, что в состав дежурной смены военной комендатуры входит дежурный по военной комендатуре, назначаемый из числа офицеров воинских частей гарнизона, и штатный помощник дежурного по военной комендатуре, назначаемый из числа военнослужащих военной комендатуры. Данная норма, по нашему мнению, также не способствует повышению эффективности исполнения специальных обязанностей в связи с возможной слабой подготовкой военнослужащих воинских частей, заступающих в данный наряд.

В обязанности дежурного по военной комендатуре, кроме всего прочего, входит применение некоторых мер принуждения, а также составление материалов разбирательства по дисциплинарным проступкам, что предусматривает специальную подготовку, в том числе юридическую.

Представляется, что необходимость внесения указанных изменений в УВП ВС была вызвана несовершенством организационно-штатной структуры территориальных органов военной полиции, а по сути, имеет место тот факт, что военные комендатуры в настоящее время не могут в полной мере выполнять возложенные на них функции.

Возвращаясь к анализу такой функции военной полиции, как гарнизонная служба, следует отметить, что некоторым изменениям подвергся УГКС. Так, в соответствии со ст. 7 данного Устава выполнение задач гарнизонной службы возложено как на воинские части гарнизона, так и на территориальные органы военной полиции – военные комендатуры.

Согласно приведённой выше норме к несению гарнизонной и караульной служб, а также к выполнению задач, возложенных на органы военной полиции, включая патрулирование в гарнизоне, могут привлекаться воинские части, входящие в состав гарнизона. Руководит деятельностью военного коменданта гарнизона по вопросам гарнизонной службы начальник гарнизона (ст. 24 УГКС). В свою очередь, ст. 20.1. УГКС возлагает на военную комендатуру следующие задачи.

Участие:

- в обеспечении согласованности действий воинских частей гарнизона при переводе их с мирного на военное время;
- в разработке плана мероприятий по выполнению задач гарнизонной службы;
- в организации выполнения задач по охране и обороне гарнизонных объектов;
- во взаимодействии с территориальными органами Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий в выполнении задач гражданской (местной) обороны;
- в подготовке мероприятий, посвящённых праздничным, памятным дням и дням воинской славы, а также по согласованию с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, территориальными органами федеральных органов исполнительной власти и органами местного самоуправления в обеспечении порядка во время подготовки и проведения парадов войск гарнизона и других мероприятий с участием войск.

Осуществление:

- учёта воинских частей, дислоцированных в гарнизоне, а также воинских команд, прибывших в командировку;
- учёта воинских захоронений, расположенных на закрытых территориях гарнизона, и принятия мер меры по содержанию их в надлежащем порядке;
- учёта военнослужащих, прибывших в командировку и отпуск, а также контроля за своевременным их убытием к месту службы;
- учёта и хранения оружия и боеприпасов, изъятых у задержанных военнослужащих.

Кроме этого, согласно ст. 31.1 УВП ВС региональные органы военной полиции непосредственно подчиняются центральному органу военной полиции. А по специальным вопросам региональный орган военной полиции подчиняется командующему войсками военного округа. Подчинение по специальным вопросам предусматривает подчинённость командующему войсками военного округа по вопросам боевой и мобилизационной готовности, гарнизонной службы, комплектования личным составом и его пер-

воначального обучения, финансового и материально-технического обеспечения, а также по иным вопросам, определяемым Министром обороны Российской Федерации.

Ещё одна правовая норма, содержащаяся в ст. 43 УВП ВС, обязывает начальника территориального органа военной полиции согласовывать свои действия с начальником гарнизона. Так, в соответствии с данной нормой воинские части, входящие в состав гарнизона, по согласованию с начальником гарнизона привлекаются начальником соответствующего органа военной полиции к оцеплению (блокированию) участков местности, жилых помещений, строений и иных объектов в случае оказания содействия органам внутренних дел Российской Федерации в розыске и задержании военнослужащего, самовольно оставившего воинскую часть (место несения службы) с оружием. В прежней редакции рассматриваемой нормы обязанностей согласовывать свои действия с начальником гарнизона не имелось. С введением данной нормы, по нашему мнению, снижается оперативность при выполнении задач по розыску и блокированию военнослужащих, самовольно оставивших часть или место службы.

История нашего государства уже подтвердила неспособность органов исполнительной власти, находящихся в двойном подчинении, полноценно осуществлять возложенные на них функции.

По нашему мнению, подчинение военной полиции органам военного управления, начальникам гарнизонов в служебной деятельности может привести к разрушению складывающейся в Вооружённых Силах Российской Федерации системы «сдержек и противовесов». Без независимой военной полиции не будет чёткого функционирования механизма реагирования на нарушение законности. Представляется, что существующее «двойное подчинение» может привести к потере управляемости и снижению эффективности деятельности в целом, в том числе в боевой обстановке и при взаимодействии военной полиции с органами военного управления, командирами воинских частей и другими правоохранительными органами.

По нашему мнению, чётко выстроенная вертикальная модель подчинения органов военной полиции Вооружённых Сил Российской Федерации, а также полная их независимость от иных органов военного управления, не входящих в состав военной полиции, позволит повысить эффективность выполняемых ею задач в целом.

В части, касающейся реализации военной полицией такой функции, как учёт военнослужащих, временно находящихся в гарнизоне, ст. 46 УВП ВС была дополнена ст. 46.1 в соответствии с которой военный комендант гарнизона наделён правом в случае тяжёлого состояния здоровья или смерти (гибели) близкого родственника военнослужащего предоставлять военнослужащему отпуск по личным обстоятельствам на срок до 10 суток. Согласно прежней редакции данные функции и полномочия были возложены на начальника гарнизона и военного комиссара.

Представляется, что такое множество обязанностей, возложенных на военную полицию, будет отвлекать её от решения главных задач – борьбы с преступностью, обеспечения законности и правопорядка в воинских структурах и личной безопасности военнослужащих.

Некоторым изменениям подверглась и деятельность военной автомобильной инспекции (ВАИ). Так, согласно прежней редакции УВП ВС в обязанности начальника ВАИ (территориальной) входила выдача пропусков на перевозку крупногабаритных и тяжеловесных грузов оборонного значения, а также особо опасных грузов в составе воинских колонн. В соответствии с новой редакцией УВП ВС (ст. 123) данную обязанность начальник ВАИ (территориальной) исполнять не должен.

Также в ст. 124 УВП ВС были внесены изменения уточняющего характера в отношении полномочий начальника ВАИ территориальной. В частности, начальник ВАИ (территориальной) наделяется полномочиями останавливать транспортные средства Вооружённых Сил, других войск и воинских формирований (в случаях, предусмотренных законом) на контрольных постах ДПС ВАИ, а также на стационарных постах ДПС ВАИ

и маршрутах патрулирования. В соответствии с ранее действовавшей редакцией данными полномочиями он мог воспользоваться только на стационарных постах ВАИ.

Изменения, касающиеся выполнения военной полицией функций охраны, связаны с тем, что для охраны объектов Вооружённых Сил Российской Федерации, служебных помещений органов военной прокуратуры и военных следственных органов назначаются военнослужащие военной комендатуры или подразделения военной полиции, входящие в состав соединения или воинской части. Внесение данных изменений в законодательство, по нашему мнению, объясняется тем, что в составе воинских частей, не входящих в систему органов военной полиции, могут быть сформированы специализированные подразделения охраны для выполнения указанных функций.

Важная оговорка была сделана в ст. 184 УВП ВС, которая регламентирует деятельность начальника органа военной полиции при осуществлении функций органа дознания. Указанная статья дополнена словосочетанием «в пределах компетенции, установленной уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации». Данное дополнение является важным, поскольку деятельность начальника органа военной полиции при осуществлении функций органа дознания регламентирована Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации.

Существенные изменения также коснулись функции военной полиции по охране военнослужащих, содержащихся на гауптвахте. В прежней редакции УВП ВС раздел об этом назывался «Охрана гауптвахты», в новой редакции он стал называться «Охрана военнослужащих, содержащихся на гауптвахте».

Суть изменений данной функции военной полиции заключается в том, что охрану военнослужащих, содержащихся на гауптвахте, осуществляет караул при гауптвахте, назначаемый из состава военнослужащих военной полиции, но не всех военнослужащих, а только тех, кто осуждён к аресту. Охрану иных военнослужащих, содержащихся на гауптвахте, осуществляет

гарнизонный караул. При этом начальником караула при гауптвахте, согласно ст. 213 УВП ВС, назначается офицер, в отличие от прежней редакции, где данные обязанности возлагались на сержанта (старшину). Контролёры, конвойные и выводные, согласно ст. 214 УВП ВС, назначаются в караулах при гауптвахте из числа военнослужащих воинских частей гарнизона (военной полиции). Данные изменения, на наш взгляд, могут быть вызваны несовершенством организационно-штатной структуры, о чём уже говорилось, и невозможностью в полной мере выполнения военной полицией данных функций имеющимся штатным составом военнослужащих.

Таким образом, проведя анализ основных изменений, внесённых в законодательство о военной полиции Вооружённых Сил Российской Федерации, можно прийти к выводу, что, с одной стороны, с учётом изменений, внесённых в Устав военной полиции Вооружённых Сил и Устав гарнизонной и караульной служб Вооружённых Сил, некоторые вопросы правового регулирования по-прежнему нуждаются в совершенствовании. С другой стороны, наоборот, отдельные вопросы правоприменения приобрели ясность и определённую, что, безусловно, должно послужить укреплению законности и правопорядка в Вооружённых Силах Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об обороне: федер. закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1996. – № 23. – Ст. 2750.
2. Об утверждении Устава военной полиции Вооружённых Сил Российской Федерации и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации: указ Президента Рос. Федерации от 25 марта 2015 г. № 161 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2015. – № 13. – Ст. 1909.
3. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 3 июля 2016 г. № 259-ФЗ // Рос. газ. – 2016. – 6 июля.
4. Винокуров А.Ю. К вопросу о предмете прокурорского надзора за законностью деятельности военной полиции // Право в Вооружённых Силах – Военно-правовое обозрение. – 2015. – № 11.
5. Калинин С.И. Взаимодействие внутренних войск МВД России с органами военной полиции Вооружённых Сил Российской Федерации при выполнении задач по охране общественного порядка // Право в Вооружённых Силах – Военно-правовое обозрение. – 2015. – № 6.
6. Корякин А.В. Новації правового регулювання процесуальної діяльності органів військової поліції Вооружённых Сил Российской Федерации // Право в Вооружённых Силах – Военно-правовое обозрение. – 2016. – № 7.
7. Корякин В.М. Деятельность военной полиции в Российской Федерации узаконена // Право в Вооружённых Силах – Военно-правовое обозрение. – 2014. – № 3.
8. Корякин В.М. Разграничение полномочий командиров (начальников) и органов военной полиции в работе по обеспечению правопорядка и воинской дисциплины // Право в Вооружённых Силах – Военно-правовое обозрение. – 2015. – № 6.
9. Минтягов С.А. Взаимодействие органов военной полиции с органами внутренних дел и войсками национальной гвардии в области обеспечения общественного порядка // Военное право. – 2017. – № 5.
10. Минтягов С.А. Военная полиция Вооружённых Сил Российской Федерации в системе военных правоохранительных органов // Военное право. – 2017. – № 1.
11. Минтягов С.А. Правовые и психологические аспекты деятельности военной полиции Вооружённых Сил Российской Федерации // Сборник научных статей ВУ МО. – 2017. – № 6.
12. Минтягов С.А. Правовые основы организации розыска военнослужащих,

- самовольно оставивших место службы, органами военной полиции Вооружённых Сил Российской Федерации // Военное право. – 2017. – № 5.
13. Туганов Ю.Н. Административно-юрисдикционная деятельность военной полиции: анализ нормативных актов // Право в Вооружённых Силах – Военно-правовое обозрение. – 2015. – № 6.
 14. Туганов Ю.Н. Устав военной полиции и возможности его применения к военнослужащим других войск, воинских формирований и органов // Право в Вооружённых Силах – Военно-правовое обозрение. – 2015. – № 9.
 15. Шарихин А.Е. О перспективах развития органов военной полиции в России // Право в Вооружённых Силах – Военно-правовое обозрение. – 2014. – № 12.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Минтягов Станислав Андреевич,

адъюнкт кафедры военной администрации, административного и финансового права Военного университета Министерства обороны Российской Федерации
111033, г. Москва, ул. Волочаевская, д. 3/4
E-mail: stas21965@mail.ru

DEGREE SEEKER'S ROSTRUM LEGAL REGULATION OF MILITARY POLICE OF THE ARMED FORCES OF THE RUSSIAN FEDERATION: CHANGES IN LEGISLATION

Stanislav A. MINTYAGOV

Abstract. The specialized law enforcement body – the military police of the Armed Forces of the Russian Federation was established in 2011 by the Russian Federation Ministry of Defense. The military police law enforcement activities have revealed the imperfection of the legislative framework. In this regard, a number of legislative acts regulating its activities have been repeatedly corrected.

This article presents a scientific and practical commentary to some provisions of the Russian Federation President Decree from of May 16, 2017, No. 210, in the part concern-

ing the amendments to the General military statutes of the Armed Forces of the Russian Federation regulating the military police activities and the Statute of the military police of the Russian Federation.

The author raises the problem of “dual subordination” since both territorial and regional bodies of the military police in addition to their direct subordination to the central bodies also subordinate to the chief of the garrison (on issues of garrison service) and the commander of the district (for special issues), respectively.

The author concludes that some issues of legal regulation of the military police activities still need to be clarified.

Keywords: military police; charter; garrison service; changes; powers

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mintyagov Stanislav Andreevich,

Adjunct of the Department of Military Administration, Administrative and Financial Law of the Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation
3/4 Volochaevskaya Str., Moscow, 111033, Russian Federation
E-mail: stas21965@mail.ru

REFERENCES

1. On defense: fed. law [Ob oborone: feder. zakon] of May 31, 1996, No. 61-FZ. Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 23. Art. 2750.
2. On approval of the Charter of the Military Police of the Armed Forces of the Russian Federation and amendments to certain Acts of the President of the Russian Federation [Ob utverzhdenii Ustava voennoj policii Vooruzhyonnyh Sil Rossijskoj Federacii i vnesenii izmenenij v nekotorye akty Prezidenta Rossijskoj Federacii]: Decree of the President of the Russian Federation of March 25, 2015, No. 161. Collection of Legislation of the Russian Federation. 2015. No. 13. Art. 1909.
3. On the introduction of amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: fed. law [O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii: feder. zakon] of July 3, 2016, No. 259-FZ. Rossiyskaya Gazeta. 2016. July 6.
4. Vinokurov A.Yu. On the issue of the subject of prosecutor's supervision over the legality of the military police [K voprosu o predmete prokurorskogo nadzora za zakonnost'yu deyatel'nosti voennoj policii]. Law in the Armed Forces – Military legal review. 2015. No. 11.
5. Kalinin S.I. Interaction of Internal Troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia with the Military Police of the Armed Forces of the Russian Federation in Performing the Purposes of Protecting Public Order [Vzaimodejstvie vnutrennih vojsk MVD Rossii s organami voennoj policii Vooruzhyonnyh Sil Rossijskoj Federacii pri vypolnenii zadach po ohrane obshchestvennogo poryadka]. Law in the Armed Forces – Military legal review. 2015. No. 6.
6. Koryakin A.V. Novations of legal regulation of procedural activity of the military police of the Armed Forces of the Russian Federation [Novacii pravovogo regulirovaniya processual'noj deyatel'nosti organov voennoj policii Vooruzhyonnyh Sil Rossijskoj Federacii]. Law in the Armed Forces – Military legal review. 2016. No. 7.
7. Koryakin V.M. The activity of military police in the Russian Federation is legalized [Deyatel'nost' voennoj policii v Rossijskoj Federacii uzakonena]. Law in the Armed Forces – Military legal review. 2014. No. 3.
8. Koryakin V.M. Delimitation of powers of commanders (chiefs) and military police in the work to ensure law and order and military discipline [Razgranichenie polnomochij komandirov (nachal'nikov) i organov voennoj policii v rabote po obespecheniyu pravoporyadka i voinskoj discipliny]. Law in the Armed Forces – Military legal review. 2015. No. 6.
9. Mintyagov S.A. Interaction of military police with law enforcement agencies and national guard troops in the field of public order [Vzaimodejstvie organov voennoj policii s organami vnutrennih del i vojskami nacional'noj gvardii v oblasti obespecheniya obshchestvennogo poryadka]. Military law. 2017. No. 5.
10. Mintyagov S.A. Military police of the Armed Forces of the Russian Federation in the system of military law enforcement agencies [Voennaya policiya Vooruzhyonnyh Sil Rossijskoj Federacii v sisteme voennyh pravookhranitel'nyh organov]. Military law. 2017. No. 1.
11. Mintyagov S.A. Legal and psychological aspects of the military police of the Armed Forces of the Russian Federation [Pravovye i psihologicheskie aspekty deyatel'nosti voennoj policii Vooruzhyonnyh Sil Rossijskoj Federacii]. Collection of scientific papers of the Military University. 2017. No. 6.
12. Mintyagov S.A. The legal basis for the organization of the search for servicemen who left their place of service on their own, the military police of the Armed Forces of the Russian Federation [Pravovye osnovy organizacii rozyska voennosluzhashchih, samovol'no ostavivshih mesto sluzhby, organami voennoj policii Vooruzhyonnyh Sil Rossijskoj Federacii]. Military law. 2017. No. 5.
13. Tuganov Yu.N. Administrative and jurisdictional activity of the military police: an analysis of regulatory acts

- [Administrativno-yurisdikcionnaya deyatel'nost' voennoj policii: analiz normativnyh aktov]. Law in the Armed Forces – Military legal review. 2015. No. 6.
14. Tuganov Yu.N. The Statute of the military police and the possibilities of its application to servicemen of other troops, military units and organs [Ustav voennoj policii i vozmozhnosti ego primeneniya k voennosluzhashchim drugih vojsk, voinskih formirovanij i organov]. Law in the Armed Forces – Military legal review. No. 9 – 5.
 15. Sharikhin A.E. On the prospects for the development of military police in Russia [O perspektivah razvitiya organov voennoj policii v Rossii]. Law in the Armed Forces – Military legal review. 2014. No. 12.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ВОЕННО-ПРАВОВОЕ ОБОЗРЕНИЕ

International Military Law Review

Основной целью рубрики «Международное военно-правовое обозрение» является обзор научных публикаций иностранных авторов в области военного права, военных проблем международного права, правоприменительной практики органов военной юстиции зарубежных стран, а также иных вопросов, представляющих интерес для российских ученых – исследователей военного права.

**Балканов
Илья Владимирович,**
ведущий рубрики, кандидат
филологических наук, военный
переводчик, преподаватель кафедры
английского языка (основного)
Военного университета Министерства
обороны Российской Федерации
111033, г. Москва, ул. Волочаевская, д. 3/4
E-mail: i-balkanov@mail.ru

**Balkanov
Il'ya Vladimirovich,**
Review author, Cand. Sc. (Philology),
Military interpreter, Lecturer of Department
of English of the Military University of
the Defense Ministry of the Russian
Federation
3/4 Volochaevskaya Str., Moscow, 111033,
Russian Federation
E-mail: i-balkanov@mail.ru

**Старцун
Виктор Николаевич,**
научный редактор рубрики,
доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник
Института государства и права
Российской академии наук
119019, г. Москва, ул. Знаменка, 10
E-mail: acad.sec@igpran.ru

**Startsun
Viktor Nikolaevich,**
Review editor, Dr. Sc. (Law), Professor,
Chief Researcher of the Institute
of State and Law of the Russian Academy
of Sciences
10 Znamenka Str., Moscow, 119019,
Russian Federation
E-mail: acad.sec@igpran.ru

УДАРНАЯ СИЛА: КАК РОБОТОТЕХНИКА, КИБЕР- И КОСМИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕ МЕНЯЮТ ПРАВИЛА ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ

ДЖЕРЕМИ РАБКИН,
профессор права, Университет
Джорджа Мейсона, США

ДЖОН Ю,
профессор права, Калифорнийский
университет (Беркли), США

Аннотация. Угроза международной безопасности возрастает по мере распространения оружия массового уничтожения, международного терроризма и появления стран-изгоев. Реагировать на эти вызовы необходимо при помощи новых военных технологий. Автономные роботы, кибер- и космическое оружие могут предоставить более точные, а также менее разрушительные способы принуждения противника к миру или прекращения гуманитарных катастроф. Попытки сдержать внедрение ин-

новаций в вооружение не только не увенчаются успехом в долгосрочной перспективе, но и создадут необоснованные препятствия для оперативного и адекватного реагирования на сегодняшние вызовы. Следует обратить внимание на тот факт, что новые виды вооружений обладают возможностью своевременно предупреждать потенциальных противников, не причиняя смерти или масштабных повреждений, благодаря чему конфликты могут стать в целом менее разрушительными.

Ключевые слова: робототехника; кибероружие; космическое оружие; военная производительность; инновации; технологии; международная безопасность

Авторы рассматривают новые технологии проведения военных операций, проводя параллели с применением технологических инноваций в мирных целях. Так, робототехника и точное картографирование, лежащие в основе автоматизации логистических операций в розничной

торговле, одновременно могут применяться и для высокоточного нанесения ударов по конкретным зданиям и даже людям. Высокоскоростные компьютерные системы, в свою очередь, могут как развивать финансовые рынки, так и разрушать национальные экономики.

Нередко применение технологий выходит далеко за рамки того, что планировалось при их разработке. Сотовый телефон должен был лишь освободить пользователей от проводов, но с появлением возможности передачи данных и повсеместным распространением смартфонов с камерами эта технология стала инструментом общественного контроля, более эффективным, чем все современные СМИ вместе взятые. То же самое произошло и с войной. Сброс двух атомных бомб на Японию в конце Второй мировой должен был положить конец любым новым вооружённым конфликтам – ни одна здравомыслящая нация не должна была бы прибегнуть к военно-

му конфликту, оружие в котором несет взаимное и полное уничтожение сторон. И, вероятно, благодаря этому в течение десятилетий после 1945 года не возникало глобальных конфликтов. Но в то же время более мелкие вооружённые столкновения и гражданские войны унесли миллионы жизней. Мир перешёл в эпоху опосредованных войн.

В 1950-х США поддерживали Южную Корею в конфликте с Северной, получавшей поддержку Советского союза и коммунистического Китая.

В 60-х годах аналогичная ситуация сложилась во Вьетнаме, в 80-х – в Афганистане. Затем в период с 1990 по 2010 годы США и НАТО поддерживали

военные операции против Саддама Хусейна в Кувейте и Багдаде, талибов в Афганистане, Муаммара Каддафи в Ливии и Слободана Милошевича в Косово. При этом в последнее время участие сводилось к воздушным бомбардировкам для поддержания повстанческих сил. И большая часть таких вмешательств не смогла обеспечить постоянного, долгосрочного мира. В результате многие современные эксперты настаивают на необходимости выбирать между масштабным вводом сухопутных войск и полным невмешательством в эти конфликты стран Запада.

Однако, по мнению авторов, новые технологии представляют собой достойную альтернативу. Робототехника, кибер- и космическое оружие могут позволить вывести солдат с поля боя, сделать удары

более точными и смертоносными. Такое оружие может использоваться различными странами для принуждения к миру без причинения больших потерь и разрушений. Такое оружие может применяться далеко за пределами государственных границ для обнаружения и уничтожения террористов.

В заключение авторы приходят к выводу о том, что хотя вооружённые конфликты будут возникать и в дальнейшем, они станут менее дорогостоящими и разрушительными.

Рассмотренные в издании мотивы и аспекты применения робототехники, кибер- и космического оружия для разрешения международных вооружённых конфликтов могут представлять значительный интерес для отечественных учёных.

Оригинал статьи: Rabkin J., Yoo J. Striking Power: How Cyber, Robots and Space Weapons Change the Rules for War // Encounter Books. September, 2017.

INTERNATIONAL MILITARY LAW REVIEW

LEGAL STATUS OF DRONES UNDER INTERNATIONAL LAW

Abstract. The article deals with the use of UAVs for military purposes. The application of UAV in the framework of international law is analyzed. The efficiency of UAV

application is substantiated, statistical data are given. Particular attention is paid to the responsibility of the UAV operator in the framework of international legal norms.

Keywords: UAV; legal status; norms of international law; international humanitarian law; laws and customs of war; armament; UAV operator

ЗАКОННОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ АТАК

ВАСИМ АХМАД КУРЕШИ,

доктор юридических наук, адвокат Верховного суда Пакистана

Аннотация. В статье рассматриваются различные аспекты применения БПЛА США в третьих странах в контексте норм международного права. На примерах анализируется законность таких операций с учётом аргументов вовлечённых сторон.

В ходе мероприятия участникам предлагалась возможность принять участие в дискуссии, обменяться мнениями по рассматриваемым вопросам и задать собственные вопросы экспертам.

Ключевые слова: нормы обычного международного права; принципы международного гуманитарного права; беспилотники; БПЛА; УБПЛА; США; Пакистан; гражданские и военные цели; борьба с терроризмом; превентивные меры

Беспилотники, беспилотные летательные аппараты (БПЛА), ударные беспилотные летательные аппараты (УБПЛА) – всё это названия летательных аппаратов, на борту которых отсутствует пилот. Изначально они использовались только для разведки, но в 2001 году Соединённые Штаты Америки начали вооружать их ракетами и применять для борьбы с террористами в Афганистане. С этого

момента более 80 стран, включая США, Россию, Пакистан, Индию, Иран, Китай и Израиль стали использовать БПЛА как для разведывательных, так и для ударных операций.

Для того чтобы оценить законность совершения авиаударов беспилотниками, необходимо отметить, что статья 2 (4) Устава ООН запрещает применение силы, а статья 51 является единственным исклю-

чением в отношении такого применения силы для самообороны в соответствии с принципами обычного международного права. Авиаудары беспилотниками, а следовательно, и целенаправленные убийства, являются военными действиями, и такое применение силы может быть оправдано только в случае самообороны в реальном вооружённом конфликте. Нападение на негосударственные субъекты во время их преследования, сопряжённого с нарушением государственных границ «принимающего» государства (т.е. государства, на территории которого проводится военная операция силами другого государства), признано Международным судом противоречащим нормам обычного международного права. Однако беспилотные летательные аппараты могут использоваться против повстанческих групп или террористических организаций иностранным государством с согласия «принимающего» государства, но даже в таких случаях – только для стабилизации ситуации в регионе. Следовательно, беспилотные атаки, совершаемые против воли «принимающего» государства, совершенно незаконны.

Более того, даже если исходить из того, что удары беспилотников являются законными, не являются актом войны против какого-либо государства

и проводятся с согласия «принимающих» государств, они должны соответствовать определённым принципам международного гуманитарного права. Эти принципы налагают существенные ограничения на такое применение силы. Во-первых, удары беспилотников должны осуществляться исходя из абсолютной военной необходимости, т.е. атака с использованием беспилотника или применение силы должны быть последними средствами урегулирования вооружённого конфликта. Во-вторых, для согласования перечня целей при использовании беспилотников эти цели должны быть комбатантами, явно отличающимися от мирного населения – в соответствии с принципом проведения различия. В-третьих, атаки беспилотников должны быть проработаны с учётом принципа пропорциональности, в соответствии с которым гражданские лица должны быть защищены от сопутствующего ущерба.

Автор подробно рассматривает пример использования БПЛА США на территории Пакистана. После того как Пакистан занял официальную позицию, требующую немедленного прекращения ударов беспилотниками на своей территории, беспилотные атаки США в Пакистане стали незаконным применением силы, поскольку не было реального во-

оружённого конфликта и не было согласия «принимающего» государства. Более того, эти атаки можно назвать актом войны против суверенитета Пакистана. И даже если Пакистан даёт своё согласие США на проведение атак с применением беспилотников – может быть, тайно и неофициально, – нарушение принципов пропорциональности, необходимости и проведения различия делает эти атаки незаконными. При возникновении какого-либо сопутствующего ущерба гражданскому населению – в отсутствие ре-

ального вооружённого конфликта и при наличии альтернативных средств урегулирования вооружённого конфликта – такие атаки противоречат нормам международного гуманитарного права.

Особое внимание уделяется позиции США, которые утверждают, что они получили молчаливое согласие Пакистана на проведение беспилотных атак против террористов, поскольку пакистанские официальные лица завуалированно допускают такие атаки. США также заявляют, что атакам с применением беспилотных летательных аппаратов предшествует «проверка личности», когда члены террористических организаций отслеживаются, но не уничтожаются. Таким образом, чтобы избежать распространения террористической деятельности в регионе и деятельности негосударственных субъектов за рубежом, США настаивают на проведении беспилотных атак против террористов на территории «принимающего» государства как на необходимой превентивной мере, а сопутствующий ущерб гражданскому населению, по их мнению, является лишь ценой за это, установленной в рамках норм международного права.

Рассмотренные в работе правовые аспекты проведения атак с применением беспилотных летательных аппаратов на территориях других государств могут представлять интерес для отечественных учёных.

Оригинал доклада: The Legality and Conduct of Drone Attacks // Ahmad Qureshi, Waseem // Notre Dame Journal of International & Comparative Law: Vol. 7: Iss. 2, Article 5, 2017.

INTERNATIONAL MILITARY LAW REVIEW LEGITIMACY OF USING UNMANNED AERIAL VEHICLES FOR ATTACKING

Abstract. The article examines various aspects of the application of UAVs by the USA in third countries in the context of international law. The legitimacy of such

operations is analyzed on the examples, taking into account the arguments of the parties involved.

Keywords: norms of customary international law; principles of international humanitarian law; drones; UAV; combat UAV; USA; Pakistan; civil and military targets; fight against terrorism; preventive measures

МНЕНИЕ ЭКСПЕРТА

Expert Opinion

Основной целью рубрики «Мнение эксперта» является оперативное реагирование на актуальные вызовы и проблемы в области военного права, военных проблем международного права, правоприменительной практики органов военной юстиции.

Наши эксперты – учёные и признанные специалисты в своей области – дают экспертно-правовую оценку наиболее актуальных событий и материалов, публикуемых в отечественных и зарубежных СМИ, на основе действующего военного законодательства и военного права.

ЗАКОНОПРОЕКТ США О ДОСТУПЕ К ПЕРСОНАЛЬНЫМ ДАННЫМ КАК ИНСТРУМЕНТ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ

**Дерешко
Богдан Юльевич,**

кандидат юридических наук,
доцент, заместитель начальника
Всероссийского научно-
исследовательского института
Министерства внутренних дел
Российской Федерации по научной
работе

123995, г. Москва, ул. Поварская, д. 25
E-mail: dbj2000@mail.ru

**Dereshko
Bogdan Yul'evich,**

Cand. Sc. (Law), Associate Professor,
Deputy Head for Research of the
AllRussian Research Institute of the
Ministry of Internal Affairs of the Russian
Federation

25 Povarskaya Str., Moscow, 123995,
Russian Federation
E-mail: dbj2000@mail.ru

ЗАКОНОПРОЕКТ США О ДОСТУПЕ К ПЕРСОНАЛЬНЫМ ДАННЫМ КАК ИНСТРУМЕНТ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ

Б.Ю. ДЕРЕШКО,

кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника Всероссийского научно-исследовательского института Министерства внутренних дел Российской Федерации по научной работе

Аннотация. Рассмотрен законопроект США, уточняющий правомерное использование зарубежных данных, как правовой инструмент сбора персональных данных пользователей за пределами аме-

риканской юрисдикции и попытка экстерриториального применения американского законодательства для получения неограниченного доступа к конфиденциальной информации.

Ключевые слова: «КЛАУД акт»; информационная война; персональные данные; правовой инструмент

В современных войнах информационный фактор становится важнейшим условием достижения победы над противником. Так называемая гибридная война основывается на информационном противостоянии, когда воюющие стороны стараются завоевать превосходство в информационном пространстве и нанести поражение противнику информационными средствами. При этом обладание персональными данными

пользователей сети «Интернет» становится одним из инструментов ведения военных действий, используемым для оказания давления на политических и военных деятелей противника, поиска и вербовки «агентов влияния».

В последние годы неоднократно власти США сталкивались с проблемой ограничения доступа к персональным данным сетевых пользователей. Хотя практически все американские спецслужбы стро-

ят свою работу на сборе и обработке «больших данных», доступных через Интернет. В настоящее время результаты такой аналитической работы являются составным элементом подготовки решений на проведение боевых операций вооружёнными силами США. Поэтому получение доступа к этой информации на легитимной основе власти США считают важным шагом на пути обеспечения национальной безопасности своей страны. Существующие механизмы представляются слишком громоздкими и неудобными (Mutual Legal Assistance Treaties, MLAT).

В связи с изложенным комитетом юстиции конгресса США подготовлен законопроект, «уточняющий правомерное использование зарубежных данных» (Clarifying Lawful Overseas Use of Data (CLOUD) Act of 2018).

Законопроект предусматривает предоставление персональных данных пользователей, которые хранятся за пределами американской юрисдикции, по запросу уполномоченных американских органов без необходимости сотрудничества с правоохранительными органами других

государств. Запрос может быть сформулирован сформулирован генпрокурором США в связи с проводимым расследованием и адресован напрямую в компанию, обладающую такой информацией, независимо от того, где она хранится.

Есть и «обратная» норма: законопроект предполагает возможность заключения соглашения между США и другими государствами, которым будет позволено запрашивать персональные данные пользователей у американских компаний без защиты их конфиденциальности. При этом круг таких стран ограничен ближайшими союзниками США, среди них, прежде всего, Великобритания, Канада, Австралия.

Пока указанный проект обеспечивает доступ к размещённым в зарубежном сегменте Интернета персональным данным пользователей – граждан США, подозреваемых в совершении преступлений или находящихся в розыске. Вместе с тем, очевидно, что это очередной шаг на пути к экстерриториальному применению законодательства США.

Следует отметить единодушную поддержку законопроекта как демократами,

так и республиканцами в конгрессе, а также со стороны администрации президента США.

Законопроект поддерживают крупные ИТ-компании Microsoft, Apple, Oat, Google, таким образом снимая с себя ответственность за раскрытие личных данных пользователей по запросам спецслужб. И даже общественные некоммерческие правозащитные организации, такие как Human Rights Watch, сняли свои претензии к законопроекту, обосновывая свою позицию тем, что он якобы «повышает безопасность американцев». Положительные отклики звучат от Евросоюза и Великобритании.

Таким образом, следует отметить, что, хотя проект и не лишён недостатков,

шансы на его принятие достаточно велики. «КЛАУД акт» в полной мере отвечает современному политическому тренду политики доминирования США, обеспечиваемой национальными правовыми средствами в противовес сложившейся системе международного права.

Прямой связи с подготовкой и ведением военных действий в проекте, конечно, нет и быть не может. Однако, учитывая тесную кооперацию минюста, спецслужб и Пентагона, не стоит сомневаться в возможности военного применения полученной информации о персональных данных пользователей для оказания санкционного и правового давления во имя достижения Соединёнными Штатами своих интересов.

EXPERT OPINION

US DRAFT BILL ON ACCESS TO PERSONAL DATA AS A TOOL OF INFORMATION WAR

Abstract. The article considers the US draft bill clarifying the legitimate use of foreign data as a legal tool for collecting personal data of users outside the US jurisdiction and

an attempt to extraterritorial application of the US legislation to obtain unlimited access to confidential information.

Keywords: “CLOUD act”; information war; personal data; legal instrument

ПРАВИЛА НАПРАВЛЕНИЯ, РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ И ОПУБЛИКОВАНИЯ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК ВОЕННОГО ПРАВА»

ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ

1. Основным содержанием рецензируемого научного издания – журнала «Вестник военного права» (далее – Журнал) являются научные статьи, научные обзоры, научные рецензии и отзывы, которые соответствуют научным специальностям, по которым Журнал включён в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук.
2. Направляемые в Редакцию для публикации научные статьи должны содержать основные научные результаты, самостоятельно полученные авторами в ходе проведения научных исследований, обладать актуальностью, практической значимостью, научной новизной и представлять интерес для специалистов.
3. Научные статьи, подготовленные по научной специальности, входящей в группы 12.00.00 «Юриспруденция», 20.00.00 «Военные науки», должны в соответствии с наименованием и тематикой журнала содержать раскрытие военно-правовых вопросов по теме статьи.
4. Представление в Редакцию материалов, ранее опубликованных, размещённых в сети «Интернет» или направленных на публикацию в другие издания, не допускается.
5. При использовании результатов чужих исследований или чужих научных идей обязательна ссылка на источник публикации и авторов этих сведений. Все материалы, направляемые в редакцию Журнала, проходят обязательную проверку на плагиат в системе «Антиплагиат. ВУЗ». Допускаемый порог оценки оригинальности составляет 60% и более текста статьи.
6. В одном номере Журнала может быть опубликовано не более двух материалов одного автора, даже если он выступает соавтором.
7. К статьям прилагаются сведения об авторе (авторская справка).
8. Представляемые к изданию статьи, в которых содержатся сведения, находящиеся в компетенции Военного университета, проходят обязательную экспертизу в соответствии с требованиями Инструкции о порядке подготовки в Вооружённых Силах Российской Федерации материалов к открытому опубликованию.
9. Авторы, в статьях которых содержатся сведения, не находящиеся в компетенции Военного университета, вместе с рукописью представляют экспертное заключение о возможности опубликования статьи в открытой печати, заверенное подписью руководителя и скреплённое печатью организации.
10. Рукописи адъюнктов, аспирантов, слушателей, курсантов, студентов принимаются к рассмотрению только при наличии отзыва научного руководителя или преподавателя с рекомендацией к опубликованию статьи.
11. Принятые к рассмотрению рукописи в обязательном порядке подвергаются рецензированию и в случае положительного результата его прохождения – научному, литературному редактированию и корректуре.
12. Электронные версии полнотекстовых типографских номеров Журнала (полнотекстовые варианты статей) в обязательном порядке размещаются в сети «Интернет» на сайте Журнала и в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru) в открытом доступе.
13. Переписка с авторами осуществляется только по электронной почте.
14. Все материалы публикуются в Журнале на безвозмездной основе: плата с авторов не взимается, гонорар им не выплачивается.
15. Перепечатка, воспроизведение и иное использование материалов, опубликованных в Журнале, возможны только по согласованию с Редакцией с обязательным указанием названия, номера и года издания Журнала.
16. При цитировании ссылки на Журнал и авторов публикаций обязательны.

Представляя научную статью в Редакцию автор подтверждает, что ознакомлен с полной версией Правил направления, рецензирования и опубликования научных статей в журнале «Вестник военного права», размещённой на сайте Журнала – vestnik-vp.ru

RULES OF SENDING, REVIEWING AND PUBLISHING SCIENTIFIC ARTICLES IN THE “VESTNIK VOENNONGO PRAVA” JOURNAL (THE JOURNAL OF MILITARY LAW)

GENERAL REQUIREMENTS

1. The main content of the peer-reviewed scientific journal “Vestnik Voennongo Prava” (The Journal of Military Law) (hereinafter – “the Journal”) is the scientific articles, scientific surveys, scientific reviews, testimonies that correspond to groups of scientific specialties, according to which the Journal is included in the list of peer-reviewed scientific editions for publishing main scientific results of dissertations for the academic degree of Candidate of Sciences and the academic degree of Doctor of Sciences.
2. The scientific articles sent to the Editorial Office for publication should contain the main scientific results obtained independently by the authors in the course of scientific research, have relevance, practical significance, scientific novelty and be of interest to specialists.
3. Scientific articles prepared on the scientific specialty, which is part of the 12.00.00 “Jurisprudence” and 20.00.00 “Military Sciences” groups, should, in accordance with the name and subject matter of the Journal, disclose military-legal issues on the topic of the article.
4. Submission to the Editorial Office of materials previously published, posted on the Internet or sent for publication to other publishing house is not allowed.
5. In case of using the results of someone else's researches or scientific ideas, a reference to the source of the publication and the authors of this information is mandatory. All materials sent to the Editorial Office of the Journal undergo mandatory test for plagiarism in the “Antiplagiat.VUZ” system. The originality of the article should be 60% or more.
6. No more than two materials of one author can be published in one issue of the Journal, even if he is a co-author.
7. The information about the author (author's background) is attached to the articles.
8. The articles submitted for publication that contain information within the competence of the Military University are subject to compulsory examination in accordance with the requirements of the Instruction on the Procedure for Preparing Materials for Open Publication in the Armed Forces of the Russian Federation.
9. The authors whose articles contain information not falling within the competence of the Military University together with the manuscript should present an expert opinion on the possibility of publishing an article in the open press certified by the signature of the head officer and sealed with the organization seal.
10. The manuscripts of adjuncts, post-graduate students, attendees, cadets and students are accepted for consideration only if there is a review of the scientific supervisor or lecturer with a recommendation to publish the article.
11. The manuscripts accepted for consideration are necessarily subjected to peer review and in case of a positive result of the review, they are subjected to scientific & literary editing and proofreading.
12. The online versions of the full-text typographic issues of the Journal (the full-text versions of the articles) are compulsorily placed in the Internet on the Journal's website (www.vestnik-vp.ru) and in the Russian Science Citation Index (RSCI) on the platform of the Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru) in the public domain.
13. Communication with authors is carried out only by e-mail.
14. All materials are published in the Journal free of charge: no fee is charged to the authors, no fee is paid to the authors.
15. Reprinting, reproduction and other use of materials published in the Journal are possible only with the approval of the Editorial Office, with obligatory indication of the title, number and year of the Journal issue.
16. It is obligatory to refer to the Journal and authors of the publications when quoting.

Presenting a scientific article to the Editorial Office, the author confirms that he/she is acquainted with the full version of the Rules of sending, reviewing and publishing scientific articles in the “Vestnik Voennongo Prava” journal (The Journal of Military Law), posted on the Journal's website – vestnik-vp.ru.

Научный рецензируемый журнал

Научный рецензируемый журнал «Вестник военного права» Военного университета Минобороны России ориентирован на публикацию результатов научных исследований по специальности 20.02.03 – «Военное право, военные проблемы международного права», а также иных научных работ, в которых рассматриваются вопросы правового обеспечения обороны и безопасности государства.

На страницах журнала представлены материалы по теории и истории военного права, отечественного военно-юридического образования, актуальные обзоры иностранных источников по военно-правовой проблематике. Регулярно освещаются научные мероприятия военно-правовой направленности. Публикуются анонсы монографических изданий и комментарии ведущих ученых по наиболее значимым проблемам и событиям в военно-правовой сфере.

www.vestnik-vp.ru

Актуальные события в мире военного права в стране и за рубежом

Комментарии экспертов

Международное военно-правовое обозрение

Анонсы неперiodических изданий по военному праву

Научные статьи

Правила направления, рецензирования и опубликования статей

Контактная информация:

+7 (967) 049-46-06, Балканов Илья Владимирович

111033, Москва, ул. Волочаевская, д. 3/4

vestnik-vp@mail.ru